

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 17 • № 4 • 2025 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокошин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, член Президиума РАН, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокруницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Зягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — доктор политических наук, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, профессор РАН, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, Москва, Россия; профессор кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, профессор РАН, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов, главный научный сотрудник Отдела международных политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Технический редактор

Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 17 • No. 4 • FALL • 2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — Doctor of Sciences (Political Science), PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, School of International Affairs, HSE University; Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Group on Peace and Conflict Studies, Chief Research Fellow at the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

Technical Editor

Bogdan A. Avdeev

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

**Периодичность —
четыре выпуска в год**

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» (1-й уровень), в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и список журналов Russian Science Citation Index (RSCI).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономика международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 23.01.2026. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,0.

Уч.-изд. л. 12,2. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 13111. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2025

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

Внешняя политика и научная дипломатия

Фененко А.В. Римский клуб и генезис «нового политического мышления» 9

Сулейманов И.Т. Советский опыт научной дипломатии: становление Объединенного института ядерных исследований 55

Энергетический переход и экономическая дипломатия

Алиев Р.А. Политика энергетической справедливости: теория, практика и опыт Прикаспийского региона 89

Проблемы глобального управления

Гришин Н.В. Рекомендации международных наблюдателей на выборах: принуждение или авторитет? 130

Региональные проблемы мировой политики

Арсентьева И.И. «Сотрудничество Юг–Юг с китайской спецификой»: к 10-летию Форума Китай–СЕЛАК 159

Ван Юйфэй. Интеррегиональная политика КНР на примере китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества 187

Внешняя политика России и стран СНГ

Зайцев М.Р. Ключевые направления трансформации системы экономической дипломатии Российской Федерации после 24 февраля 2022 г. 217

Научные обзоры и рецензии

Сидорович А.В. Роль России в современной евразийской интеграции в условиях геополитических изменений. *Рецензия на книгу Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова, В.И. Мунтияна «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире»* 244

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» в 2025 г. 251

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

Foreign Policy and Science Diplomacy

- F e n e n k o A.V. The Club of Rome and the Genesis of ‘New Political Thinking’ 9
- S u l e y m a n o v I.T. Soviet Experience of Science Diplomacy: Establishment of the Joint Institute for Nuclear Research 55

Energy Transition and Economic Diplomacy

- A l i y e v R.A. Energy Justice Policy: Theory, Practice and Experience of the Caspian Region 89

Issues of Global Governance

- G r i s h i n N.V. International Election Observer Recommendations: Coercion or Authority? 130

Regional Issues of World Politics

- A r s e n t y e v a I.I. ‘South–South Cooperation with Chinese Characteristics’: On the 10th Anniversary of the China–CELAC Forum 159
- W a n g Y u f e i. PRC’s Interregional Policy: A Case Study of Sino–Central Asian Economic Cooperation 187

Foreign Policy of Russia and the CIS Countries

- Z a y t s e v M.R. Russia’s Economic Diplomacy System: Key Transformations after February 24, 2022 217

Review Essays and Book Reviews

- S i d o r o v i c h A.V. Russia’s Role in Contemporary Eurasian Integration in the Context of Geopolitical Changes. *Book Review of ‘Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World’ by L.E. Slutsky, M.I. Krotov, and V.I. Muntiyar* 244

- Complete List of Papers Published in Lomonosov World Politics Journal in 2025* 251

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-9-54

Научная статья / Research paper

А.В. Фененко*

РИМСКИЙ КЛУБ И ГЕНЕЗИС «НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Сорокалетняя годовщина начала перестройки и «нового политического мышления» делает вновь актуальными дискуссии о специфике и механизмах формирования внешней политики позднего Советского Союза. В этом контексте исследователи, как правило, акцентируют внимание на взглядах самого М.С. Горбачёва и его единомышленников или на идеологии «либерального крыла» партийной элиты. Между тем упускается из виду, что уже с начала 1970-х годов СССР вел диалог с так называемым Римским клубом, который разрабатывал и активно продвигал на международном уровне концепцию «общих вызовов человечества», или глобальных угроз. В рамках данной статьи выдвигается гипотеза, что именно эти идеи Римского клуба, оказавшиеся очень созвучными настроениям тогдашнего советского руководства, взявшего курс на разрядку и постепенное сближение СССР и стран Запада, в значительной мере и подготовили почву для появления концепции «нового политического мышления» в середине 1980-х годов. Для того чтобы проверить эту гипотезу, автор подробно рассматривает процесс сближения СССР с Римским клубом, сопровождавшийся усвоением советским научным сообществом и частью политических элит идей последнего. Показано, как в СССР постепенно формировалась целая сеть институтов и лабораторий, занимавшихся исследованиями в русле идей Римского клуба. Эти исследования с самого начала приобрели характер своеобразной системной оппозиции официальной идеологии марксизма-ленинизма, отличались либерально-глобалистским настроем. Под их прямым воздействием в советскую официальную риторику прочно

* Фененко Алексей Валериевич — доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: afenenko@gmail.com).

вошли концепция «ядерной зимы» и идея о приоритете общечеловеческих интересов над государственными. Проведенное исследование позволяет по-новому оценить идеологическую преемственность между разрядкой и перестройкой и посмотреть на последнюю как на закономерное следствие укоренения в советском руководстве идей Римского клуба о необходимости обеспечить выживаемость человечества в эпоху глобальных угроз, ради чего допустимо частично пожертвовать государственными интересами СССР.

Ключевые слова: СССР, Римский клуб, «новое политическое мышление», глобальные проблемы, глобальные угрозы, глобалистика, устойчивое развитие, неомальтузианство, научная дипломатия, ядерная зима, разрядка, М.С. Горбачёв

Для цитирования: Фененко А.В. Римский клуб и генезис «нового политического мышления» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 9–54. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-9-54.

Aleksey V. Fenenko

THE CLUB OF ROME AND THE GENESIS OF ‘NEW POLITICAL THINKING’

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The 40th anniversary of the beginning of Perestroika and ‘new political thinking’ has revived debates on the specifics and mechanisms of the late Soviet Union’s foreign policy. In this context, researchers typically focus either on the views of M.S. Gorbachev and his associates or on the ideology of the ‘liberal wing’ of the party elite. However, they overlook the fact that, as early as the early 1970s, the USSR had engaged in a dialogue with the so-called Club of Rome, which developed and actively promoted the concept of ‘common challenges to humanity’ or global threats. The author hypothesizes that it was these ideas of the Club of Rome, which resonated strongly with the sentiments of the then Soviet leadership pursuing a course of détente and gradual rapprochement between the USSR and Western countries, that largely paved the way for the emergence of the ‘new political thinking’ concept in the mid-1980s. To test this hypothesis, the author examines the process of rapprochement between the USSR and the Club of Rome, which involved the internalization of the latter’s ideas by the Soviet scientific community and a part of the political elite. The article demonstrates

how an entire network of institutes and laboratories engaged in research aligned with the ideas of the Club of Rome gradually developed in the USSR. From the outset, these studies, marked by a liberal-globalist orientation, constituted an intellectual counter-current to the official Marxist-Leninist ideology. Under their direct influence, the concept of 'nuclear winter' and the idea of prioritizing universal human interests over national ones became firmly embedded in the Soviet official rhetoric. Thus, this research not only highlights the ideological affinity of détente and 'perestroika' but shows that the latter was a logical consequence of the entrenchment within the Soviet leadership of the ideas about the necessity of ensuring humanity's survival in an era of global threats for the sake of which it was deemed justifiable to sacrifice national interests.

Keywords: USSR, Club of Rome, 'new political thinking', global problems, global threats, global studies, sustainable development, neo-Malthusianism, science diplomacy, nuclear winter, détente, M.S. Gorbachev

About the author: Aleksey V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: afenenko@gmail.com).

For citation: Fenenko A.V. 2025. The Club of Rome and the genesis of 'new political thinking'. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 9–54. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-9-54. (In Russ.)

В 2025 г. российские СМИ и, в меньшей степени, академические исследователи вспоминали 40-летнюю годовщину прихода к власти М.С. Горбачёва и связанного с ним понятия «новое политическое мышление». Генезис этой идеологии остается, однако, до настоящего времени недостаточно изученным. В публикациях по данной проблеме исследователи акцентируют внимание на взглядах самого М.С. Горбачёва и его единомышленников [Швед, 2016; Спицын, 2025] или на идеологии так называемого либерального крыла партийной элиты [Барсенков, 2012; Полюнов, 2017]. Вместе с тем мало кто обратил внимание на роль диалога, который с начала 1970-х годов СССР вел с Римским клубом, разрабатывавшим концепцию «общих вызовов человечества», или глобальных угроз. Хотя именно здесь лежали, по нашему мнению, истоки советской концепции «нового политического мышления» с ее упором на выживаемость человечества в эпоху глобальных угроз [Фененко, 2025: 465–466] и соответственно готовности пожертвовать частью интересов Советского Союза ради якобы предотвращения глобальной катастрофы. Здесь

же, как представляется, следует искать отчасти и истоки советской теории международных отношений, насколько эти термины вообще применимы в данном контексте.

Официально теории международных отношений как отдельной самостоятельной дисциплины в СССР не было: международные исследования проводились в рамках всеобщей истории или истории дипломатии [История дипломатии..., 1941–1945; Международные отношения..., 1962–1965] на основе исключительно марксистско-ленинской методологии. Считалось, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин открыли все законы общественного развития: достаточно только применить формационный подход к анализу международных отношений [Косолапов и др., 2021: 81–82]. В Советском Союзе при этом использовали термин «марксизм-ленинизм», а не «марксизм» [см. подробнее: Ленинизм..., 1970: 567–597], поскольку первый, в отличие от своего первоначального варианта, предполагал смещение акцента на роль государства, партии и теории революции в эпоху империализма. Однако уже с конца 1950-х годов в СССР стали проникать западные исследования в области международных отношений. Советские ученые усваивали их двумя путями: 1) через публикации обзоров «буржуазных теорий», где через призму их критики воспроизводилась картина западной мысли в области международных отношений [Современные буржуазные теории..., 1976; Хозин, 1982]; 2) с помощью обсуждения «глобальных проблем человечества», что предполагало интерес к повестке Римского клуба [Фёдоров, 1977]. Частичный отход советской науки от марксизма был, таким образом, связан в том числе с усвоением глобалистики, которая во многом повлияла на характер исследований в СССР международных отношений. Многие из этих идей легли в основу концепции «нового политического мышления», ставшей с 1986 г. официальной внешнеполитической идеологией Советского Союза.

Изучить эти процессы позволяет теория влияния идеологии на внешнюю политику государства, которая стала методологической основой статьи. Ключевое значение для выбранной темы имеют работы двух немецких социологов: К. Манхейма и Ю. Хабермаса. Карл Манхейм (1892–1947) различал два типа идеологии: частную (отдельные утверждения, используемые для защиты определенных интересов) и тотальную (целостное мировоззрение, характерное для определенной социальной группы или класса) [Манхейм, 1994: 59]. Еще дальше пошел Юрген Хабермас, разработавший теорию

коммуникативного действия [Хабермас, 2000], согласно которой идеологически обусловленный дискурс формирует общественное мнение и в конечном счете влияет на внешнюю политику. В данной статье мы рассматриваем идеологию Римского клуба как изначально частную, призванную отстаивать интересы стран Запада в противостоянии с государствами «третьего мира», которая постепенно стала превращаться в тотальную идеологию «глобальных проблем человечества». С середины 1970-х годов часть советского научного сообщества, а затем и советской политической элиты начала приобщаться к этой идеологии, что послужило фундаментом для формирования впоследствии концепции «нового политического мышления», изменившей внешнеполитический дискурс СССР.

Гипотеза исследования предполагает, что сотрудничество Москвы с Римским клубом:

- способствовало становлению в Советском Союзе науки о международных отношениях через усвоение идей Римского клуба и предложенной им глобальной повестки;
- соответствовало общей концепции разрядки, понимаемой советским руководством как постепенное сближение СССР и стран Запада;
- готовило почву для появления концепции «нового политического мышления» в середине 1980-х годов.

Доказательство данной гипотезы предполагает решение трех важных задач: показать процесс сближения СССР с Римским клубом, рассмотреть усвоение советским научным сообществом его идей и определить влияние его концепции «глобальных проблем человечества» на становление советской политики перестройки.

Римский клуб в зеркале историографии

В политической науке история Римского клуба изучена неравномерно. Условно можно выделить три точки зрения исследователей на причины его появления.

1. *Римский клуб — центр решения глобальных проблем человечества.* Этот подход обосновал сам создатель клуба, итальянский ученый и политик Аурелио Печчеи (1908–1984), утверждавший: «...одина не мог сделать ничего и тогда решил создать небольшой круг единомышленников, с которыми можно было бы вместе подумать о том, как сформулировать эти мировые проблемы и предложить новые подходы к их изучению» [Печчеи, 1985: 99]. Его последовате-

ли рассматривают Римский клуб и его доклады как свидетельство зарождавшегося экологического сознания — своеобразный «шок от глобального» [см. подробнее: Pauli, 1987; Moll, 1991]. Еще дальше пошли американский исследователь Найл Фергюссон и его единомышленники [The shock of the global..., 2010], утверждавшие, что появлению Римского клуба способствовало широкое распространение компьютерного моделирования, которое породило моду как на апокалиптические, так и на оптимистические сценарии. Популярность этого подхода возросла на рубеже веков, когда появилась литература о стабильных отрицательных воздействиях глобализации на Землю и угрозе истощаемости невосполнимых природных ресурсов [Globalization..., 1998; Falk, 1999].

Данный подход получил большую популярность в отечественной науке. Еще в 1982 г. вышла в свет специальная работа В.М. Лейбина о Римском клубе [Лейбин, 1982], которая, несмотря на критику, подробно знакомила читателя с его разработками. Автор признавал, что Римский клуб удовлетворил потребность читателя в футурологии [Лейбин, 1982: 65]. При этом В.М. Лейбин исходил из того, что выявление отношений между природой, обществом и человеком предполагает раскрытие сути предметно-социальной деятельности индивида, в противном случае наступает ситуация, когда система поглощает человека [Лейбин, 1982: 4–5]. Фактически автор упрекал Римский клуб в недостаточном внимании к социальным аспектам взаимодействия человека и природной среды, призывая, таким образом, расширить методологию западных исследований.

В середине 1980-х годов академик Н.Н. Моисеев подчеркивал, что исследования Римского клуба утверждают «объективную необходимость поиска новых путей развития нашей цивилизации, необходимость нового понимания процесса мирового развития» [Моисеев, 1987: 223]. «Римский клуб, ориентированный на решение глобальных проблем и привлечение к ним внимания мирового сообщества, был создан по личной инициативе крупного бизнесмена, впоследствии видного общественного деятеля Аурелио Печчеи, который стал не только организатором, но и первым президентом этой необычной организации», — указывали авторы энциклопедического справочника «Глобалистика. Персоналии, организации, труды» [Глобалистика..., 2016: 158–160]. «При этом Римский клуб изначально не связан с каким-либо государством, организацией или политической партией. Нет у него и постоянного бюджета, так как, по

мнению создателей организации, это могло бы ограничивать свободу их действий», — отмечают российские исследователи А.Н. Чумаков и Н.П. Штарк [Чумаков, Штарк, 2019: 42].

2. Римский клуб — дочерний институт Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Сторонники этой точки зрения утверждают, что гораздо большую, чем А. Печчеи, роль в основании Римского клуба сыграли генеральный секретарь ОЭСР датчанин Торкил Кристенсен (1899–1989) и ее научный директор англичанин Александр Кинг (1909–2007)¹. Последний в 1947–1950 гг. занимал пост руководителя научного секретариата Комитета по оборонной и научной политике Великобритании. Сам А. Кинг был солидарен с этой точкой зрения: «Кристенсен и я чувствовали, что правительства, хотя и готовы обсуждать эти вопросы, не способны действовать достаточно быстро или адекватно реагировать на изменения. Правительственные бюрократы даже в большей степени, чем министры, могут действовать лишь постфактум. Они реагируют только после событий и не могут их предвидеть. Они не готовы к ним. Именно в это время Кристенсен и я связались с Аурелио Печчеи. Фактически Римский клуб был создан внутри ОЭСР в связи с такими проблемами» [цит. по: Murawiec, Paoli, 1981: 19]. «Я утверждаю, что, хотя тесные отношения между Римским клубом и ОЭСР часто игнорируются в общественной памяти и в исторических исследованиях, они играют центральную роль в понимании основания и ранней эволюции Римского клуба», — писал швейцарский исследователь Маттиас Шмельцер [Schmelzer, 2017: 27].

Еще дальше пошел канадский исследователь Джейсон Лемуан Черчилль. В работе «Пределы влияния: Римский клуб и Канада, 1968–1988» (2006) [Churchill, 2006] он рассматривал, как Римский клуб влиял на выработку решений канадского правительства. По мнению Дж.Л. Черчилля, канадский премьер-министр Пьер Трюдо (1968–1984 гг. с перерывом) был заинтересован в распространении идей Римского клуба и искал «новые политические и моральные подходы». Эти наблюдения Дж.Л. Черчилля позволяют по-новому посмотреть на советскую идеологию «нового политического мышления»: они показывают, что не только в СССР, но и в других странах

¹ Suter K. Fair warning? The Club of Rome revisited // ABC. 1999. Available at: <https://www.abc.net.au/science/slab/rome/> (accessed: 15.12.2025).

были симпатии и интерес к идеологии «глобальных проблем человечества» и «новым моральным подходам».

Иной взгляд на проблему предложил немецкий исследователь Кристиан Альбрехт. В статье «“Атлантическое сообщество” в глобальном контексте: глобальный кризис и атлантизм в контексте Римского клуба, 1960–1970-е годы» [Albrecht, 2014] он рассматривал его деятельность как важный шаг в укреплении идей «западного единства». Римский клуб выступал, по его мнению, единым «атлантическим» органом, предлагавшим миру единый, «западный» взгляд на мировые проблемы и будущее человечества. Возникал как бы общий проект, который в той или иной форме принимали правительства ведущих западных стран. Но одновременно Римский клуб, связанный с крупным бизнесом и высокопоставленными чиновниками, разрабатывал и продвигал концепцию «управления планетой». Она утверждалась в сознании западных элит, формируя «глобалистское» мышление.

3. *Римский клуб как глобальный политический проект западных стран.* Исследования в этой сфере изначально примыкали ко второму подходу и как бы логически вырастали из него. Однако, в отличие от представителей последнего, исследователи этого направления видели в Римском клубе гораздо более масштабный проект, чем простое приложение к ОЭСР. В основе такого понимания лежали исследования Римского клуба в области переоценки ресурсной базы Земли. Первая половина 1970-х годов стала временем нефтяных шоков, и идеи об исчерпаемости ресурсов Земли хорошо соответствовали этим настроениям [см. подробнее: Sörlin, Warde, 2007: 122–124]. Сандрина Котт указала, что Римский клуб создал мощную сеть влияния в других странах, т.е. механизм своеобразного воздействия на элиты [Kott, 2011]. Это означало, что его идеи ограничения ресурсов и потребления могли быть использованы для навязывания развивающимся странам определенных и не всегда выгодных им условий.

В СССР также появилась серия публикаций, где прогнозы Римского клуба рассматривались как попытка ограничить экономический рост развивающихся стран [см. подробнее: Ермоленко, 1977: 128–182]. Подобную оценку идеям Римского клуба дал видный специалист-международник академик А.А. Кокошин. «Рекомендации Медоуза сводились к требованиям резкого сокращения темпов роста населения и промышленного производства, доведения их до уровня

простого воспроизводства. <...> Весьма негативно эти рекомендации были встречены во многих развивающихся странах, справедливо усмотревших в них попытку оправдать отказ от содействия их развитию», — писал он еще в 1978 г. [Кокошин, 1978: 44]. В похожем (хотя и более завуалированном) ключе трактовал деятельность Римского клуба отечественный теоретик международных отношений Н.А. Косолапов. «Осознание того, что человечество вступило в эпоху глобализма и стоит перед принципиально новыми для себя проблемами, началось на рубеже 1960-х годов с известных докладов Римского клуба и было продолжено в 1970-е годы экологами в русле работ по устойчивому развитию», — писал он в 2002 г. Далее исследователь как будто смягчал свой тезис: «Однако в те десятилетия представители обоих направлений не связывали или лишь минимально связывали свои предупреждения с проблематикой международных отношений» [Богатуров и др., 2002: 311]. Впрочем, в самом тексте он не раз отмечал, что концепция «устойчивого развития» Римского клуба требует более жесткого контроля над распределением ресурсов, а это означает переход к глобальному управлению в интересах ведущих стран — США и их ближайших союзников [Богатуров и др., 2002: 315].

Сопоставляя эти точки зрения, можно сделать вывод об эволюции научных представлений о Римском клубе. И зарубежные, и отечественные (пока еще в меньшей степени) исследователи отказываются от взгляда на эту организацию как на бескорыстный «клуб интеллектуалов», озабоченных мировыми проблемами. Римский клуб возникал в тесной ассоциации с ОЭСР — институтом, объединявшим с 1948 г. США и страны Западной Европы в общее экономическое пространство. Выдвижение глобальной экологической повестки, включая переоценку ресурсной базы Земли, проводилось также в тесном взаимодействии с ОЭСР. Вопрос заключался только в том, была ли у Римского клуба целостная программа по ограничению экономических инициатив стран «третьего мира» или же она создавалась постепенно под воздействием политической ситуации.

Гораздо меньше в политической науке изучены отношения СССР с Римским клубом. Начало этим исследованиям было положено в 1997 г., когда под редакцией академика Дж.М. Гвишиани (1928–2003) вышла книга «Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы» [Римский клуб..., 1997]. В 2004 г. в дополнение к ней были изданы мемуары «Мосты

в будущее»², где автор вспоминал историю становления партнерства СССР с Римским клубом.

За минувшие 20 лет появились две группы работ, где опосредованно изучались взаимоотношения СССР и Римского клуба. В первой группе авторы рассматривали разработку советскими учеными 1980-х годов концепции «устойчивого развития», включая их связь с концепцией «ядерной зимы» [см., например: Ильинская, 2019]. Исследователи второй группы анализировали восприятие идей Римского клуба в советской научной среде и попытки их адаптации к советским реалиям [см., например: Грентикова, 2008; Римский клуб..., 2017]. Существует и пока еще немногочисленное критическое направление, в рамках которого повестка Римского клуба рассматривается как набор манипулятивных постулатов, некритично воспринятых руководством СССР [см., например: Павленко, 2011]. При этом, правда, и в таких работах нет ответа на ключевой вопрос: что, собственно, побудило советскую элиту воспринять заведомо спекулятивные теории?

Столь слабая изученность проблемы открывает широкий простор для появления всевозможных конспирологических версий. Их воплощением стала опубликованная в 1992 г. книга публициста Джона Коулмана, бывшего сотрудника британских спецслужб, «Комитет 300» [Коулман, 2005]. В ней автор утверждал, что Римский клуб — это один из инструментов «мирового правительства», стремящегося к установлению Нового мирового порядка и сокращению населения планеты. Участие СССР в этом проекте, по мнению Дж. Коулмана, было предательством своих государственных интересов. Различные пересказы этой книги или ее отдельных фрагментов регулярно появляются в интернете³.

Если отбросить конспирологию, то материал Дж. Коулмана наталкивает на иные, чем, видимо, ожидал сам автор, размышления. Он подробно описывал, как основатель Римского клуба А. Печчеи предлагал Советскому Союзу сближение с НАТО и партнерство с США в рамках Нового мирового порядка. Благоклонное восприятие советскими руководителями начала 1970-х годов этих посулов может свидетельствовать, что они чувствовали себя ближе

² Гвишиани Дж.М. Мосты в будущее. М.: УРСС, 2004.

³ См., например: Катасонов В. Открытый заговор «Римского клуба» // Завтра.ру. 18.02.2025. Доступ: https://zavtra.ru/blogs/otkritij_zagovor_rimskogo_kluba?ysclid=mi8lhrryaz135863598 (дата обращения: 15.12.2025).

к элитам западных государств, чем, например, постколониальных стран «третьего мира», маоистского Китая или радикально-коммунистических движений Латинской Америки. СССР наряду с США и Великобританией был одним из создателей Ялтинского порядка и разделял с ними ответственность за управление глобальными процессами в рамках Совета Безопасности ООН. В советской элите были сильны настроения, что холодная война — явление временное, «реакционное», и в перспективе желательно вернуться к кооперационному взаимодействию бывших стран антигитлеровской коалиции.

В последние годы стало формироваться новое направление, связанное с изучением советской теории международных отношений. Долгое время наработки советских ученых были мало известны научной аудитории: преобладала точка зрения, что они ограничивались пересказом западных концепций. Ситуация изменилась после выхода в свет в 2004 г. исследования П.П. Черкасова «ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи» [Черкасов, 2004]. Эта работа открыла новые перспективы для анализа советской научной мысли, показав, что в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) велись самостоятельные разработки в области глобального моделирования и прогнозирования, которые, хотя и находились под влиянием марксистской идеологии, представляли собой оригинальные попытки осмысления мировой политики. Изучение этих разработок позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие СССР с Римским клубом, увидеть не только рецепцию западных идей, но и встречное движение, попытки советских ученых предложить свои альтернативы решения глобальных проблем.

В частности, интерес представляют исследования, посвященные анализу советских моделей мирового развития, разработанных во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ) АН СССР [Философско-методологические основания..., 1983] и Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН)⁴ АН СССР [Глобальные проблемы современности..., 1983]. Изучение таких моделей позволяет понять, насколько советские ученые были расположены к сотрудничеству с Римским клубом и на какие компромиссы они готовы были пойти ради достижения общих целей.

⁴Первоначальное название было ИНИБОН — Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР.

Новым шагом в этом направлении стал выход в 2022 г. работы «Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы» [Основы теории международных отношений..., 2022]. Эта рукопись, подготовленная коллективом авторов под редакцией академика Н.Н. Иноземцева, создавалась в ИМЭМО АН СССР с 1969 г. и должна была увидеть свет в 1981 г. Однако из-за ограничений идеологического характера, сложности международного положения и внутривнутриполитической ситуации в Советском Союзе труд не был издан. Спустя 40 лет рукопись была обнаружена в архивах ИМЭМО, и коллектив исследователей во главе с Н.А. Косолаповым подготовил ее к изданию. Выход в свет «Основ теории международных отношений» позволил ввести в научный оборот уникальный источник, отражающий взгляды советских ученых на природу международных отношений, их движущие силы и тенденции развития. В книге содержится подробный анализ основных концепций и теорий, существовавших в мировой политической науке, а также предлагается собственная методология исследования международных процессов, основанная на марксистско-ленинской идеологии, но с учетом новейших достижений науки и техники. Особое внимание уделяется анализу глобальных проблем, таких как предотвращение ядерной войны, преодоление отсталости развивающихся стран, охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Публикация этой работы показала близость нарративов советского марксизма-ленинизма и концепции «устойчивого развития», разработанной Римским клубом. Обе идеологии постулировали, что на смену борьбе национальных государств должна прийти некая новая, надгосударственная, или «транснациональная» система международных отношений. Обе идеологии полагали, что логика прогресса должна сменить логику межгосударственных войн и поставить на повестку дня работу над совместным решением глобальных проблем. Обе идеологии видели в будущем возможность перехода к кооперационной деятельности в интересах более крупной общности — человечества. В известном смысле научный коммунизм и концепция «устойчивого развития» оказались ближе друг к другу, чем к различным теориям межгосударственного соперничества. Такая комплементарность во многом обусловила их сближение, что фактически стало концептуальной основой для

попыток выстроить кооперационную систему отношений между СССР и странами Запада.

Идеология Римского клуба

Становление Римского клуба и содержание его первых докладов проанализированы в научной литературе достаточно подробно [Лейбин, 1982, 1997]. Однако для нашей темы гораздо больший интерес представляют те исторические условия, в которых они возникли.

1950-е годы стали временем деколонизации и появления большого количества суверенных государств Азии и Африки — так называемого третьего мира. В следующем десятилетии эти страны поставили вопрос о трансформации мирового экономического порядка, т.е. частичной реформе Бреттон-Вудской системы, чьи институты были построены без учета их интересов. В 1963 г. был создан Консультативный комитет по применению достижений науки и техники в целях развития ООН (АКАСТ; Advisory Committee on the Application of Science and Technology to Development, ACAST). В 1964 г. в Женеве под эгидой ООН собралась первая Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД; United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD), целью которой было названо улучшение условий внешней торговли молодых освободившихся стран. В ее рамках появилась «Группа 77» — блок развивающихся государств, которые стали требовать предоставления им торговых преференций, оказания им помощи со стороны промышленно развитых стран в форме кредитов, займов и грантов.

Запад был вынужден пойти на уступки. В 1965 г. к ГАТТ⁵ было добавлено положение, что развитые страны согласились отменить тарифы на импорт развивающихся государств для стимулирования их экономики. В том же 1965 г. была запущена Программа развития ООН (ПРООН) как механизм взаимодействия развивающихся и развитых стран. В 1973 г. «Группа 77» провела совещание в Алжире о возможности создания Нового мирового экономического порядка (НМЭП).

На этом фоне происходила экологизация повестки международных отношений. Еще в 1948 г. возник Международный союз охраны природы (МСОП), который возглавил работы по охране

⁵ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (General Agreement on Tariffs and Trade, GATT). — *Прим. ред.*

окружающей среды в большинстве стран мира. В 1949 г. в рамках МСОП была создана постоянная Комиссия по редким видам (Species Survival Commission)⁶. Работу союза дополняли неправительственные организации: Фонд охраны природы и Всемирный фонд дикой природы (World Wildlife Fund, WWF)⁷.

В таких условиях страны Запада стали рассматривать политизацию экологии как способ ответа на растущие претензии развивающихся государств. Автором этой концепции был уже упомянутый генеральный директор по вопросам науки ОЭСР А. Кинг, предложивший связать проблемы экономического роста с экологической политикой [Schmelzer, 2017: 31]. Эти настроения привели к созданию 6–7 апреля 1968 г. Римского клуба как международной общественной организации, президентом которой стал итальянский промышленник А. Печчеи. Первая встреча клуба состоялась в Академии деи Линчеи в Риме, где собрались три десятка ученых, представителей деловых кругов и общественных деятелей.

В 1969 г. А. Печчеи выпустил свою программную книгу «Перед бездной» [Pesci, 1969]. В ней он сформулировал набор положений, которые в дальнейшем получили название «Проект 1969». Итальянский предприниматель высказывал опасения по поводу того, что глобальные проблемы угрожают человечеству. Их решению, по мнению А. Печчеи, препятствует государственный суверенитет: страны зачастую не желают слышать о проблемах, требующих урегулирования на наднациональном уровне. Он предлагал отказаться от принципа суверенности государств и искать новые формы транснациональной организации, в основу которой легла бы система скоординированных между собой географических и функциональных центров принятия решений. А. Печчеи также поднимал проблему обеспечения минимального уровня жизни жителям планеты в условиях ограниченности природных ресурсов и ускоренного роста мирового населения.

⁶ Одним из направлений деятельности МСОП стало создание всемирного кадастра животных, которым по тем или иным причинам угрожает вымирание. Председатель комиссии Питер Скотт предложил назвать данный список «Красной книгой» («Red Data Book»), так как красный цвет символизирует среди прочего и опасность. «Красную книгу» МСОП часто называют «Международной красной книгой».

⁷ В 1984 г. он сменил название на Всемирный фонд природы (World Wide Fund for Nature), сохранив прежнюю аббревиатуру — WWF.

Основой деятельности Римского клуба стала глобалистика — оценка развития Земли как единой и целостной системы [см. подробнее: Сидорина, 2018]. На своем первом собрании в 1970 г. клуб заслушал доклад американского ученого турецкого происхождения Хасана Озбекхана (1921–2007) «Предостережения человечеству». Он затронул четыре основные проблемы: потребление энергии, перенаселение, истощение природных ресурсов и деградация окружающей среды, которые стали основной повесткой для обсуждения в рамках Римского клуба. Затем по предложению его участников американский инженер Джей Райт Форрестер (1918–2016) применил разработанную им методику моделирования на электронных вычислительных машинах (ЭВМ) к мировой проблематике. Результаты «группы Форрестера», опубликованные в книге «Мировая динамика» (1971), указывали, что развитие человечества на физически ограниченной планете Земля приведет к экологической катастрофе уже в 2020-х годах.

В 1972 г. многонациональная группа ученых, работавшая под руководством американского математика Денниса Медоуза (1941–2001), ученика Дж.Р. Форрестера, подготовила первый доклад Римского клуба под названием «Пределы роста» [Медоуз и др., 1991]. В нем постулировалось, что мировое развитие ограничено ввиду исчерпаемости природных ресурсов в планетарном масштабе. Благоприятными сценариями авторы видели ограничение рождаемости и потребления природных ресурсов, а также замораживание экстенсивной модели экономического роста.

В 1974 г. вышел второй доклад Римского клуба, написанный под руководством сербского математика Михайло Месаровича (1928 — н.в.) и немецкого экономиста Эдуарда Пестеля (1914–1988), «Человечество на перепутье» [Mesarovic, Pestel, 1974]. В нем мировая экономика рассматривалась как математически сложная система, описываемая набором дифференциальных уравнений. Авторы предложили концепцию «органического роста», согласно которой каждый регион мира должен выполнять свою особую функцию, подобно клетке живого организма. В докладе указывалось, что развивающиеся страны должны ограничить свое стремление к индустриализации, т.е. потребление природных ресурсов. Это также означало, что страны «третьего мира» не должны создавать мощные военно-промышленные комплексы, способные в будущем стать угрозой Западу.

В 1976 г. Римский клуб издал третий доклад «Пересмотр международного порядка». Его руководителем стал голландский экономист Ян Тинберген (1903–1994) [Тинберген, 1980]. Основная его идея заключалась в перестройке мировой экономики. Участники «группы Тинбергена» пришли к выводу о необходимости осуществить международные реформы в целях обеспечения достоинства и благополучия каждого человека. Авторы доклада призывали к построению гуманистического общества, способствующего сохранению окружающей среды и достижению всеобщего равенства. В докладе также упоминался важный термин: «повышение устойчивости мирового развития».

В 1977 г. последовал четвертый доклад Римского клуба «Цели для человечества» [Laszlo, 1977], подготовленный группой ученых во главе с венгерским философом-эмигрантом Эрвином Ласло (1932 — н.в.). Этот доклад выводил глобальные проблемы на политический уровень, постулируя формирование «глобальной солидарности», чего, по мнению авторов, возможно достичь путем «революции мировой солидарности». Разработчики доклада выдвинули четыре глобальные цели:

- 1) формирование глобальной безопасности — прекращение гонки вооружений, исключение войн и конфликтов, отказ от насилия;
- 2) решение продовольственной проблемы в глобальном масштабе — ликвидация голода, создание мировой системы, позволяющей удовлетворить потребности в продовольствии всех людей на Земле;
- 3) установление глобального контроля над использованием энергетических и сырьевых ресурсов — переход к рациональному и экологически безопасному энергопользованию;
- 4) содействие глобальному развитию, ориентированному на качественный рост: повышение качества жизни, социальная справедливость в распределении материальных и духовных благ.

Представленные в докладах концепции неоднократно подвергались критике по нескольким аспектам: мальтузианство, ненадежность прогнозов, политизированность, ограничение развития стран «третьего мира» (см. подробнее: [Лейбин, 1982: 5–12]). Однако, несмотря на все обоснованные сомнения, идеи Римского клуба были широко популяризированы на Западе. 5–16 июня 1972 г. в Стокголь-

ме прошла Конференция ООН по проблемам окружающей среды. Принятая по ее итогам Стокгольмская декларация⁸ установила принципы ее сохранения. Первая часть декларации провозглашала ответственность человека перед природой и необходимость решения накопившихся проблем. Вторая часть документа содержала 26 принципов, которыми необходимо руководствоваться государствам в преодолении экологических вызовов. Государства, таким образом, соглашались на проникновение международных экологических организаций в их внутреннюю политику. По итогам Стокгольмской конференции была создана Программа ООН по окружающей среде, или ЮНЕП (United Nations Environment Programme, UNEP), целью которой стало проведение мер, направленных на защиту и улучшение окружающей среды.

Стокгольмская декларация затрагивала также вопросы взаимоотношений развитых и развивающихся государств. Так, шестой принцип декларации гласил: «Введение в окружающую среду токсических веществ или других веществ и выброс тепла в таких количествах или концентрациях, которые превышают способность окружающей среды обезвреживать их, должны быть прекращены, с тем чтобы это не наносило серьезного или непоправимого ущерба экосистемам»⁹. Это означало ограничение возможности индустриализации и мобилизации трудовых резервов. Объективно решения Стокгольмской конференции делали невозможной реализацию проекта НМЭП и снижали потенциал экономического роста в развивающихся странах.

В этом контексте, как представляется, можно по-новому посмотреть на процесс сближения СССР с Римским клубом. Поддержка советским руководством западного проекта, направленного на ограничение экономического развития стран «третьего мира», означала отказ Советского Союза от лидерства в антиколониальной борьбе и постепенную сдачу советских позиций в развивающихся государствах.

⁸ Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 г. // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 15.12.2025).

⁹ Там же.

Подключение СССР к работе Римского клуба

На волне политики разрядки страны Запада взяли курс на подключение Советского Союза к работе Римского клуба. К концу 1960-х годов СССР уже имел механизмы научного сотрудничества с Соединенными Штатами и другими странами Запада. С 1957 г. Советский Союз участвовал в международном Пагуошском движении ученых, выступавших за мир, разоружение и международную безопасность. С этой целью Президиум АН СССР сформировал группу по участию в деятельности Пагуошского движения во главе с главным ученым секретарем Президиума АН СССР академиком А.В. Топчиевым (1907–1962)¹⁰. 27 января 1958 г. посол СССР в США Г.Н. Зарубин и специальный помощник государственного секретаря США У.С. Лэйси подписали Соглашение об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях. На базе этого документа выросло поколение советских ученых, которые были в целом восприимчивы к идее сотрудничества со странами Запада, прежде всего с США.

Параллельно в СССР происходила реабилитация ряда «буржуазных наук», включая социологию и кибернетику. В 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация, занимавшаяся критическим анализом буржуазной социологии; в 1968 г. — Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, который возглавил академик А.М. Румянцев (1905–1993). В 1972 г. эта структура была переименована в Институт социальных исследований — ИСИ. В 1969 г. Институт автоматики и телемеханики (ИАТ) АН СССР был переименован в Институт проблем управления (ИПУ) АН СССР, который стал центром кибернетики.

Во второй половине 1950-х годов в западной социологии появилась теория конвергенции (от лат. *converge* — сближение, схождение), согласно которой социализм и капитализм, заимствуя друг у друга лучшее, в конце концов сольются в единую систему. Основателем этой теории был известный русский социолог-эмигрант Питирим Сорокин (1889–1968). В дальнейшем ее развивали такие видные западные мыслители, как американский экономист Джон Гэлбрейт (1908–1992), американский социолог Уот Уитмен Ростоу (1916–2003), голландский экономист Ян Тинберген (1903–1994), французский

¹⁰ В 1964 г. решением ЦК КПСС эта группа была официально преобразована в Советский Пагуошский комитет при Президиуме АН СССР.

католический философ Пьер Тейяр де Шарден (1891–1955). Если первоначально теория конвергенции вызывала скепсис, то в середине 1960-х годов на фоне косыгинских реформ в СССР, рыночных реформ в Венгрии и успехов скандинавской социал-демократии она стала смотреться как серьезный научный прогноз.

Отношение к теории конвергенции в Советском Союзе было неоднозначным. Официально она объявлялась «буржуазной», т.е. противоречившей постулатам марксизма-ленинизма. Открыто в ее поддержку выступил только известный академик А.Д. Сахаров в 1968 г. Однако в кругах советской научной интеллигенции в ИМЭМО АН СССР, МГУ имени М.В. Ломоносова и Институте философии АН СССР она вызывала симпатию. Академик и министр иностранных дел России (1996–1998) Е.М. Примаков (1929–2015) вспоминал об этом: «Но самым главным препятствием, мешавшим реальному представлению об окружающей нас действительности, было, пожалуй, отрицание конвергенции, то есть взаимовлияния двух систем — социалистической и капиталистической. Защита понятия конвергенции считалась полным отступничеством от марксизма-ленинизма. <...> Но косвенное согласие с тезисом о взаимовлиянии двух систем содержалось во многих экономических работах академических институтов и в меньшей степени — в работах высших учебных заведений. Главный вывод, который отстаивали мы, состоял в тезисе о совместимости социализма с рынком, рыночными отношениями. По этому вопросу ученые ИМЭМО, ЦЭМИ, Института экономики и некоторых других “наглухо” разошлись со многими обществоведами, преподавателями политэкономии»¹¹. Еще более открыто об этом писал секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев (1923–2005): «При моем предшественнике Николае Иноземцеве институт подвергся мощнейшей атаке со стороны горкома партии и городских спецслужб. Дело в том, что какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они “сбивают с толку” Брежнева, протаскивают разные ревизионистские мысли, ослабляют силу партийного воздействия на массы и госу-

¹¹ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. С. 32–33.

дарственные дела»¹². Сопоставляя воспоминания Е.М. Примакова и А.Н. Яковлева, можно сделать вывод, что дискуссии о теории конвергенции в ИМЭМО в 1970-х годах велись и часть сотрудников была настроена к ней позитивно.

Советское руководство косвенно признавало теорию конвергенции через концепцию «общеевропейского дома», постулировавшую сближение европейской и советской моделей развития.

Ключевую роль в установлении контактов между СССР и Римским клубом сыграл А. Печчеи. Еще в 1964–1965 гг. он совершил визиты в Москву по поручению итальянской компании «Fiat». Представителем советской стороны на переговорах с Римским клубом стал Дж.М. Гвишиани. Будучи зятем председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина, он имел прямой выход на советское руководство. В 1965–1985 гг. Дж.М. Гвишиани работал в Государственном комитете Совета министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР), занимая пост заместителя председателя.

Вскоре ЦК КПСС дал согласие на членство Дж.М. Гвишиани и академика Е.К. Фёдорова (1910–1981) в Римском клубе¹³. Постепенно советское руководство стало расширять партнерство с ним через подключение к диалогу правительства Соединенных Штатов. Центральную роль в этом сыграло согласие СССР с итогами Стокгольмской конференции по защите окружающей среды. 4 октября 1972 г. представители СССР, США и еще 10 стран подписали соглашение о создании Международного института прикладного системного анализа (МИПСА; The International Institute for Applied Systems Analysis, IIASA). Он был расположен в австрийском городе Лаксенбурге (пригород Вены). Деятельностью МИПСА под эгидой Римского клуба стало проведение междисциплинарных исследований по проблемам экологии, энергобезопасности, демографии и устойчивого развития. В июне 1973 г. институт начал научную деятельность.

В 1976 г. в СССР был создан филиал МИПСА — Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ, ныне Институт системного анализа РАН). Институт возглавил Д.М. Гвишиани. На ВНИИСИ как филиал МИПСА были

¹² Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. С. 220–221. Доступ: <https://rb.rbook.club/book/23556330/read/page/220/?ysclid=mkdvka85ie963845254> (дата обращения: 14.01.2026).

¹³ Там же. С. 171.

возложены функции по научно-методическому обеспечению советского участия в деятельности последнего. Институт проводил исследования по следующим направлениям:

- теоретические основы и методологические принципы системного анализа;
- теория управления;
- методология моделирования и комплексного анализа долгосрочного народнохозяйственного и мирового развития;
- методы формирования крупномасштабных проектов и управления ими;
- методы системных исследований по важнейшим прикладным междисциплинарным и межотраслевым проблемам.

Следует также иметь в виду, что с ВНИИСИ тесно взаимодействовали некоторые другие НИИ СССР. Например, уже упомянутый Институт проблем управления АН СССР, а также Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР.

В 1978 г. была установлена международная телекоммуникационная линия между ВНИИСИ и МИПСА «Москва–Прага–Братислава–Вена–Лаксенбург». Советские пользователи получили возможность через телекоммуникационный центр МИПСА работать со многими информационно-вычислительными ресурсами мира, включая базы данных «Data Star» в Швейцарии, «Dialog» в США, «Pergamon Infoline» в Великобритании и др. В 1982 г. из состава ВНИИСИ был выделен Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладных автоматизированных систем Государственного комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР (ВНИИПАС). На базе последнего возник «Национальный центр автоматизированного обмена информацией с зарубежными сетями ЭВМ и банками данных», который позволял Советскому Союзу включаться в международный обмен данными.

Можно заключить, что с помощью Римского клуба страны Запада, безусловно, делали советскую систему более проницаемой для своего влияния. Однако на эту проблему можно посмотреть и с другой стороны. Советское руководство охотно соглашалось на участие страны в данных проектах и стремилось к их расширению. Институты, созданные на базе партнерства Советского Союза с Римским клубом, успешно пережили и кризис разрядки второй половины 1970-х годов, и резкое обострение международной напряженности в первой половине 1980-х годов. Советское руководство ни разу не

поставило вопрос о денонсации достигнутых соглашений или приостановке своего участия в МИПСА. Следовательно, эти институты были устойчивыми и отражали запросы советских элит на присоединение к западному проекту.

Идеи Римского клуба в советской науке

В СССР идеи Римского клуба, несмотря на официальную идеологическую критику капитализма, нашли отклик у ряда ведущих ученых и общественных деятелей, особенно тех, кто занимался глобальными проблемами, системным анализом и философией науки. Симпатии выражались не в прямом одобрении всех положений (ряд выводов, особенно в первых докладах, критиковали за «технократизм» и «пессимизм»), а в признании важности поднятых глобальных проблем. В СССР стал складываться пласт литературы, которая распространяла идеи Римского клуба.

Первым их популяризатором был сам Дж.М. Гвишиани. В 1970 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1979 г. — ее действительным членом. В работе «Организация и управление: социологический анализ буржуазных теорий» (1970) он познакомил советского читателя с целым рядом имен в области «научного менеджмента» (включая Фредерика Уинслоу Тейлора и Макса Вебера), теорией «человеческих отношений», школой социальных систем и системного подхода [Гвишиани, 1970]. В 1977 г. Дж.М. Гвишиани опубликовал работу «Методологические проблемы моделирования глобального развития» [Гвишиани, 1977], в которой продемонстрировал возможности использования методологии Римского клуба в советской (т.е. марксистско-ленинской) науке. Фактически это означало легализацию в СССР формальных (математических) методов для моделирования глобальных социально-экономических процессов.

Следующий шаг в популяризации идей Римского клуба сделал академик Н.Н. Моисеев (1917–2000). Будучи специалистом в области общей механики и прикладной математики, он в 1969 г. стал основателем и первым деканом факультета управления и прикладной математики (ФУПМ) Московского физико-технического института (МФТИ). Параллельно он работал заведующим лабораторией Вычислительного центра АН СССР, а в 1967–1985 гг. был заместителем директора по научной работе Вычислительного центра АН СССР. Деятельность последнего была тесно связана с решением экологических проблем: управление каскадами водохранилищ, изучение

экологического режима водоемов, оптимальное размещение нефте- и газопроводов в разных областях СССР, расчет ирригационных систем в Ираке, исследования рек во Вьетнаме. В этой связи академик Н.Н. Моисеев обращался к философии естествознания, в том числе к методологическим проблемам взаимоотношений биосферы и общества [Моисеев, 1982, 1988], что предполагало разработку математических моделей стабильности биосферы в условиях антропогенных воздействий.

Согласно Н.Н. Моисееву условием выживания человечества должно стать соблюдение так называемого экологического императива. Под ним автор понимал недопущение ни при каких условиях изменения некоторых свойств окружающей среды, что предусматривало контроль за степенью воздействия человека на нее. Особую роль сыграла работа Н.Н. Моисеева по созданию математических моделей экологических систем. Он стремился к тому, чтобы с помощью точных методов анализа можно было прогнозировать последствия антропогенных воздействий на окружающую среду и разрабатывать эффективные стратегии управления природными ресурсами. Идеи Н.Н. Моисеева косвенно предполагали ограничение экономической политики государств (включая СССР) в рамках глобальной экологической стратегии. Вместе с тем проблематику взаимоотношений человека и природы стали активно обсуждать в научных кругах СССР, привлекая внимание специалистов из различных областей знания.

В проблемном поле Римского клуба работал также доктор физико-математических наук С.П. Капица (1928–2012) — заведующий кафедрой МФТИ, главный научный сотрудник Института физических проблем им. П.Л. Капицы. С 1973 г. он также стал ведущим научно-просветительской телепередачи «Очевидное — невероятное», а с 1983 г. — главным редактором журнала «В мире науки». В 1981 г. С.П. Капица стал членом Римского клуба, активно участвовал в международных конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам глобального развития. В своих докладах он подчеркивал необходимость сотрудничества и координации усилий различных стран для решения общих проблем. Он призывал к переходу от экстенсивного к интенсивному развитию, внедрению новых технологий и изменению образа жизни людей [Капица, 1978]. Позднее, в 1990-х годах, С.П. Капица разработал математическую модель гиперболического роста населения Земли, которая позволила ему сделать прогнозы о будущем развитии человечества. Его работы

в этой области стимулировали дискуссии о необходимости управления демографическими процессами и обеспечения устойчивого развития [Капица, 2000].

Тематику Римского клуба также популяризировал историк и социолог И.В. Бестужев-Лада (1927–2015). Будучи выпускником МГИМО МИД СССР, он стал научным сотрудником Института истории АН СССР, а с 1967 г. — заведующим сектором социального прогнозирования в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (совр. — Институт социологии РАН). До 1967 г. он публиковал работы по футурологии под псевдонимом «И. Лада», а с 1967 г. стал использовать двойную фамилию Бестужев-Лада. При этом он не был диссидентом: с 1969 г. он (с перерывами) был профессором социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также читал курс лекций «Основы научного коммунизма» на Высших курсах сценаристов и режиссеров. В 1970-х годах опубликовал работы «Окно в будущее» [Бестужев-Лада, 1970], «Проблемы прогнозирования образа жизни в условиях развитого социалистического общества» [Бестужев-Лада, 1975], где популяризировал тематику Римского клуба. Будущее человечества И.В. Бестужев-Лада видел пессимистически, предвещая ограничение гражданских свобод и исчезновение целых государств, а возможно, и народов.

В 1970-х годах в СССР началась волна публикаций о глобальных экологических проблемах, которые в целом соответствовали проблематике Римского клуба. Импульс этому направлению дал профессор Н.Ф. Реймерс (1931–1993) — автор фундаментальных работ по природопользованию, охране природы, теории и методологии экологии, а также один из организаторов заповедного дела. Его работы «Азбука природы» [Реймерс, 1980] и «Надежды на выживание человечества» [Реймерс, 1992] фактически поднимали те же проблемы, что и доклады Римского клуба: возможность (или невозможность) выживания человечества при разрушении природной среды. Биолог А.В. Яблоков (1933–2017) пропагандировал идеи экологической безопасности, указывая на генетические последствия загрязнения окружающей среды [Яблоков, Остроумов, 1985]. Еще дальше пошел советский метеоролог Ю.А. Израэль (1930–2014), возглавлявший в 1974–1991 гг. Государственный комитет по гидрометеорологии и контролю природной среды СССР. В 1975 г. он стал заведующим секцией «Мониторинг состояния биосферы» при Научном совете по проблемам биосферы при Президиуме АН СССР, где совместно

с академиками В.Е. Соколовым (1928–1998) и И.П. Герасимовым (1905–1985) разрабатывал принципы экологического мониторинга [Израэль, 1984; Израэль и др., 1986] (в дальнейшем Ю.А. Израэль пересмотрел часть своих взглядов и жестко критиковал концепцию «глобального потепления» и Киотский протокол). Экологическая литература, популяризовавшая идеи гармонии человека и природы даже ценой частичного отказа от научно-технического прогресса, оказалась созвучной общему фону советской культуры 1960–1980-х годов, прежде всего так называемой деревенской прозе и сатирическим антиутопиям братьев Стругацких.

Особо стоит отметить деятельность М.И. Будыко (1920–2001) — климатолога и геофизика, академика АН СССР. Он параллельно с западными учеными разрабатывал теорию теплового баланса Земли, изучая влияние антропогенных факторов на климат [Будыко, 1974, 1977]. С 1975 г. М.И. Будыко работал в Государственном гидрологическом институте (ГГИ), где организовал отдел исследований изменения климата. В период работы в ГГИ он создал рабочую группу-8 (РГ-8) в рамках межправительственного соглашения между СССР и США по охране окружающей среды и изменениям климата. РГ-8 предвосхитила деятельность ЮНЕСКО по этой тематике и провела множество международных совещаний по проблеме изменения климата, а также спонсировала ряд совместных публикаций советских и американских климатологов, например «Предстоящие изменения климата» [Предстоящие изменения климата..., 1991]. В 1987 г. М.И. Будыко совместно с Ю.А. Израэлем издал работу «Антропогенные изменения климата» [Антропогенные изменения климата, 1987], которая легитимизировала для советской науки данную тематику.

В 1987 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило научно-популярный сборник «Эврика-87» (24-й сборник) под редакцией Анатолия Лельевра [Эврика-87, 1987]. Это издание было примечательным по нескольким причинам. В нем уже практически не было отсылок ни к диалектическому материализму, ни к марксистско-ленинской философии, ни к трудам классиков марксизма-ленинизма. Помимо обсуждения не самых популярных в советском естествознании концепций (вроде теории «большого взрыва») в ней открыто перечислялись проблемы, входившие в повестку Римского клуба: «кислотные дожди» и межгосударственные конфликты, уничтожение лесов и их замена искусственными насаждениями, новые источники энергии, хайпоника и продовольственная безопасность и т.д. Всё это пода-

валось как реальные или глобальные проблемы человечества, что означало отказ от марксистской цензуры в отношении данной проблематики. Она как бы выводилась из подчинения диалектического материализма, что означало ее самостоятельную легитимизацию в идеологической системе.

Особый научный центр возник в Институте США и Канады АН СССР, где появились ученые, работавшие на стыке естественных и гуманитарных наук. Основателем этого направления в каком-то смысле стал ученый-американист Г.С. Хозин (1933–2001). В работе «В защиту планеты (международное сотрудничество в области охраны окружающей среды)» [Хозин, 1974] он постулировал необходимость взаимодействия советских ученых с иностранными коллегами в области экологии. В 1979 г. в монографии «Милитаризм — угроза планете» [Хозин, 1979] Г.С. Хозин критиковал американский и западноевропейский милитаризм как представляющий опасность для всей жизни на Земле и отвлекающий ресурсы от экологических проблем. Другой исследователь, В.Д. Писарев (1931–2020) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра региональных проблем Института США и Канады РАН, занимался вопросами освоения Мирового океана и их влияния на межгосударственные связи, изучал динамику системы глобального океанического управления, пропагандируя идею экологизации международных отношений.

В советских гуманитарных науках в тот период началось распространение системного подхода и количественных моделей, т.е., по сути, методологии Римского клуба. В ИМЭМО РАН системный подход к исследованию международных отношений развивал Э.А. Поздняков (1929–2016) [Поздняков, 1976]. В 1976 г. при МГИМО МИД СССР была образована Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа в области международных отношений (ПРОНИЛ). Ее задачей было формирование данных для принятия решений руководством страны. Здесь трудились советские международники М.А. Хрусталёв, А.А. Злобин, В.Б. Тихомиров, В.М. Сергеев, разрабатывавшие модели международных отношений практически без марксистско-ленинской теории. Например, в конце 1970-х годов в ПРОНИЛ была создана компьютеризированная система поддержки переговоров «Мадрид-80» для советской делегации на саммите Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1979 г. в Москве прошел Всемирный конгресс Международной ассоциации

политических наук (International Political Science Association, IPSA), на котором советские ученые активно взаимодействовали с представителями американских школ системного анализа.

К середине 1980-х годов в СССР сложилась полноценная школа исследований в русле идей Римского клуба, проводимых представителями как естественных, так и гуманитарных наук. Эти исследования стали своего рода системной оппозицией для официальной идеологии марксизма-ленинизма и окном для усвоения западной мысли. Новая советская школа формировалась изначально как либерально-глобалистская. В отличие от других оппозиционных марксизму школ (в частности, политического реализма), она акцентировала внимание на глобальных, а не национальных интересах. К началу 1980-х годов в рамках этих исследований сложились четыре группы идей, разделяемых в той или иной форме всеми представителями данной школы: 1) приоритет общечеловеческих интересов над государственными; 2) представления об экологии как общей задаче всех стран; 3) допустимость ограничения научно-технического прогресса ради экологической политики; 4) отказ от военно-технического соперничества как опасного для окружающей среды. Эта идеология постепенно приходила на смену марксизму-ленинизму, приобретавшему в СССР всё более схоластические черты.

Становление «нового политического мышления»

Переход от марксизма-ленинизма к идеям выживаемости человечества не был одномоментным. Решающим фактором стал не приход к власти М.С. Горбачёва: он скорее только закрепил предшествующие тенденции. Уже в 1970-х годах СССР на официальном уровне не отрицал существования глобальных проблем человечества в той форме, в какой они были сформулированы Римским клубом. В 1978 г. в Ашхабаде прошла XIV Генеральная ассамблея МСОП, где была принята «Всемирная стратегия охраны природы» [Реймерс, 1992: 40]. Цель программы была обозначена как управление использованием человечеством биосферы, экосистем и видов, составляющих ее, таким образом, чтобы они могли приносить устойчивую пользу настоящему поколению и в то же время сохранили свой потенциал, чтобы соответствовать нуждам и стремлениям будущих поколений. Такое положение создавало почву для принятия концепции «устойчивого развития». Это означало также согласие СССР с продвигаемой Римским клубом частичной денационализацией экологической

политики, которая должна была охватить социально-экономические системы всех стран мира.

В 1981 г. на XXVI съезде КПСС были выражены озабоченность судьбами всего человечества и намерение последовательно и неуклонно бороться за решение этой первейшей из глобальных проблем современности. «Если будет мир, — творческая энергия народов, опираясь на достижения науки и техники, наверняка решит те проблемы, которые сейчас волнуют людей. Конечно, тогда перед нашими потомками возникнут новые, более высокие задачи. Что ж, такова диалектика прогресса, диалектика жизни»¹⁴. Фактически это было признанием СССР идеологии Римского клуба на официальном уровне (пусть и в социалистическом варианте), согласием с его взглядами на сущность глобальных проблем человечества.

Окончательная легализация проблематики Римского клуба произошла в СССР через концепцию «ядерной зимы» — моделирование долгосрочных последствий ядерной войны. Еще в 1982 г. нидерландский химик Пауль Крутцен и его американский коллега Джон Биркс проанализировали стратегические бомбардировки немецких городов во время Второй мировой войны и выделили эффект «огненных штормов», т.е. масштабных пожаров, в которых образовывались восходящие потоки воздуха [см. подробнее: Тарко, Пархоменко, 2011]. На этой основе американский астрофизик Карл Саган (1934–1996) разработал модель «ядерной зимы». Согласно его расчетам ядерный конфликт, в котором суммарная мощность взрывов превысит 100 Мт, приведет к новому ледниковому периоду из-за выброса в стратосферу большого количества дыма и сажи и отражения солнечных лучей от верхних слоев атмосферы¹⁵.

Изучением «ядерной зимы» в США занималась «группа TTAPS» — неофициальное название по фамилиям входивших в нее экспертов: Ричард Турко, Оуэн Тун, Томас Акерман, Джеймс Поллак и Карл Саган. Последний ознакомил с ее разработками советского физика Г.С. Голицына из Института физики атмосферы имени А.М. Обухова. 31 октября 1982 г. тот совместно с А.С. Гинзбургом представил схожие с «группой TTAPS» выводы на прошедшей в Вашингтоне международной конференции «Мир после ядерной войны». Моделированием

¹⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. Т. 13: апрель 1979 г. — март 1981 г. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1981. С. 595.

¹⁵ Sagan C. The nuclear winter. [New York]: Scott Meredith Literary Agency, 1983.

теории «ядерной зимы» занялся Вычислительный центр АН СССР под руководством академика Н.Н. Моисеева. В сентябре 1983 г. его сотрудники В.В. Александров и А.М. Тарко презентовали модель «ядерной зимы» на симпозиуме «Козволюция человека и биосферы» Института жизни в Хельсинки [Моисеев и др., 1985]. «Стало ясно, что ядерный конфликт приведет не к локальным похолоданиям и мраку под пологом отдельных сажевых облаков, а к “глобальной ядерной ночи”, которая продлится около года. Это достаточный срок, чтобы покончить с жизнью Человека на Земле», — вспоминал Н.Н. Моисеев [Моисеев, 1988: 73].

В первой половине 1980-х годов в СМИ набирала популярность тематика мел-палеогенового вымирания («вымирания динозавров»). Помимо массовой моды на изучение динозавров, характерной для того времени, в этой теме был экологический подтекст. В 1980 г. американский физик Луи Альварес (1911–1988) совместно с сыном-геологом Уолтером Альваресом выдвинул так называемую метеоритную гипотезу: массовое вымирание динозавров и многих других видов живых существ 65 млн лет назад было вызвано падением большого астероида на полуостров Юкатан (Мексика) [Alvarez et al., 1980]. Однако Л. Альварес открыто поддерживал концепцию «ядерной зимы», указав, что катастрофа по ее результатам будет сопоставима с мел-палеогеновым вымиранием. Его идеи восприняли сторонники теории «ядерной зимы» Стефан Шнайдер [Schneider, Londer, 1984] и Пол Крутцен [Crutzen, Birks, 1982]. Последний даже пришел к выводу, что ядерная война, как и столкновение с астероидом у Л. Альвареса, может погрузить мир в ледниковый период. «Ричард Тёрко и другие ученые, работавшие над проблемой вымирания динозавров, создали компьютерную модель атмосферы, заполненной дымом, и им пришлось в голову, что пыль, поднятая взрывами во время ядерной мировой войны, может иметь последствия, сравнимые с падением астероида»¹⁶. С того времени теория «ядерной зимы» стала неотделима в научной среде от обсуждения проблематики мел-палеогенового вымирания. Мода на динозавров в массовой культуре 1980-х годов, захватившая и СССР, как бы создавала образ мира до «глобальной катастрофы», аналогичной ядерной войне, с очевидным намеком: наш мир может

¹⁶ Wintry doom // American Institute of Physics. April 2022. Available at: <https://history.aip.org/climate/Winter.htm> (accessed: 15.12.2025).

закончить точно так же, если мы не убереем себя от аналогичной глобальной катастрофы.

В США концепция «ядерной зимы» неоднократно подвергалась критике по нескольким направлениям. Ключевые возражения против ее постулатов были следующими: во-первых, в мире после 1945 г. было проведено 2056 ядерных испытаний, что не привело к катастрофическим последствиям; во-вторых, еще в 1960-х годах ядерные державы перешли к концепции «контрсилы», предусматривавшей нанесение ядерных ударов не по городам, а по пусковым установкам противника; в-третьих, извергающиеся вулканы выбрасывают в атмосферу не меньшее количество сажи и пепла, чем гипотетические ядерные взрывы; наконец, в-четвертых, радиус поражающих свойств ядерного оружия, по мнению скептиков, был многократно преувеличен «группой TTAPS». Сомнения вызывала и личность К. Сагана — автора научно-фантастических работ. В 2011 г. Американский институт физики заявил, что команда TTAPS объявила о своих результатах в 1983 г. «с явной целью содействия международному контролю над вооружениями»¹⁷.

Однако в Советском Союзе модель «ядерной зимы» получила статус научного факта. В мае 1983 г. был создан Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы (КСУ). Его председателем был избран вице-президент АН СССР академик Е.П. Велихов, его заместителями стали академик Р.З. Сагдеев и доктор исторических наук (впоследствии — академик РАН) А.А. Кокошин, а затем доктор физико-математических наук С.П. Капица. КСУ популяризировал теорию «ядерной зимы». В 1984 г. в СССР вышла коллективная монография «Ядерная война: медико-биологические последствия. Точка зрения советских ученых-медиков» [Чазов и др., 1984], ведущую роль в написании которой сыграл Е.И. Чазов — начальник 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения, а затем министр здравоохранения СССР. В 1987 г. под редакцией академика Е.П. Велихова вышла обобщающая работа «Климатические и биологические последствия ядерной войны» [Климатические и биологические последствия..., 1987]. В 1986 г. в СССР был снят художественный фильм «Письма мертвого человека» (режиссер К. Лопушанский), рассказывавший о затухании жизни после ядерной войны глазами вымышленного профессора Ларсена, которого сыграл Р. Быков.

¹⁷ Wintry doom...

Альтернативой ему стал фильм А.А. Тарковского «Жертвоприношение» (1986), где последствия ограниченной ядерной войны мало затрагивают не участвующие в ней страны.

Советское руководство использовало концепцию «ядерной зимы» как идеологию возвращения к разрядке. 2 марта 1984 г. К.У. Черненко на встрече с избирателями Куйбышевского района Москвы (совр. Восточный округ) презентовал свою внешнеполитическую стратегию. В том же 1984 г. вышел сборник выступлений нового генерального секретаря под заголовком «Народ и партия едины»¹⁸, где обосновывались «шесть пунктов Черненко»:

- предотвращение ядерной войны как главная цель внешней политики;
- отказ от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте — глобальном либо ограниченном;
- подтверждение обязательства не применять первыми ядерное оружие;
- обещание ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие против неядерных стран (на территории которых такого оружия нет), а также поощрение образования новых безъядерных зон в различных районах мира;
- предотвращение распространения ядерного оружия в любой форме, отказ от переноса гонки ядерных вооружений в новые сферы, включая космос;
- содействие сокращению ядерных вооружений на основе принципа одинаковой безопасности — вплоть до полной их ликвидации во всех разновидностях¹⁹.

Теорию «ядерной зимы» Советский Союз пропагандировал через Научный комитет по проблемам окружающей среды — неправительственную организацию со штаб-квартирой в Париже. В 1985 г. она опубликовала два тома книги «Последствия ядерной войны»: первый был посвящен климатическим [Pittock et al., 1985], второй — экологическим последствиям [Harwell, Hutchinson, 1985]. Оба тома вскоре были переведены на русский язык и популяризированы в СССР.

С приходом к власти М.С. Горбачёва эти наработки постепенно превращались в целостную политическую программу. Ее ядром

¹⁸Черненко К.У. Народ и партия едины: Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984.

¹⁹См. подробнее: Там же. С. 8–17.

стала идея всеобщего ядерного разоружения. 15 января 1986 г. М.С. Горбачёв выступил с заявлением о ликвидации ядерного оружия к 2000 г. «Советский Союз предлагает, действуя поэтапно и последовательно, осуществить процесс освобождения Земли от ядерного оружия в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия», — сказал он²⁰. За образец М.С. Горбачёв предлагал взять Женевский протокол 1925 г., запрещавший применение химического и бактериологического оружия в ходе военных действий. Ликвидация ядерного оружия должна была произойти в три этапа: 1) сокращение на 50% ядерных арсеналов СССР и США и ракет средней дальности в Европе (5–8 лет); 2) ликвидация средств меньшей дальности и тактического ядерного оружия, подключение к ядерному разоружению других ядерных стран (5–7 лет); 3) уничтожение оставшихся запасов ядерного оружия (до 2000 г.).

25 февраля — 3 марта 1986 г. в Москве состоялся XXVII съезд КПСС. В его ходе с Политическим докладом выступил генеральный секретарь М.С. Горбачёв²¹. В нем помимо традиционной риторики об общем кризисе капитализма и противостоянии двух систем фиксировались основные положения «нового политического мышления» (сокращенно — «нового мышления»).

1. Невозможность победы в ядерной войне. Здесь М.С. Горбачёв пошел дальше «шести принципов Черненко», указав на невозможность победы в ядерной войне и гонке вооружений. Фактически это был отказ от «формулы Клаузевица», рассматривавшего войну как продолжение политики другими средствами. Обратная ей «формула Горбачёва» гласила, что ядерная война не является продолжением политики, а положит конец всей человеческой цивилизации.

2. Отказ от войны как средства политики. «Социализм безоговорочно отвергает войны как средство разрешения межгосударственных политических и экономических противоречий, идеологических споров. Наш идеал — мир без оружия и насилия, мир, в котором каждый народ свободно избирает путь развития, свой образ жизни», — указал М.С. Горбачёв²².

²⁰ Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи: В 7 т. Т. 3: окт. 1985 г. — июль 1986 г. М.: Политиздат, 1987. С. 133–136.

²¹ См. подробнее: Горбачёв М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 года // Горбачёв М.С. Указ. соч. С. 180–280.

²² Там же. С. 244.

3. Приоритет глобальных проблем человечества. М.С. Горбачёв отметил, что в международных отношениях существуют противоречия глобального масштаба, затрагивающие основы цивилизации. «Речь идет прежде всего о загрязнении окружающей среды, воздушного бассейна и океанов, истощении природных ресурсов»²³. Фактически это положение было возрождением идей Римского клуба, популярных у советского руководства в начале 1970-х годов.

На уровне практической политики М.С. Горбачёв призывал вернуться к верховенству Устава ООН, продолжению ядерного разоружения и роспуску военно-политических блоков. Это означало, что СССР был готов рассматривать вопрос о ликвидации Варшавского договора в обмен на возрождение приоритета Совета Безопасности ООН и упразднение НАТО. Программа М.С. Горбачёва предполагала также «строго контролируемое снижение уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности».

Из новой Программы КПСС, утвержденной на XXVII съезде 1 марта 1986 г., было изъято определение «мирного сосуществования» государств с различным общественным строем как «специфической формы классовой борьбы». Одновременно были исключены положения, теоретически допускавшие возможность новой войны («В случае, если империалистические агрессоры все же осмелятся развязать новую мировую войну, народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм» [цит. по: Барсенков, 2012: 53]).

23–24 мая 1986 г. в МИД СССР прошла закрытая конференция, в которой участвовали работники ведомства и советские послы за рубежом. М.С. Горбачёв говорил о необходимости активизации переговоров по проблемам разоружения. «У каждого государства собственные интересы. И если каждое государство будет преследовать только свои собственные интересы и не будет способно сотрудничать, идти навстречу и иметь общие интересы — нет нормальных международных отношений», — заявил генеральный секретарь. Э.А. Шеварднадзе указал, что в новых условиях военная мощь бу-

²³ XXVII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля — 6 марта 1986 года. Стенографический отчет М.: Издательство политической литературы, 1986. С. 39. Доступ: [<http://www.uaio.ru/5/85/xxviit1.htm?ysclid=mkdww09075789813572> (дата обращения: 14.01.2026)].

дет уступать место финансовой, экономической и технологической мощи, что требует смены внешней политики²⁴.

В конце 1987 г. за авторством М.С. Горбачёва вышла книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». В ней развивались идеи XXVII съезда: пересматривались базовые постулаты внешней политики СССР, декларировался отказ от формулы К. фон Клаузевица о соотношении войны и политики, делался акцент на «неделимости безопасности», признании за каждым народом права свободного «выбора собственного пути социального развития» и на «отказе от вмешательства во внутренние дела других государств». В этой книге М.С. Горбачёв уже открыто озвучил тематику Римского клуба как составную часть «нового политического мышления»: «Другая столь же очевидная реальность нашего времени — возникновение и обострение так называемых глобальных проблем, которые тоже приобретают жизненное значение для судеб цивилизации. Речь идет о сбережении природы, о критическом состоянии окружающей среды, воздушного бассейна и океанов, о традиционных ресурсах планеты, которые, оказалось, не безграничны. Речь идет о старых и новых грозных болезнях, об общей заботе человечества, как покончить с голодом и нищетой в обширных районах Земли. Речь идет об умной совместной работе по познанию космоса и Мирового океана, об использовании добытых знаний на благо всего человечества». Далее М.С. Горбачёв почти открыто говорил о необходимости совместных действий: «И здесь мы обнаруживаем нашу взаимозависимость, обнаруживаем целостность мира, властную потребность в объединении усилий человечества ради его самосохранения, ради его блага сегодня, завтра, во все времена»²⁵.

Однако этот тезис легко превращался в свою противоположность: согласие на пока частичное ограничение государственных интересов СССР ради «судеб мира». «Новое политическое мышление столь же категорично диктует характер военных доктрин. Они должны быть строго оборонительными. А это связано с такими новыми или сравнительно новыми понятиями, как разумная достаточность вооружений, ненаступательная оборона, ликвидация

²⁴ XXVII Съезд Коммунистической партии Советского Союза... С. 54.

²⁵ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. С. 140.

дисбаланса и асимметрий в различных видах вооруженных сил, развод наступательных группировок войск между двумя блоками и т.п.»²⁶ Далее М.С. Горбачёв указывал, что всё это должно быть сделано путем широкой кооперации СССР со странами Запада: «Наряду с ядерной угрозой новое политическое мышление рассматривает решение и всех других глобальных проблем, включая проблемы экономического развития и экологии, как органическое условие обеспечения прочного и справедливого мира. Мыслить по-новому — значит, в частности, видеть прямую связь между разоружением и развитием»²⁷. Тематика глобальных угроз и общих проблем человечества стала с конца 1987 г. превращаться в концепцию свертывания военно-политических блоков якобы в интересах человечества, что означало идеологию будущего роспуска Организации Варшавского договора.

Концепция «нового политического мышления» оказалась, таким образом, тесно связанной с экологической проблематикой. Именно из политической экологии, разработанной Римским клубом, она переняла приоритет глобальных проблем человечества над интересами национальных государств, а также идею «глобальной выживаемости человечества». Эта концепция стала пользоваться поддержкой в советской научной среде, с готовностью воспринявшей повестку Римского клуба. В свою очередь экологические инициативы стали неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии СССР в период перестройки. Другое дело, что страны Запада быстро стали перенимать лидерство у Москвы в этой сфере, что сделало многие положения «нового политического мышления» неактуальными.

В 1989 г. в СССР была создана Ассоциация содействия Римскому клубу. После 1991 г. она была преобразована в Российскую ассоциацию содействия Римскому клубу, которой до 2003 г. руководил академик Дж.М. Гвишиани. Однако к тому времени тематика Римского клуба уже стала терять актуальность для трансформации внешней политики СССР и Российской Федерации. Новое российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным выбрало более радикальную модель реформ и сближения с Западом, чем предусматривала идеология Римского клуба.

²⁶ Там же. С. 145.

²⁷ Там же. С. 146.

Проведенный анализ партнерства СССР с Римским клубом позволяет сделать три важных вывода. Во-первых, брежневское руководство не отвергало западный проект глобализации, а было готово вписаться в него на определенных условиях. Во-вторых, СССР в 1970-х годах не выдвигал «глобальной альтернативы» Западу, а принимал его повестку «устойчивого развития». В-третьих, в СССР были легитимизированы исследования без марксистско-ленинской идеологии. В советской общественной науке возникла своего рода элитарная группа ученых, имевшая право свободно работать с западными коллегами и быть неподвластными идеологической цензуре. Это сделало возможным появление в СССР некой «системной оппозиции» существовавшей политической системе.

Вместе с тем взаимодействие СССР с Римским клубом позволяет по-новому посмотреть на политику разрядки рубежа 1960–1970-х годов. Это было не просто потепление отношений между СССР и странами Запада, но фактически согласие советского руководства на подключение к западному проекту. Концепции «глобальных проблем человечества», «общеевропейского дома», «недопустимости ядерной войны» показывают преемственность между политикой разрядки и идеологией «нового политического мышления». СССР, приняв идеи Римского клуба, переставал быть глобальной идеологической оппозицией странам Запада: его руководство, напротив, искало возможности для взаимного сближения и преодоления разногласий. Такой вывод позволяет переосмыслить многие представления об идеологическом противоборстве на финальном этапе холодной войны 1970–1980-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропогенные изменения климата / Под ред. Ю.А. Израэля, М.И. Будыко. Ленинград: Гидрометеиздат, 1987.
2. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Серия. 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 41–73.
3. Бесстужев-Лада И.В. Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования. М.: Мысль, 1970.
4. Бесстужев-Лада И.В. Проблемы прогнозирования образа жизни в условиях развитого социалистического общества. Киев: Общество «Знание» УССР, 1975.

5. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.
6. Будыко М.И. Глобальная экология. М.: Мысль, 1977.
7. Будыко М.И. Изменения климата. Ленинград: Гидрометеиздат, 1974.
8. Гвишиани Дж.М. Методологические проблемы моделирования глобального развития. М.: [б. и.], 1977.
9. Гвишиани Д.М. Организация и управление: социологический анализ буржуазных теорий. М.: Наука, 1970.
10. Глобалистика. Персоналии, организации, труды: Энциклопедический справочник / Глав. ред. и сост. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: КНОРУС, 2016.
11. Глобальные проблемы современности и будущее человечества: Реферативный сборник / Отв. ред. В.Е. Ермолаева. М.: ИНИОН АН СССР, 1983.
12. Грентикова И.Г. Теоретические аспекты глобализации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 8 (90). С. 4–9.
13. Ермоленко Д.В. Социология и проблемы международных отношений (Некоторые аспекты и вопросы социологических исследований международных отношений). М.: Международные отношения, 1977.
14. Израэль Ю.А. Экология и контроль состояния природной среды. М.: Гидрометеиздат, 1984.
15. Израэль Ю.А., Будыко М.И., Голицын Г.С. Глобальные климатические катастрофы. М.: Гидрометеиздат, 1986.
16. Ильинская Н.И. Экологический императив в работах Н.Н. Моисеева // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 149–155. DOI: 10.17805/zpu.2019.3.12.
17. История дипломатии: В 3 т. / Под ред. В.П. Потемкина. М.: Соцэкгиз, 1941–1945.
18. Капица С.П. Модель роста населения Земли и экономического развития человечества // Вопросы экономики. 2000. № 12. С. 85–106.
19. Капица С.П. Роль популяризации науки в формировании научного мировоззрения // Вопросы научного атеизма. 1978. Вып. 22. С. 209–216.
20. Климатические и биологические последствия ядерной войны / Отв. ред. Е.П. Велихов. М.: Наука, 1987.
21. Кокошин А.А. О буржуазных прогнозах развития международных отношений. М.: Международные отношения, 1978.
22. Косолапов Н.А., Алёшин А.А., Давыдов А.А., Кислицын С.В. О попытке создания теории международных отношений в ИМЭМО в 1970-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 4. С. 80–91. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-80-91.
23. Коулман Дж. Комитет трехсот: тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2005.

24. Лейбин В.М. «Модели мира» и образ человека: критический анализ идей Римского клуба. М.: Политиздат, 1982.
25. Лейбин В.М. Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6. С. 204–221.
26. Ленинизм и философские проблемы современности / Под общ. ред. М.Т. Иовчука, В.В. Мшвениерадзе. М.: Мысль, 1970.
27. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
28. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс III В.В. Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба «Сложности положения человечества». М.: Издательство МГУ, 1991.
29. Международные отношения после Второй мировой войны: В 3 т. / Глав. ред. Н.Н. Иноземцев. М.: Госполитиздат, 1962–1965.
30. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987.
31. Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество. Проблема формализации описания. М.: Наука, 1982.
32. Моисеев Н.Н. Экология человечества глазами математика: человек, природа и будущее цивилизации. М.: Молодая гвардия, 1988.
33. Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М. Человек и биосфера: опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М.: Наука, 1985.
34. Основы теории международных отношений: опыт ИМЭМО в 1970-е годы / Под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022.
35. Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М.: ОГИ, 2011.
36. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.
37. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.
38. Польшин М.Ф. СССР в годы перестройки, 1985–1991 гг. СПб.: Инфо-да, 2017.
39. Предстоящие изменения климата: совместный советско-американский отчет о климате и его изменениях / Под ред. М.И. Будыко, Ю.А. Израэля (СССР), М.С. Маккракена, А.Д. Хекта (США). Ленинград: Гидрометеиздат, 1991.
40. Реймерс Н.Ф. Азбука природы: микроэнциклопедия биосферы. М.: Знание, 1980.
41. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: концептуальная экология. М.: Россия молодая, 1992.
42. Реймерс Н.Ф. Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. М.: Просвещение, 1992.
43. Римский клуб: идея устойчивого развития // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 2 (30). С. 213–225.
44. Римский клуб: история создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. Дж.М. Гвишиани. М.: УРСС, 1997.

45. Сидорина А.В. Римский клуб и социальные трансформации второй половины XX — начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 190–207. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-188-205.

46. Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1976.

47. Спицын Е.Ю. Разгадка Горбачёва. От «ускорения» к «перестройке», 1985–1987. Кн. 1. М.: Концептуал, 2025.

48. Тарко А.М., Пархоменко В.П. Ядерная зима: история вопроса и прогнозы // Биосфера. 2011. Т. 3. № 2. С. 164–173.

49. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс, 1980.

50. Фёдоров Ю. Римский клуб: поиски буржуазного реформизма // Мировая экономика и международные отношения. 1977. № 12. С. 158–159.

51. Фененко А.В. История международных отношений: 1945–1991: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2025.

52. Философско-методологические основания системных исследований: системный анализ и системное моделирование / Отв. ред. Дж.М. Гвишани. М.: Наука, 1983.

53. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

54. Хозин Г.С. В защиту планеты. (Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды.) М.: Знание, 1974.

55. Хозин Г.С. Глобальные проблемы современности: критика буржуазных концепций. М.: Мысль, 1982.

56. Хозин Г.С. Милитаризм — угроза планете. М.: Знание, 1979.

57. Чазов Е.И., Ильин Л.А., Гуськова А.К. Ядерная война: медико-биологические последствия. Точка зрения советских ученых-медиков. М.: Издательство агентства печати «Новости», 1984.

58. Черкасов П.П. ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений). Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004.

59. Чумаков А.Н., Штарк Л.П. Римский клуб: к итогам полувековой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4 (32). С. 40–49.

60. Швед В.Н. Кто вы, Mr. Gorbachev? История ошибок и предательств. М.: Вече, 2016.

61. Эврика-87 / Сост. А. Лельевр. М.: Молодая гвардия, 1987.

62. Яблоков А.В., Остроумов С.А. Уровни охраны живой природы. М.: Наука, 1985.

63. Albrecht Ch. «The Atlantic community in a global context»: Global crisis and Atlanticism within the context of the Club of Rome, 1960s to 1970s // Bulletin of the German Historical Institute. 2014. Suppl. 10. P. 163–182.

64. Alvarez L.W., Alvarez W., Asaro F., Michel H.V. Extraterrestrial cause for the Cretaceous-Tertiary extinction // *Science*. 1980. No. 208. P. 1095–1108. DOI: 10.1126/science.208.4448.1095.

65. Churchill J.L. The limits of influence: The Club of Rome and Canada, 1968 to 1988. PhD thesis. Ontario, 2006.

66. Crutzen P.J., Birks J.W. The atmosphere after a nuclear war: Twilight at noon // *Ambio*. 1982. Vol. 11. No. 2/3. P. 114–125.

67. Falk R. Predatory globalization: A critique. Cambridge: Polity Press, 1999.

68. Globalization and progressive economic policy / Ed. by D. Baker, G. Epstein, R. Pollin. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

69. Harwell M.A., Hutchinson T.C. Environmental consequences of nuclear war. Vol. II: Ecological and agricultural effects. Chichester: John Wiley & Sons, 1985.

70. Kott S. International organizations: A field of research for a global history // *Studies in Contemporary History*. 2011. Vol. 8. No. 3. P. 446–450. DOI: 10.14765/zzf.dok-1641.

71. Laszlo E. Goals for mankind: A report to the Club of Rome on the new horizons of global community. New York: E.P. Dutton, 1977.

72. Mesarovic M.D., Pestel E.C. Mankind at the turning point. New York: New American Library, 1974.

73. Moll P.H. From scarcity to sustainability. Futures studies and the environment: The role of the Club of Rome. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991.

74. Murawiec L., Paoli D. Club of Rome founder Alexander King discusses his goals and operations: Exclusive interview // *Executive Intelligence Review*. 1981. Vol. 8. No. 25. P. 18–29.

75. Pauli G.A. Crusader for the future: A portrait of Aurelio Peccei, founder of the Club of Rome. New York: Pergamon Press, 1987.

76. Peccei A. The chasm ahead. [New York]: Macmillan, 1969.

77. Pittock A.B. et al. Environmental consequences of nuclear war. Vol. I: Physical and atmospheric effects. Chichester: John Wiley & Sons, 1985.

78. Schmelzer M. «Born in the corridors of the OECD»: The forgotten origins of the Club of Rome, transnational networks, and the 1970s in global history // *Journal of Global History*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 26–48. DOI: 10.1017/S1740022816000322.

79. Schneider S.H., Londer R. The co-evolution of climate and life. San Francisco: Sierra Club Books, 1984.

80. The shock of the global: The 1970s in perspective / Ed. by N. Ferguson. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010.

81. Sörlin S., Warde P. The problem of the problem of environmental history: A re-reading of the field // *Environmental History*. 2007. Vol. 12. No. 1. P. 107–130. DOI: 10.1093/envhis/12.1.107.

REFERENCES

1. Izrael' Yu.A., Budyko M.I. (eds.). 1987. *Antropogennyye izmeneniya klimata* [Anthropogenic climate change]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ. (In Russ.)
2. Barsenkov A.S. 2012. 'Novoe myshlenie' vo vneshnei politike SSSR (1985–1991) ['New thinking' in Soviet foreign policy (1985–1991)]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 1, pp. 41–73. (In Russ.)
3. Besstuzhev-Lada I.V. 1970. *Okno v budushchee: sovremennyye problemy sotsial'nogo prognozirovaniya* [Window into the future: Modern problems of social forecasting]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
4. Besstuzhev-Lada I.V. 1975. *Problemy prognozirovaniya obraza zhizni v usloviyakh razvitoogo sotsialisticheskogo obshchestva* [Problems of lifestyle forecasting in a developed socialist society]. Kiev, Obshchestvo 'Znanie' USSR Publ. (In Russ.)
5. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on theory and political analysis of International Relations]. Moscow, Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam Publ. (In Russ.)
6. Budyko M.I. 1977. *Global'naya ekologiya* [Global ecology]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
7. Budyko M.I. 1974. *Izmeneniya klimata* [Climate change]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ. (In Russ.)
8. Gvishiani Dzh.M. 1977. *Metodologicheskie problemy modelirovaniya global'nogo razvitiya* [Methodological problems of modeling global development]. Moscow. (In Russ.)
9. Gvishiani D.M. 1970. *Organizatsiya i upravlenie: sotsiologicheskii analiz burzhuaznykh teorii* [Organization and management: A sociological analysis of bourgeois theories]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
10. Il'in I.V., Mazur I.I., Chumakov A.N. (eds.). 2016. *Globalistika. Personalii, organizatsii, trudy: entsiklopedicheskii spravochnik* [Global studies. Personalities, organizations, and writings: An encyclopedic reference]. Moscow, KNORUS Publ. (In Russ.)
11. Ermolaeva V.E. (ed.) 1983. *Global'nye problemy sovremennosti i budushchee chelovechestva: referativnyi sbornik* [Modern global issues and the future of mankind: A collection of abstracts]. Moscow, INION AN SSSR Publ. (In Russ.)
12. Grentikova I.G. 2008. Teoreticheskie aspekty globalizatsii [Theoretical aspects of globalization]. *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 8 (90), pp. 4–9. (In Russ.)
13. Ermolenko D.V. 1977. *Sotsiologiya i problemy mezhdunarodnykh otnoshenii (Nekotorye aspekty i voprosy sotsiologicheskikh issledovaniy mezhdunarodnykh otnoshenii)* [Social science and problems of international relations (Some aspects and issues of sociological research of international relations)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

14. Izrael' Yu.A. 1984. *Ekologiya i kontrol' sostoyaniya prirodnoi sredy* [Ecology and the environmental control]. Moscow, Gidrometeoizdat Publ. (In Russ.)
15. Izrael' Yu.A., Budyko M.I., Golitsyn G.S. 1986. *Global'nye klimaticheskie katastrofy* [Global climate disasters]. Moscow, Gidrometeoizdat Publ. (In Russ.)
16. Il'inskaya N.I. 2019. *Ekologicheskii imperativ v rabotakh N.N. Moiseeva* [Ecological imperative in the works by N.N. Moiseev]. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 149–155. DOI: 10.17805/zpu.2019.3.12. (In Russ.)
17. Potemkin V.P. (ed.). 1941–1945. *Istoriya diplomatii. V 3 tomakh* [History of diplomacy. In 3 vols]. Moscow, Sotsekgiz Publ. (In Russ.)
18. Kapitsa S.P. 2000. Model' rosta naseleniya Zemli i ekonomicheskogo razvitiya chelovechestva [A model of human population growth and economic development]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 85–106. (In Russ.)
19. Kapitsa S.P. 1978. Rol' populyarizatsii nauki v formirovanii nauchnogo mirovozzreniya [The role of science popularization in shaping scientific worldview]. *Voprosy nauchnogo ateizma*, no. 22, pp. 209–216. (In Russ.)
20. Velikhov E.P. (ed.). 1987. *Klimaticheskie i biologicheskie posledstviya yadernoi voyny* [Climatic and biological consequences of nuclear war]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
21. Kokoshin A.A. 1978. *O burzhuaizmskikh prognozach razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii* [On bourgeois forecasts of the development of international relations]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
22. Kosolapov N.A., Aleshin A.A., Davydov A.A., Kislitsyn S.V. 2021. O popytke sozdaniya teorii mezhdunarodnykh otnoshenii v IMEMO v 1970-e gody [About an attempt to create a theory of international relations in IMEMO in the 1970s]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 4, pp. 80–91. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-80-91. (In Russ.)
23. Coleman J. 1992. *The conspirators' hierarchy: The Committee of 300* [Russ. ed.: Koulman Dzh. 2005. Komitet trekhstot: tainy mirovogo pravitel'stva. Moscow, Vityaz' Publ.].
24. Leibin V.M. 1982. *'Modeli mira' i obraz cheloveka: kriticheskii analiz idei Rimskogo kluba* ['Models of the world' and the image of man: A critical analysis the Roman Club's ideas]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
25. Leibin V.M. 1997. *Rimskii klub: khronika dokladov* [The Roman Club: A chronicle of reports]. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 6, pp. 204–221. (In Russ.)
26. Iovchuk M.T., Mshvenieradze V.V. (eds.). 1970. *Leninizm i filosofskie problemy sovremennosti* [Leninism and the philosophical problems of modernity]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
27. Mannheim K. 1943. *Diagnosis of our time* [Russ. ed.: Mankheim K. 1994. Diagnostika nashego vremeni. Moscow, Yurist Publ.].
28. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. 1972. *The limits to growth: A report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind* [Russ. ed.: Medouz D.Kh., Medouz D.L., Randers I., Berens III V.V.

1991. Predely rosta: doklad po proektu Rimskogo kluba 'Slozhnosti polozheniya chelovechestva'. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ.].

29. Inozemtsev N.N. (ed.). 1962–1965. *Mezhdunarodnye otnosheniya posle Vtoroi mirovoi voyny. V 3 tomakh* [International relations after the Second World War. In 3 vols]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)

30. Moiseev N.N. 1987. *Algoritmy razvitiya* [Algorithms of development]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

31. Moiseev N.N. 1982. *Chelovek, sreda, obshchestvo. Problema formalizatsii opisaniya* [Man, environment, and society. The problem of description formalization]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

32. Moiseev N.N. 1988. *Ekologiya chelovechestva glazami matematika: chelovek, priroda i budushchee tsivilizatsii* [Ecology of mankind through the eyes of a mathematician: Man, nature and the future of civilization]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

33. Moiseev N.N., Aleksandrov V.V., Tarko A.M. 1985. *Chelovek i biosfera: opyt sistemnogo analiza i eksperimenty s modelyami* [Man and the biosphere: Experience of system analysis and experiments with models]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

34. Inozemtsev N.N. (ed.). 2022. *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: opyt IMEMO v 1970-e gody* [Fundamentals of the theory of international relations: The experience of IMEMO in the 1970s]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

35. Pavlenko V.B. 2011. *Mify 'ustoichivogo razvitiya'. 'Global'noe poteplenie' ili 'polzuchii' global'nyi perevorot?* [Myths of 'sustainable development'. 'Global warming' or a 'creeping' global revolution?]. Moscow, OGI Publ. (In Russ.)

36. Pechchei A. 1985. *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. Moscow, Progress Publ.

37. Pozdnyakov E.A. 1976. *Sistemnyi podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [Systemic approach and international relations]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

38. Polynov M.F. 2017. *SSSR v gody perestroiki, 1985–1991 gg.* [The USSR during the years of perestroika, 1985–1991]. Saint Petersburg, Info-da Publ. (In Russ.)

39. Budyko M.I., Izrael' Yu.A. (USSR), Makkraken M.S., Khekt A.D. (USA). (eds.). 1991. *Predstoyashchie izmeneniya klimata: sovместnyi sovetsko-amerikanskii otchet o klimate i ego izmeneniyakh* [Upcoming climate change: A joint Soviet-American report on climate and its changes]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ. (In Russ.)

40. Reimers N.F. 1980. *Azbuka prirody: mikroentsiklopediya biosfery* [The ABC of nature: A microencyclopedia of the biosphere]. Moscow, Znanie Publ. (In Russ.)

41. Reimers N.F. 1992. *Nadezhdy na vyzhivanie chelovechestva: kontseptual'naya ekologiya* [Hopes for the survival of mankind: Conceptual ecology]. Moscow, Rossiya molodaya Publ. (In Russ.)

42. Reimers N.F. 1992. *Okhrana prirody i okruzhayushchei cheloveka sredi: slovar'-spravochnik* [Preservation of nature and the human environment: A reference dictionary]. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russ.)

43. Rimskii klub: ideya ustoichivogo razvitiya [The Club of Rome: The concept of sustainable development]. 2017. *Courier of Kutafin Moscow State Law University*, no. 2 (30), pp. 213–225. (In Russ.)

44. Gvishiani Dzh.M. (ed.). 1997. *Rimskii klub: istoriya sozdaniya, izbrannye doklady i vystupleniya, ofitsial'nye materialy* [The Club of Rome: The history of creation, selected reports and speeches, official materials]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

45. Sidorina A.V. 2018. Rimskii klub i sotsial'nye transformatsii vtoroi poloviny XX — nachala XXI v. [Rome club and social transformations of the second half of the XX and the beginning of the XXI century]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 24, no. 4, pp. 190–207. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-188-205. (In Russ.)

46. Gantman V.I. (ed.) 1976. *Sovremennyye burzhuaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: kriticheskii analiz* [Contemporary bourgeois theories of international relations: A critical analysis]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

47. Spitsyn E.Yu. 2025. *Razgadka Gorbacheva. Ot 'uskoreniya' k 'perestroike', 1985–1987. Kn. 1* [Gorbachev's unraveling. From 'acceleration' to 'perestroika', 1985–1987. Book 1]. Moscow, Kontseptual Publ. (In Russ.)

48. Tarko A.M., Parkhomenko V.P. 2011. *Yadernaya zima: istoriya voprosa i prognozy* [Nuclear winter: History of the concept and forecasts]. *Biosphere*, vol. 3, no. 2, pp. 164–173. (In Russ.)

49. Tinbergen J. 1976. *Reshaping the international order: A report to the Club of Rome* [Russ. ed.: Tinbergen Ya. 1980. *Peresmotr mezhdunarodnogo poryadka*. Moscow, Progress Publ.].

50. Fedorov Yu. 1977. Rimskii klub: poiski burzhuaznogo reformizma [The Club of Rome: The search for bourgeois reformism]. *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 158–159. (In Russ.)

51. Fenenko A.V. 2025. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: 1945–1991: Ucheb. posobie dlya vuzov* [History of international relations, 1945–1991: Textbook for higher schools]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

52. Gvishiani Dzh.M. 1983. *Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya sistemnykh issledovaniy: sistemnyi analiz i sistemnoe modelirovaniye* [Philosophical and methodological foundations of system research: System analysis and system modeling]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

53. Habermas J. 1983. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln* [Russ. ed.: Khabermas Yu. 2000. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoye deistvie*. Saint Petersburg, Nauka Publ.].

54. Khozin G.S. 1974. *V zashchitu planety: (Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy)* [In defense of the planet: (International

cooperation in the field of environmental protection)]. Moscow, Znanie Publ. (In Russ.)

55. Khozin G.S. 1982. *Global'nye problemy sovremennosti: kritika burzhuaznykh kontseptsii* [Contemporary global issues]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)

56. Khozin G.S. 1979. *Militarizm — ugroza planete* [Militarism is a threat to the planet]. Moscow, Znanie Publ. (In Russ.)

57. Chazov E.I., Il'in L.A., Gus'kova A.K. 1984. *Yadernaya voyna: mediko-biologicheskie posledstviya: tochka zreniya sovetskikh uchenykh-medikov* [Nuclear war: Medical and biological consequences. The point of view of Soviet medical scientists]. Moscow, Izdatel'stvo agentstva pechati 'Novosti' Publ. (In Russ.)

58. Cherkasov P.P. 2004. *IMEMO (Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii). Portret na fone epokhi* [IMEMO (Institute of World Economy and International Relations). Portrait against the background of an epoch]. Moscow, Ves' Mir Publ. (In Russ.)

59. Chumakov A.N., Shtark L.P. 2019. *Rimskii klub: k itogam poluvekovoi deyatel'nosti* [The Club of Rome: Towards the results of a half-century activity]. *Vek globalizatsii*, no. 4 (32), pp. 40–49. (In Russ.)

60. Shved V.N. 2016. *Kto vy, Mr. Gorbachev? Istoriya oshibok i predatel'stv* [Who are you, Mr. Gorbachev? The story of mistakes and betrayals]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.)

61. Le'evr A. (ed.). 1987. *Evrika-87* [Eureka-87]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

62. Yablokov A.V., Ostroumov S.A. 1985. *Urovni okhrany zhivoi prirody* [Levels of wildlife protection]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

63. Albrecht Ch. 2014. 'The Atlantic community in a global context': Global crisis and Atlanticism within the context of the Club of Rome, 1960s to 1970s. *Bulletin of the German Historical Institute*, suppl. 10, pp. 163–182.

64. Alvarez L.W., Alvarez W., Asaro F., Michel H.V. 1980. Extraterrestrial cause for the Cretaceous-Tertiary extinction. *Science*, no. 208, pp. 1095–1108. DOI: 10.1126/science.208.4448.1095.

65. Churchill J.L. 2006. *The limits of influence: The Club of Rome and Canada, 1968 to 1988*. PhD thesis. Ontario.

66. Crutzen P.J., Birks J.W. 1982. The atmosphere after a nuclear war: Twilight at noon. *Ambio*, vol. 11, no. 2/3, pp. 114–125.

67. Falk R. 1999. *Predatory globalization: A critique*. Cambridge, Polity Press.

68. Baker D., Epstein G., Pollin R. (eds.). 1998. *Globalization and progressive economic policy*. Cambridge, Cambridge University Press.

69. Harwell M.A., Hutchinson T.C. 1985. *Environmental consequences of nuclear war. Vol. II: Ecological and agricultural effects*. Chichester, John Wiley & Sons.

70. Kott S. 2011. International organizations: A field of research for a global history. *Studies in Contemporary History*, vol. 8, no. 3, pp. 446–450. DOI: 10.14765/zzf.dok-1641.

71. Laszlo E. 1977. *Goals for mankind: A report to the Club of Rome on the new horizons of global community*. New York, E.P. Dutton.

72. Mesarovic M.D.; Pestel E.C. 1974. *Mankind at the turning point*. New York, New American Library.

73. Moll P.H. 1991. *From scarcity to sustainability. Futures studies and the environment: The role of the Club of Rome*. Frankfurt am Main, Peter Lang.

74. Murawiec L., Paoli D. 1981. Club of Rome founder Alexander King discusses his goals and operations: Exclusive interview. *Executive Intelligence Review*, vol. 8, no. 25, pp. 18–29.

75. Pauli G.A. 1987. *Crusader for the future: A portrait of Aurelio Peccei, founder of the Club of Rome*. New York, Pergamon Press.

76. Peccei A. 1969. *The chasm ahead*. [New York], Macmillan.

77. Pittock A.B. et al. 1985. *Environmental consequences of nuclear war. Vol. I: Physical and atmospheric effects*. Chichester, John Wiley & Sons.

78. Schmelzer M. 2017. 'Born in the corridors of the OECD': The forgotten origins of the Club of Rome, transnational networks, and the 1970s in global history. *Journal of Global History*, vol. 12, no. 1, pp. 26–48. DOI: 10.1017/S1740022816000322.

79. Schneider S.H., Londer R. 1984. *The co-evolution of climate and life*. San Francisco, Sierra Club Books.

80. Ferguson N. (ed.). 2010. *The shock of the global: The 1970s in perspective*. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press.

81. Sörlin S., Warde P. 2007. The problem of the problem of environmental history: A re-reading of the field. *Environmental History*, vol. 12, no. 1, pp. 107–130. DOI: 10.1093/envhis/12.1.107.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025;
одобрена после рецензирования 11.12.2025;
принята к публикации 21.12.2025

The paper was submitted 26.11.2025;
approved after reviewing 11.12.2025;
accepted for publication 21.12.2025

И.Т. Сулейманов*

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Международная межправительственная научно-исследовательская организация

«Объединенный институт ядерных исследований»

141980, Дубна, ул. Жолио-Кюри, 6

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) — международная межправительственная организация, представляющая собой уникальный исследовательский центр, чья деятельность охватывает самый широкий спектр направлений ядерной науки. Становление и развитие ОИЯИ отражены в десятках, если не сотнях книг и публикаций, вышедших в свет за 70-летнюю историю института. Однако приходится констатировать, что рассмотрение процесса его создания через призму теории и практики советской научной дипломатии до настоящего времени не являлось предметом отдельных научных исследований. Между тем анализ становления ОИЯИ с помощью концепции «научной дипломатии» представляется исключительно актуальной исследовательской задачей — с одной стороны, в силу возрастающего значения данной концепции в инструментализации международного научно-технического сотрудничества, с другой — в связи с особой ролью рассматриваемой международной организации в истории СССР и России. В этом контексте в рамках данной статьи предпринимается попытка разложить исследуемый феномен по трем векторам наиболее распространенной в литературе таксономии научной дипломатии: «наука

* Сулейманов Ирек Тавфикович — кандидат педагогических наук, доцент Департамента образовательных программ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; заместитель руководителя Департамента международного сотрудничества, Объединенный институт ядерных исследований (e-mail: irek_s@mail.ru; ORCID: 0009-0009-7766-7034; SPIN 4597-6803).

в дипломатии», «дипломатия для науки», «наука для дипломатии». Автор отмечает, что с точки зрения развития советской научной дипломатии кейс ОИЯИ означал слом сформировавшейся ранее парадигмы встраивания в существующую систему международных научно-технических отношений и выход в «зону опережающего развития»: страна впервые создавала на своей территории новую, уникальную международную площадку. С позиций концепции «научной дипломатии» уникальность ОИЯИ состоит в том, что в его основе лежал процесс радикальной интернационализации прежде секретных объектов класса «мегасайенс» и фактического формирования международной научной программы на базе уже существовавшей национальной крупной исследовательской инфраструктуры. В этом отношении ОИЯИ стал нестандартным, асимметричным, альтернативным ответом классическому подходу к формированию международной научной организации, реализованному, например, в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН). Этот опыт и реализуемость такого рода масштабных задач были использованы и в дальнейшем при создании других профильных международных организаций с ведущей ролью СССР, что сформировало особую, советскую модель научной дипломатии.

Ключевые слова: научная дипломатия, Объединенный институт ядерных исследований, международное научно-техническое сотрудничество, СССР, ЦЕРН, «мягкая сила», интернационализация науки, мирный атом

Для цитирования: Сулейманов И.Т. Советский опыт научной дипломатии: становление Объединенного института ядерных исследований // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 55–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-55-88.

Irek T. Suleymanov

SOVIET EXPERIENCE OF SCIENCE DIPLOMACY: ESTABLISHMENT OF THE JOINT INSTITUTE FOR NUCLEAR RESEARCH

*National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitckaya St., Moscow, 101000*

*International Intergovernmental Scientific Research Organization
Joint Institute for Nuclear Research
6, Joliot-Curie St., Dubna, 141980*

The Joint Institute for Nuclear Research (JINR) is an international intergovernmental organization representing a unique research center, whose

activities encompass the broadest spectrum of nuclear science. The formation and development of JINR are covered in dozens, if not hundreds, of books and articles published over the institute's 70-year history. However, the process of its creation as part of the development of Soviet science diplomacy has not yet been the subject of separate scientific studies. Meanwhile, analyzing the establishment of JINR through the lens of the concept of 'science diplomacy' appears to be an exceptionally relevant research task — on the one hand, due to the growing importance of this concept in instrumentalizing international scientific and technical cooperation, and on the other, due to the special role of this international organization in the history of the USSR and Russia. In this context, this article attempts to deconstruct the phenomenon under study along three vectors of the most common taxonomy of science diplomacy in the academic literature: 'science in diplomacy,' 'diplomacy for science,' and 'science for diplomacy.' The author notes that from the perspective of the development of Soviet science diplomacy, the JINR case represented a break with the previously established paradigm of integrating into the existing system of international scientific and technical relations and a move into a 'zone of accelerated development': for the first time, the country was creating a new, unique international platform on its territory. From the perspective of the 'science diplomacy' concept, the uniqueness of JINR lies in the process of radical internationalization of previously secret 'mega science'-class facilities and the de facto formation of an international scientific program based on an existing national large-scale research infrastructure. In this respect, JINR became a non-standard, asymmetric, alternative response to the classical approach to international scientific organization, implemented, for example, at the European Organization for Nuclear Research (CERN). This experience and the feasibility of such large-scale tasks were subsequently used in the creation of other specialized international organizations with a leading role of the USSR, forming a distinct, Soviet model of science diplomacy.

Keywords: science diplomacy, Joint Institute for Nuclear Research, international scientific and technical cooperation, USSR, CERN, soft power, internationalization of science, peaceful atom

About the author: Irek T. Suleymanov — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Department of Educational Programs, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics; Deputy Head of the Department of International Cooperation, Joint Institute for Nuclear Research (e-mail: irek_s@mail.ru; ORCID: 0009-0009-7766-7034; SPIN 4597-6803).

For citation: Suleymanov I.T. 2025. Soviet experience of science diplomacy: Establishment of the Joint Institute for Nuclear Research. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 55–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-55-88. (In Russ.)

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) — международная межправительственная организация, созданная на основе Соглашения, которое было подписано 11 странами-учредителями 26 марта 1956 г. и зарегистрировано в ООН 1 февраля 1957 г.¹ Сегодня этот всемирно известный научный центр объединяет 15 государств-членов. Среди межправительственных научных организаций ОИЯИ занимает второе место в мире по численности персонала после Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН; Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire, CERN).

Становление и развитие ОИЯИ отражены в десятках, если не сотнях книг и публикаций, вышедших в свет за 70-летнюю историю института. Тема его создания традиционно упоминается в приуроченных к юбилеям ОИЯИ публикациях, содержащих, однако, стандартные, ставшие стереотипными нарративы (к примеру, «центр ядерной науки для стран соцблока») [Бирюков, 1966; Кадышевский, 1996; Сисакян, 2006; Старченко и др., 2011].

Заметная часть работ по истории ОИЯИ написана профессиональными физиками, что обуславливает их сосредоточенность на отраслевой научно-исследовательской, инфраструктурной и технологической плоскости рассмотрения этого феномена [История создания синхротрона..., 2014]. Особый интерес² представляют мемуары лиц, непосредственно задействованных в этом процессе³. Так, интересный свод воспоминаний содержится в очерках А. Расторгуева⁴ и Е.М. Молчанова⁵.

Ценные в контексте настоящего исследования рассуждения о соотношении науки, (внешней) политики, международной кооперации и роли научного сообщества можно обнаружить в работах

¹ Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=67ad4f30-1541-4d2d-b118-986ac248d744> (дата обращения: 30.11.2025).

² В том числе в связи с секретным статусом многих аспектов становления ОИЯИ.

³ Емельянов В.С. С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979; Блохинцев Д.И. Дневники, 1955–1975 / Под общ. ред. Т.Д. Блохинцевой. Дубна: ОИЯИ, 2022.

⁴ Расторгуев А. Контакт не избежать: из истории международного сотрудничества в физике высоких энергий // Проза.ру. Доступ: <https://proza.ru/2010/02/08/632> (дата обращения: 30.11.2025); Его же. Проект «ОИЯИ» // Сайт Александра Расторгуева. 29.01.2016. Доступ: http://samlib.ru/r/rastorguew_a_a/4_jinr.shtml (дата обращения: 30.11.2025).

⁵ Молчанов Е.М. «Беседа вел...»: хроника, интервью, дневники. М.: Этерна, 2011.

А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани [Фурсенко, Афиани, 2010] (их труды, однако, представляют собой анализ более широкой исторической динамики взаимоотношений ЦК КПСС и Академии наук (АН) СССР). Опубликованные авторами рассекреченные документы Политбюро ЦК КПСС содержат значительный массив архивного материала, непосредственно касающегося становления ОИЯИ.

Работы Б.Ю. Старченко фактически ограничиваются перепечаткой ранее опубликованных документов и положений, изданных А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани, а также формулировками рамочных замечаний относительно документов Политбюро ЦК КПСС, которые позволяют прочувствовать «непростое время, когда суровость сталинской эпохи сменилась т.н. оттепелью»⁶.

Встречаются и весьма оригинальные исследования феномена ОИЯИ как международной организации. К примеру, в научно-философской работе П.С. Петрухиной и В.С. Пронских [Петрухина, Пронских, 2018] «протомегасайенс»⁷ цепочка экспериментов ОИЯИ (Дубна) и «Фермилаб» (США) рассматривается в категориях «эпистемических и политических интересов». Н.Н. Прислонов изучает феномен становления ОИЯИ со специфической, урбанистической точки зрения [Прислонов, 2022].

Однако приходится констатировать, что рассмотрение процесса становления ОИЯИ через призму теории и практики советской научной дипломатии до настоящего времени не являлось предметом отдельных научных исследований. Имплицидный «научно-дипломатический» аспект если и затрагивается, то достаточно поверхностно, в семантике лозунговых формулировок, без глубокого анализа, в том духе, что создание и деятельность ОИЯИ служат «неопровержимым доказательством того, что только широкое международное сотрудничество может обеспечить поступательное развитие ядерной науки,

⁶ История создания ОИЯИ в решениях ЦК КПСС, 1955–1958 / Сост. Б.М. Старченко, Ю.Г. Шиманская, И.Ю. Щербакова. Дубна: ОИЯИ, 2015. С. 3.

⁷ Под исследовательской инфраструктурой класса «мегасайенс» понимают не имеющий мировых аналогов единый системный комплекс научного оборудования, созданный с привлечением ресурсов международного сотрудничества в целях получения научных результатов, содержащих фундаментальные прорывные знания, технологии или решения, имеющие общемировое значение, достижение которых невозможно при использовании иных комплексов оборудования [Горлова, Ткаченко, 2019: 207]. При этом под «протомегасайенс» авторы цитируемой статьи подразумевают «начальный этап развития такой разновидности большой науки, как мегасайенс» [Петрухина, Пронских, 2018: 15].

равно как и мирное использование атомной энергии»⁸. Другая крайность при рассмотрении феномена ОИЯИ, а также особенностей его становления — это тенденциозный дисбаланс в сторону обличения тоталитарной природы Советского Союза и политики «ядерного империализма» в Восточном блоке [Khandozhko, 2019].

В зарубежных работах, несмотря на интенцию глубокого рассмотрения истории ОИЯИ (к примеру, в контексте кооперации с ЦЕРН), в том числе в категориях научной дипломатии, можно встретить как упрощенные трактовки, отчасти противоречащие сохранившимся документам, так и тенденциозное изложение неудобных для западного читателя исторических фактов, к числу которых относится отказ ЦЕРН от участия СССР в работе организации (этот факт либо игнорируется [Lock, 1975], либо предстает в наивно-усеченной интерпретации: «Во время Женевской конференции 1955 года члены советской научной группы узнали о планах создания ЦЕРН и сделали аналогичное предложение советским властям» [Da Silva Neto, Kojevnikov, 2024: 182]). Некоторые работы посвящены анализу развития института в контексте членства отдельных стран, в частности Чехии [Olšáková, 2024], Китая [Liu et al., 2021]. В них затрагиваются некоторые релевантные для настоящего исследования аспекты становления ОИЯИ. Отметим, что в ряде зарубежных публикаций опыт ЦЕРН отчасти представляется в категориях научной дипломатии, однако сюжет взаимодействия ОИЯИ и ЦЕРН, как правило, выступает в качестве периферийного (см., например: [Höne, Kurbalija, 2018]).

Между тем анализ опыта создания ОИЯИ через призму научной дипломатии представляется исключительно актуальной исследовательской задачей — с одной стороны, в силу возрастающего значения данной концепции в инструментализации международного научно-технического сотрудничества⁹ (МНТС), с другой — в связи с особой ролью этой международной организации в истории СССР и России.

⁸ Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет: Сборник статей. Дубна: ОИЯИ, 2011. С. 12.

⁹ Об этом свидетельствуют, к примеру, структура и содержание актуализированной Концепции МНТС Российской Федерации (в документе, в частности, сформулирован ориентир на развитие международных проектов класса «мегасайенс» на своей территории) [Сулейманов, 2025a]. См.: Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-п) // Правительство Российской Федерации. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/vDo5Tl0xJavZh6dOXnpxriAYDNn4Hkk.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

Таким образом, базовым для настоящего исследования выступает понятие «научная дипломатия»: хотя в период становления ОИЯИ в чистом виде этот термин не существовал, возможна реверсивная атрибуция практических мер и целеполагания при создании ОИЯИ в категориях современной теории научной дипломатии.

В силу комплексной природы данного концепта существуют различные подходы к определению соответствующего понятия. Наиболее актуальной можно считать дефиницию, данную в Концепции МНТС Российской Федерации: «...научная дипломатия — особая форма МНТС, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействия ученых, научных коллективов, научных организаций и образовательных организаций высшего образования, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учетом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами»¹⁰. Для отечественной научной дипломатии это определение имеет и нормативно-правовую силу, так как закреплено распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-р. При этом отметим, что имеющееся многообразие подходов к определению понятия научной дипломатии было предметом исследований как отечественных [см., например: Крынжина, 2018], так и зарубежных ученых [см., например: Ruffini, 2020].

Важным представляется и вопрос разграничения понятий «научная дипломатия» и МНТС. Так, П.-Б. Руффини отмечает: «научная дипломатия тем и отличается от международного научного сотрудничества, что всегда отражает интересы конкретного государства»¹¹. Этого подхода придерживаются также К. Монтгомери¹² и В. Турекян¹³, которые заключают, что мотивация МНТС обусловлена

¹⁰ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации...

¹¹ Цит по: Загитова К. Научная дипломатия набирает «мягкую силу» // Институт статистических исследований и экономики знаний. 09.03.2017. Доступ: <https://issek.hse.ru/news/203621872.html> (дата обращения: 30.11.2025).

¹² Science for human security: Science diplomacy // World Academy of Art and Science. 24.10.2023. Available at: <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/> (accessed: 30.11.2025).

¹³ Turekian V.C. A strategic approach to science diplomacy // Canadian Science Policy Centre. Available at: https://sciencepolicy.ca/wp-content/uploads/2020/11/science_diplomacy_7.pdf (accessed: 30.11.2025).

«развитием науки»; мотивация научной дипломатии — «влиянием на отношения».

Другим крайне важным свойством научной дипломатии в контексте настоящего исследования является ее межсекторальность, выражающаяся в формировании этого концепта на пересечении внешней, научно-технической и иных политик (к примеру, Л. Айгнер пишет, что «научная дипломатия возникла как новая политическая концепция, связывающая науку и технологии с международными отношениями»¹⁴, П.-Б. Руффини также отмечает, что «на стыке науки и внешней политики научная дипломатия страны относится ко всем практикам, в которых взаимодействуют исследователи и дипломаты» [Ruffini, 2017: 16]).

При рассмотрении процесса становления ОИЯИ в категориях научной дипломатии в качестве исходного допущения принимается представление о научной дипломатии как о дипломатии «позитивного действия», согласно которому она ориентирована на поддержку конструктивного диалога и сотрудничества, в том числе путем открытия каналов взаимодействия в (и за пределами) области науки и исследований. Такое понимание научной дипломатии — производная от «мировоззрения исторического оптимизма» и «нацеленности на дипломатию позитивного действия» в терминологии А.А. Громыко [Громыко, 2019: 93]. В статье, однако, приводятся прецеденты и из альтернативной, негативной плоскости научной дипломатии — так называемой научной дипломатии «негативного действия», ориентированной на санкционный, деструктивный характер научно-дипломатических отношений, в частности, на герметизацию научного диалога, наращивание противостояния между странами и народами [Сулейманов, 2025b].

К тому же метаморфозы инструментализации научной дипломатии СССР, рассматриваемые на примере становления ОИЯИ, происходят из «колебательной», амбивалентной природы концепта научной дипломатии, сочетающего в себе «разность потенциалов» глобальных и национальных интересов; сотрудничества и конкуренции; международной природы науки и национальной принадлежности действующих лиц научной дипломатии, равно как из этиче-

¹⁴ Eigner L. The promise and paradox of science diplomacy // CSS Analyses in Security Policy. July 2023. No. 326. P. 1. Available at: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse326-EN.pdf> (accessed: 30.11.2025).

ской дилеммы ученого как актора научной дипломатии, лояльного, с одной стороны, своему государству, а с другой — (глобальному) научному сообществу.

В этом контексте представляется целесообразным разложить исследуемый феномен по трем векторам наиболее распространенной в литературе таксономии научной дипломатии¹⁵: «наука в дипломатии» (научное знание в формировании внешнеполитической линии), «дипломатия для науки» (использование дипломатических инструментов для развития научно-технического сотрудничества), «наука для дипломатии» (использование научно-технического сотрудничества для развития отношений между государствами). Очевидно, что рассмотрение феномена становления ОИЯИ в этих плоскостях неизбежно ведет к некоторым содержательным пересечениям, однако такой подход позволяет сформировать многомерную модель конкретного примера функционирования советской научной дипломатии.

Наука в дипломатии

Категория «наука в дипломатии», пусть и весьма расплывчатая, всё же позволяет выделить свой ключевой нарратив — использование научной экспертизы при формировании (внешнеполитических) управленческих решений.

Роль атомной науки в этом процессе в 1940–1950-е годы очевидна: атомный проект СССР, с одной стороны, стал реальностью благодаря научным изысканиям, с другой — продемонстрировал пример тотальной переориентации всей государственной машины на задачи, определяемые наукой, включая и дипломатический трек. Не останавливая внимания на этих контекстуальных реалиях, рассмотрим сюжеты, отражавшие интегрированность научной экспертизы в дипломатические решения, выстроенные в соответствии с приматами науки. В значительной степени на той же научной экспертизе, показавшей весь разрушительный потенциал атомного и водородного оружия на контрасте с колоссальными возможностями для народного хозяйства, выстраивалась и внешнеполитическая линия двух супердержав, СССР и США, на запрещение атомного оружия

¹⁵ New frontiers in science diplomacy: Navigating the changing balance of power // The Royal Society. January 2010. Available at: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (accessed: 30.11.2025).

и развитие в категориях мирного атома. Идея научно-технической революции настолько интегрировалась в конструкт постсталинской парадигмы строительства социализма, что некоторые исследователи предложили концепцию «атомного коммунизма» [см. подробнее: Josephson, 1996].

В контексте рассмотрения становления ОИЯИ в проекции «науки в дипломатии» ключевым является проведение с участием СССР в августе 1955 г. «международной технической конференции представителей правительств по вопросам применения атомной энергии для мирных целей»¹⁶. В рассекреченной записке В.М. Молотова и В.А. Малышева от 8 января 1955 г. о созыве упомянутой конференции отчетливо сформулирована комплексная роль научного сообщества в этом форуме: повестка встречи рассмотрена «нашими учеными»; предусматривалось назначение экспертов-докладчиков, да и в целом конференция носила научно-технический характер («основной упор <...> делается на рассмотрение конкретных вопросов проектирования и эксплуатации атомных реакторов...»¹⁷). В том же документе наряду с необходимостью исключить риски разглашения «чувствительной» информации была отмечена задача обеспечить должный научный уровень докладов советских экспертов. Примечательно и то, что наука была интегрирована в этот политический и дипломатический процесс на персональном уровне: в состав создаваемой для подготовки конференции комиссии при ЦК КПСС вошли министр среднего машиностроения СССР В.А. Малышев (председатель), первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, первый заместитель министра среднего машиностроения СССР Б.Л. Ванников, президент АН СССР А.Н. Несмеянов, руководитель работ по атомной науке и технике академик АН СССР И.В. Курчатов¹⁸.

Рассекреченные документы ЦК КПСС демонстрируют представленность научной экспертизы не только в определении принципиальных подходов внешней политики СССР, но и в конкретных практических шагах советской власти. К примеру, в проекте директивных указаний (в материалах Постановления Президиума ЦК КПСС от 29 апреля 1955 г.) советским ученым на Международном съезде по

¹⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991. Т. 2: 1952–1958 / Отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 203.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 205.

ядерной физике в Пизе (Италия) среди прочего содержалась рекомендация ознакомиться «со свежими экспериментальными данными <...> в области изучения элементарных частиц <...>, что может помочь постановке соответствующих экспериментов в советских научно-исследовательских учреждениях (в частности, в Электрофизической лаборатории АН СССР)»¹⁹. Именно эта лаборатория годом позже стала «взносом» Советского Союза в ОИЯИ. Такое прицельное формирование задач для членов делегации не могло быть реализовано без «науки в дипломатии». Понятно и то, что этот пример демонстрирует проблематичность разделения этой области с направлением «дипломатия для науки» (см. далее).

Научные изыскания определяли повышенное внимание партийного и государственного руководства СССР к сфере физики высоких энергий во второй половине 1940-х годов: разумеется, мотивирующим поддержку этой отрасли фактором был не только (и не столько) прогресс в исследовании фундаментальных свойств материи, сколько перспективы использования научных результатов для обеспечения стратегического преимущества страны в сфере ядерных вооружений. 14 декабря 1949 г. к 70-летию И.В. Сталина состоялся запуск первого в СССР ускорителя, синхроциклотрона, что ознаменовало начало развития новой области научных исследований — физики частиц высоких энергий²⁰. В том же году под руководством В.И. Векслера в районе будущей Дубны²¹ началось проектирование еще одного мощного ускорителя протонов — синхрофазотрона [см. подробнее: Коломенский, 1987]. Этому предшествовала колоссальная подготовительная работа на территории будущего наукограда, правда, на принципах, сообразных эпохе. Как пишет Н.Н. Прислонов, еще в сентябре 1946 г. в организованный здесь исправительно-трудовой лагерь прибыл первый контингент заключенных, с весны 1947 г. начались строительные работы [Прислонов, 2022: 60]. В 1948 г. была создана ускорительная лаборатория²², которая получила название Гидротехническая лаборатория (ГТЛ) АН СССР. И выбор локации для строительства лаборатории, и ее название служили целям конспирации и соблюдения секретности.

¹⁹ Там же. С. 273.

²⁰ См. подробнее: Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет... С. 6–7.

²¹ Местоположение ОИЯИ.

²² Фактически филиал легендарной секретной Лаборатории № 2 И.В. Курчатова.

В 1953 г. ГТЛ была преобразована в Институт ядерных проблем АН СССР. В том же году образован соседний институт — Электрофизическая лаборатория АН СССР (ЭФЛАН)²³, на базе которой и был сооружен синхрофазотрон.

Именно этот «научно-инфраструктурный фактор» сыграл ключевую роль в решении вопроса о локализации ОИЯИ на базе упомянутой крупной исследовательской инфраструктуры мирового уровня в сегодняшней Дубне. Кроме того, несмотря на секретность воздвигнутых объектов, они оказали фрустрирующее влияние на западные страны (особенно европейские), которые были вынуждены осознать свое растущее отставание от СССР²⁴ и необходимость интеграционного маневра в науке для консолидации разрозненных (главным образом в результате Второй мировой войны) ресурсов²⁵. Так началась история будущей Европейской организации ядерных исследований. Наука мобилизовала дипломатические инструменты: к примеру, на межправительственном совещании ЮНЕСКО в Париже в декабре 1951 г. была принята первая резолюция о создании Европейского совета по ядерным исследованиям²⁶.

Говоря о научно-дипломатической природе становления ОИЯИ, отметим, что решение о создании института, весь процесс формирования его будущей стратегической, инфраструктурной и тематической архитектуры были сформулированы в документах политического органа — ЦК КПСС, санкционировавшего наведение мостов в сфере науки в геометрии многосторонней международной организации. Однако повествование большей части документов выстроено в том духе, что именно ученые, их экспертиза, мнение и интересы выступили главной движущей силой партийных, государственных и дипломатических решений и действий. Наиболее ранняя из документально зафиксированных формулировок, инициировавших создание ОИЯИ, артикулирована именно учеными

²³ См. подробнее: Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет... С. 4–7.

²⁴ «К концу Второй мировой войны европейская наука уже не соответствовала мировому уровню». Цит. по: Where did it all begin? // CERN. Available at: <https://home.cern/about/who-we-are/our-history> (accessed: 30.11.2025).

²⁵ «Следуя примеру международных организаций, группа ученых-визионеров задумала создать европейскую лабораторию атомной физики. <...> Такая лаборатория не только объединила бы европейских ученых, но и позволила бы им разделить растущие расходы на ядерно-физические установки [Ibidem].

²⁶ Ibidem.

в строго секретной записке Б.Л. Ванникова от 4 ноября 1955 г.: «...среди физиков Польши, Чехословакии, Венгрии высказываются соображения о необходимости создания Восточной лаборатории ядерных исследований»²⁷. Это же видим и в письмах ЦК КПСС руководству компартий социалистических стран: «В духе целесообразности создания такой лаборатории высказываются ряд физиков стран народной демократии»²⁸. Как пишет Л. Айгнер, «научная дипломатия возникла и от самих ученых»²⁹. В логике субъектности ученого в научной дипломатии выстроены и нарративы целого ряда документов ЦК КПСС по вопросу об инициировании создания ОИЯИ: основная роль (как, впрочем, и в появлении ЦЕРН) приписывалась физикам.

Дипломатия для науки

Данная проекция феномена научной дипломатии связана с использованием дипломатических инструментов для содействия развитию науки и международного научного диалога. Е.А. Долгова отмечает характерную для европейской науки в межвоенный период ориентацию на замыкание научных сообществ в национальных («патриотических») границах, при этом курс на изоляционизм в СССР был усилен идеологической составляющей. Исследователь делает важную оговорку о том, что речь не шла о полном прерывании научных связей, однако их формат менялся в зависимости от политического курса и экономического целеполагания [Наука большой страны..., 2023: 10].

Вектор на интернационализацию науки стал очевидным в научно-технической парадигме СССР по большей части после смерти И.В. Сталина (хотя объективный запрос самой научной отрасли на развитие МНТС, в первую очередь для обеспечения доступа к передовым научным результатам и технологическим решениям³⁰, существовал и ранее). А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани характеризуют

²⁷ Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

²⁸ Там же. С. 338.

²⁹ См. подробнее: Eigner L. Op. cit. P. 1–4.

³⁰ К примеру, И.В. Курчатов в письме от 26 января 1946 г. Л.П. Берии об устройстве синхротрона (одной из первых базовых установок будущего ОИЯИ) писал о запросе на «западные технологии»: в частности, о необходимости «разборки и перевозки на площадку завода “Электросила” металлоконструкций и кранов цеха мощных трансформаторов завода АЕГ в Берлине» [см. подробнее: История создания синхротрона..., 2014: 52–53].

эпоху 1950-х — середины 1960-х годов как период значительных изменений в сфере международных связей советских ученых, когда одним из результатов новой политики власти в отношении науки стали расширение и интенсификация взаимодействия АН СССР с другими мировыми научными центрами. Авторы говорят о восстановлении старых связей после долгого перерыва и выстраивании новых на личном и институциональном уровнях [см. подробнее: Фурсенко, Афиани, 2010]. Действительно, к началу 1950-х годов складывалась крайне неблагоприятная картина международной научно-технической интегрированности Советского Союза: по совокупности причин (Октябрьская революция, Вторая мировая война и пр.) прекратилось его участие во многих международных организациях, в 1951 г. «СССР сохранил членство в двух международных академических союзах — астрономическом и химическом» [Da Silva Neto, Kojevnikov, 2024: 176]. Вызвано это было рядом как внешних (фактическое изолирование СССР), так внутренних факторов (к примеру, ограничением участия советских ученых в международном сотрудничестве³¹).

В 1953 г. за границу в составе делегаций и в индивидуальном порядке по линии АН СССР выехали 114 советских ученых, уже в 1954 г. это число возросло до 175, а в 1955 г. — до 481 человека. За тот же период количество иностранных ученых, посетивших Советский Союз по приглашению АН СССР, возросло почти в четыре раза (с 93 до 362 человек) [приводится по: Ichikawa, 2016: 33].

В этом контексте, если посмотреть на пул «научно-политических» документов ЦК КПСС, создание ОИЯИ находилось в череде хронологически связанных решений: 1) о вступлении СССР в целый ряд международных научных объединений и организаций (Международный союз геодезии и геофизики (1955)³², Международная комиссия по константам (1955)³³, Международная гидрогеологическая ассоциация (1955)³⁴, Международный совет научных союзов (1955)³⁵,

³¹ Алексеев А. Как порвались связи советской науки с мировой // Коммерсантъ Наука. 30.09.2020. Доступ: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=b9de849f-01b9-47c6-9466-b0d1cd8535bb> (дата обращения: 30.11.2025).

³² Академия наук в решениях Политбюро... С. 195.

³³ Там же. С. 273.

³⁴ Там же. С. 285.

³⁵ Там же. С. 289.

Международный союз истории наук (1956)³⁶ и др.); 2) об участии в глобальных инициативах (например, в Международном геофизическом году 1957–1958) [Da Silva Neto, Kojevnikov, 2024: 179] и проведении съезда Международного астрономического союза в СССР (1955)³⁷; 3) о приеме зарубежных ученых (в том числе из капиталистических стран) и направлении за границу советских делегаций (к примеру, ученых-аэродинамиков в Западную Германию (1955)³⁸, ученых-физиков в Норвегию (1956)³⁹, географов в Бразилию (1956)⁴⁰ и т.д.). Всё это позволяет констатировать общий тренд в СССР середины 1950-х годов на интернационализацию науки путем интеграции в международное научное сообщество, воссоединения с ним.

Рассекреченная записка Б.Л. Ванникова «о создании Восточной лаборатории ядерных исследований» от 4 ноября 1955 г., подготовленная заместителем министра среднего машиностроения СССР по итогам Женевской конференции 1955 г. для Президиума ЦК КПСС, демонстрирует, как дипломатия содействовала решению научно-политических задач и реализации интересов научного сообщества: «Создание лаборатории позволит странам народной демократии совместно обеспечить условия для плодотворной работы своих научных работников»⁴¹. В схожем духе (создание «мощной научно-исследовательской базы на современном уровне для развития науки и техники по использованию атомной энергии») построено и строго секретное Постановление Президиума ЦК КПСС от 16 ноября 1955 г. «Об организации странами народной демократии Восточной лаборатории ядерных исследований»⁴².

Наука для дипломатии

Очевидно, вектор на развитие научной дипломатии вписывался в формирующуюся систему координат мирного сосуществования противоборствовавших идеологических систем. В контексте холодной войны в 1960-е годы Р. Лалли справедливо говорит о «физике

³⁶ Там же. С. 385.

³⁷ Там же. С. 205.

³⁸ Там же. С. 232.

³⁹ Там же. С. 365.

⁴⁰ Там же. С. 269.

⁴¹ Там же. С. 337.

⁴² Там же. С. 336.

как дипломатии» — в такой ипостаси физики упражнялись уже в 1950-е годы [см. подробнее: Lalli, 2021]. В случае СССР на первый план снова вышел ОИЯИ.

Одной из знаковых площадок, на которых советские физики примерили роль научных дипломатов, стала сессия АН СССР по использованию атомной энергии в мирных целях 1–5 июля 1955 г. (далее — Сессия): к участию были приглашены наряду с советскими экспертами еще и делегации из стран народной демократии и капиталистических государств. Поскольку этому мероприятию, в отличие от Женевской конференции 1955 г., в литературе уделено более чем скромное внимание, имеет смысл остановиться на рассмотрении некоторых его научно-дипломатических аспектов подробнее.

Говоря о значимости Сессии, Дж. Лиу пишет, что «президент АН СССР А.Н. Несмеянов (1889–1980) пригласил⁴³ ученых из социалистических стран посетить Институт ядерных проблем⁴⁴ для ознакомления с экспериментами на синхротроне. В ходе визита Советский Союз предложил ученым из социалистических стран совместно провести экспериментальные исследования на ускорителях» [Liu et al., 2021: 35].

Из статьи Дж. Лиу, повествующей об истории сотрудничества китайских физиков и ОИЯИ, может сложиться впечатление, что именно на Сессии и родилась идея создания института. Однако, судя по документам, логика событий была несколько иной: речь шла об укреплении *двусторонних* научно-технических связей⁴⁵ Советского Союза в области мирного атома с конкретными социалистическими странами: наука скорее содействовала решению более широких внешнеполитических задач Москвы. Об этом свидетельствует и вступительная речь президента АН СССР, посвященная мирному использованию атомной энергии: А.Н. Несмеянов отметил, что «наша наука и атомная промышленность окажут *в порядке осу-*

⁴³ На этот счет было выпущено строго секретное Постановление Президиума ЦК КПСС от 1 июля 1955 г. «Об организации экскурсии в Институт ядерных проблем Академии наук СССР для иностранных ученых». См. подробнее: Академия наук в решениях Политбюро... С. 301–302.

⁴⁴ Этот институт, расположенный в будущем наукограде Дубне, стал своеобразным советским вкладом в создаваемый ОИЯИ.

⁴⁵ В рамках реализации решения от 18 января 1955 г. «Об оказании помощи зарубежным странам в создании научно-исследовательских центров ядерной физики».

ществления международных соглашений⁴⁶ бескорыстную помощь в первом освоении атомной техники в Китае, Польше, Чехословакии, Румынии, ГДР, Венгрии и Болгарии» [Несмеянов, 1955: 4–5].

Безусловно, проведение Сессии можно рассматривать как важный «пропедевтический» инструмент научной дипломатии — это была проба пера в консолидации профильного научного сообщества социалистических стран и ряда капиталистических государств (США, Великобритании, Франции) под водительством советской науки. Как написал один из современников, Сессия «вместе с материалами, представленными нашими учеными на конференцию в Женеве, убедительно продемонстрировала огромный размах работ, ведущихся в этом направлении в Советском Союзе» [Лешковцев, 1955: 517]. Однако, судя по материалам строго секретного Постановления Президиума ЦК КПСС от 3 июня 1955 г., утилитарная цель проведения Сессии в значительной степени состояла в основательной подготовке к Женевской конференции, в частности, остро стоял вопрос о пополнении пула советских докладов (отмечается, что СССР подал заявку на 102 доклада, тогда как США — на 530)⁴⁷.

Создание международной организации на территории Советского Союза изначально вовсе не вписывалось в воссоединительную парадигму научной дипломатии СССР, когда страна вступала или возвращалась в уже существовавшие международные научные структуры. В этой логике более органичным было бы присоединение СССР к ЦЕРН, поэтому неудивительно, что свидетельства зондирования такого сценария сохранились как в эго-документах (в частности, В.С. Емельянова), так и в рассекреченных источниках ЦК КПСС.

Зондаж возможного участия СССР в ЦЕРН происходил на Женевской конференции: В.С. Емельянов, входивший в состав советской делегации, писал, что руководители ЦЕРН сообщили о прекращении приема новых членов в организацию на 5 лет [Емельянов, 1979: 216]. Примечательно, что западные исследователи истории ЦЕРН и его кооперации с ОИЯИ рисовали встречу члена советской делегации на Женевской конференции В.И. Векслера с представителями ЦЕРН

⁴⁶ Имеются в виду *двусторонние* соглашения: в апреле 1955 г. СССР подписал соглашения о помощи в области мирного атома с ГДР, Чехословакией, Румынией и др.; в июне того же года — с Болгарией и Венгрией.

⁴⁷ Академия наук в решениях Политбюро... С. 276–280.

как первый контакт двух лабораторий, умалчивая, однако, о содержании «стратегических» бесед [Lock, 1975].

Обращало на себя внимание и противоречие в политике ЦЕРН относительно членства в организации, так как в тот же самый период она активно прорабатывала вопрос о принятии Польши⁴⁸. Данное обстоятельство обнажило геополитический и геостратегический каркас проекта ЦЕРН, ориентированность научной дипломатии организации на выстраивание герметичных (научных) границ вокруг СССР. Всё это не могло не вызывать озабоченности советского правительства. Позиционирование ЦЕРН интерпретировалось в Москве⁴⁹ в более широком ключе: «...делаются попытки использовать лабораторию [ЦЕРН] для внесения некоторого раскола в странах народной демократии»⁵⁰. При этом можно констатировать, что западная научная дипломатия «негативного действия» участвовала в реализации более широкой геополитической линии, в том числе на вторжение в зону послевоенного внешнеполитического влияния СССР: к примеру, в ЦЕРН в 1954 г. вошла в качестве государства-члена Югославия⁵¹.

С точки зрения темы статьи особенно показательно, что впоследствии Советский Союз использовал проект ОИЯИ, чтобы попытаться реинтегрировать Югославию в научно-технологическое пространство социалистических стран. «Хотя Югославия участвует в Европейской лаборатории ядерных исследований, мы со своей стороны считаем возможным, если Югославия этого пожелает, ее участие в Восточном центре ядерных исследований»⁵², — говорилось в письме ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ от 14 января 1956 г.

Геополитически обусловленный модус формирования состава государств — членов ЦЕРН как не только конкурентной, но даже (потенциально) недружественной интересам СССР организации послужил импульсом к переформатированию идеи «воссоединения» в ориентир на формирование собственного, альтернативного центра

⁴⁸ Б.Л. Ванников сообщал в ЦК КПСС, что на Женевской конференции 1955 г. к польскому представителю обратились ученые из Франции, Италии и Югославии с предложением о вступлении Польши в ЦЕРН. См.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁴⁹ Например, в записке Б.Л. Ванникова от 4 ноября 1955 г.

⁵⁰ Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁵¹ В 1961 г. Югославия вышла из ЦЕРН.

⁵² Академия наук в решениях Политбюро... С. 369.

притяжения и объединения (дружественных) научных сообществ. Таким образом, ответом на шаги в духе научной дипломатии «негативного действия» стал научно-дипломатический маневр — инструмент научной дипломатии «позитивного действия»: рождение новой площадки, открытой изначально идеологически родственным странам⁵³, а затем и всем заинтересованным сторонам⁵⁴.

Основополагающие документы ОИЯИ были составлены таким образом, что создавали возможности для присоединения новых государств-членов. Этот механизм конкурентной научной дипломатии (в терминологии О. Красняк⁵⁵) выступал и средством «научной экспансии» Советского Союза. К примеру, на второй Международной конференции по мирному использованию атомной энергии (1–13 сентября 1958 г., Женева) руководитель советской делегации В.С. Емельянов, один из авторов идеи создания ОИЯИ, представляя новую лабораторию, сделал акцент на том, что «устав этого института основывается на <...> принципе *открытых дверей*» [На второй Международной конференции..., 1958: 588].

Показательным для рассмотрения советской научно-дипломатической парадигмы является и процесс принятия решения о местоположении первой социалистической международной лаборатории в области ядерных исследований. В документах 1955 г. обнаруживается необычная по стилистике диалогическая формулировка: «...возникает вопрос: где строить лабораторию. Этот вопрос можно было бы поставить на решение будущих участников лаборатории. Географически более удобным пунктом могли бы быть Киев (СССР), Прага (Чехословакия) и другие»⁵⁶.

Однако не прошло и года, как позиция Советского Союза резко поменялась и приобрела предельную конкретику: в строго секретном Постановлении Президиума ЦК КПСС от 14 января 1956 г. «Об организации Восточного института ядерных исследований»

⁵³ «...считаем, что СССР и странам народной демократии следует организовать Восточную лабораторию ядерных исследований...». См.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁵⁴ «Когда лаборатория встанет на ноги, <...> можно будет вступить в соглашение с Европейской лабораторией ядерных исследований». См.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

⁵⁵ Krasnyak O. Strategizing science diplomacy // USC Center on Public Diplomacy. 16.05.2019. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/strategizing-science-diplomacy> (accessed: 30.11.2025).

⁵⁶ Академия наук в решениях Политбюро... С. 337.

предлагалось локализовать институт на «Большой Волге» (нынешняя Дубна) и передать «в состав Восточного института ядерных исследований установки “М” Министерства среднего машиностроения и “КМ” АН СССР»⁵⁷.

Очевидно, на фоне решения о нерасширении состава членов ЦЕРН и одновременно об активной «вербовке» европейских социалистических стран можно говорить о подорванном доверии Советского Союза к западной стороне как о факторе научной дипломатии, который обусловил переход к конкурентной научно-дипломатической тактике: вместо того чтобы тратить время и иные ресурсы на создание новой инфраструктуры, было принято, как кажется, соломово решение — интернационализировать уже имевшуюся сверхсовременную научно-исследовательскую инфраструктуру класса «мегасайенс». В теоретическом плане этот пример иллюстрирует амбивалентную природу концепта научной дипломатии, сочетающего в себе взаимопротиворечащие «гены» сотрудничества и соперничества. Последнее имеет четкую увязку с национальной парадигмой научной дипломатии, приматом национальных интересов над глобальными вызовами: как пишет П.-Б. Руффини, «государства могут проводить стратегии научной дипломатии, <...> направленные исключительно на получение преимущества над другими» [Ruffini, 2020: 5].

В эту концептуальную модель укладывалась и логика советской научной дипломатии: «Тогда как Европейская лаборатория только строится и ее ускорители могут быть пущены лишь через несколько лет, Восточный институт, если он будет размещен на базе действующего Института ядерных проблем, сможет немедленно предоставить ученым наших стран хорошие условия для продуктивной работы»⁵⁸, — констатировалось в секретной памятной записке об организации института. Действительно, если в ЦЕРН в 1954 г. начались лишь первые земляные работы (в буквальном смысле в чистом поле — это запечатлено на архивных фотографиях⁵⁹), то инфраструктура мирового класса для будущего ОИЯИ была успешно запущена еще в 1949 г. Этот рывок и конкурентное преимущество позволили уже через год после основания института ввести в эксплуатацию

⁵⁷ Там же. С. 366–367.

⁵⁸ Там же. С. 368.

⁵⁹ Breaking ground // CERN. Available at: <https://timeline.web.cern.ch/breaking-ground> (accessed: 30.11.2025).

и легендарный синхрофазотрон. Как написали сотрудники ОИЯИ к очередному его юбилею, «успешный запуск синхрофазотрона позволил ученым стран — участниц ОИЯИ активно включиться в исследования по поиску новых элементарных частиц <...> в области энергий, которая до этого была недоступна ни одной лаборатории мира»⁶⁰. Системообразующий «вещественный вклад» (*in-kind contribution*) СССР в ОИЯИ надолго остался в памяти европейских физиков (к примеру, в «Бюллетене Европейского физического общества» в публикациях 1960⁶¹ и 1975⁶² гг. писали, что ключевыми элементами создававшегося учреждения были те самые два института⁶³, которые возникли благодаря СССР).

Следование логике создания конкурентного преимущества для будущего института автоматически означало и локализацию создаваемой лаборатории на территории СССР, что одновременно упреждало риски ограничения доступа к инфраструктуре третьими сторонами в случае геополитических вызовов (что оказалось удивительно прозорливым, если принять во внимание первоначально рассматривавшиеся альтернативы расположения будущего ОИЯИ). Кроме того, такой подход позволял сэкономить значительные финансовые ресурсы государств-участников. Документы ЦК КПСС⁶⁴ свидетельствуют о том, что финансовый аспект при проработке решения о создании ОИЯИ играл немаловажную роль. В частности, отмечалось, что участие в ЦЕРН стоило бы немалых финансовых вложений, которые к тому же могли бы быть потрачены зря в случае блокировки доступа СССР к научно-исследовательским установкам лаборатории.

Вместе с тем специфика интернационализации секретного объекта исследовательской инфраструктуры наложила особый отпечаток на траекторию развития ОИЯИ как международной организации. Примечательна та динамика, о которой пишут исследователи истории Дубны: на территории СССР появилось поселение нового типа — международное, что обуславливало особые реалии градостроения

⁶⁰ Объединенному институту ядерных исследований — 55 лет... С. 9.

⁶¹ Europhysics news // Bulletin of the European Physical Society. January 1960. No. 1. P. 7.

⁶² Europhysics news // Bulletin of the European Physical Society. July 1975. No. 7. P. 1.

⁶³ Институт ядерных проблем АН СССР и Электрофизическая лаборатория АН СССР.

⁶⁴ Академия наук в решениях Политбюро... С. 338.

и уровня жизни в будущем наукограде. Там формировался высокий уровень социально-культурного потенциала. Первые иностранные исследователи из стран-участниц (16 человек) появились в Дубне в 1956 г. и были размещены в отдельных домах, однако затем, как отмечает Н.Н. Прислонов, «по их же просьбе, они стали жить со всеми советскими гражданами» [Прислонов, 2022: 69].

Примечательно и то, как расширилось толкование советской научной дипломатии в процессе вызревания концепции будущего ОИЯИ. Опубликованные архивные документы⁶⁵ позволяют наблюдать этот процесс с точки зрения понимания «семантики» научной дипломатии СССР — один лишь взгляд на вариативность процесса выработки названия производит яркое впечатление.

В строго секретном Постановлении Президиума ЦК КПСС № 95 от 16 ноября 1955 г. артикулировалось создание «странами народной демократии *Восточной лаборатории ядерных исследований*»⁶⁶. Вплоть до подписания Соглашения об организации ОИЯИ 26 марта 1956 г. название будущей организации претерпевало изменения: Восточный *институт* ядерных исследований (строго секретное Постановление Президиума ЦК КПСС от 14 января 1956 г.), Восточный *центр* ядерных исследований (там же, Приложение № 1⁶⁷), *Международный центр* ядерных исследований (секретная записка В.М. Молотова в ЦК КПСС от 24 марта 1956 г.⁶⁸). И лишь непосредственно в день подписания основополагающего документа было принято решение: «Товарищи Хрущев Н.С. и Молотов В.М. предлагают назвать Институт ядерных исследований — *Объединенный институт* ядерных исследований» (секретное Приложение № 3 к Постановлению Президиума ЦК КПСС от 26 марта 1956 г.⁶⁹).

Упомянутые рассекреченные материалы содержат и официальную мотивировку эволюции названия от «Восточного» к «Международному»: это «устраняет противопоставление Востока Западу и открывает более легкий доступ в этот центр другим государствам независимо от того, находятся ли они на Западе или на Востоке» (Приложения № 1 и 2 (секретно) к Постановлению от 26 марта 1956 г.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 336.

⁶⁷ Там же. С. 367.

⁶⁸ Там же. С. 426.

⁶⁹ Там же. С. 427.

№ 126⁷⁰). В приложении к научной дипломатии СССР этот пример демонстрирует ее стратегическую ориентацию на наведение мостов между политическими блоками, устранение изоляционистских шагов, выстраивание канала коммуникации и диалога с возможным выходом на конструктивное взаимодействие и по другим дипломатическим трекам.

Рассматривая процесс становления ОИЯИ в научно-дипломатическом ракурсе трансграничных интересов, нельзя не отметить и интеграционную составляющую этого феномена: наука служила целям интеграционной дипломатии СССР — формированию единого научно-технологического пространства стран народной демократии. О такой роли ОИЯИ свидетельствуют сохранившиеся документы первых лет работы института, где был прописан его координирующий научно-методический функционал для научных организаций стран-членов. Благодаря этому «исключается излишний параллелизм и более рационально расходуются средства» [Бирюков и др., 1960: 50]. К примеру, в публикации 1958 г. сообщалось, что теоретические и экспериментальные работы ученых Института ядерной физики Чехословакии «увязываются с тематикой ОИЯИ» [Лебеденко, 1958: 105].

При этом глобальное и общечеловеческое целеполагание артикулировалось даже на юридическом уровне в тексте Соглашения об организации института. В документе в качестве исходного положения отмечались значимость использования атомной энергии в мирных целях *на благо всего человечества* и «необходимость сотрудничества ученых различных стран <...> с целью расширения возможностей использования атомной энергии в мирных целях»⁷¹.

Стратегические цели

Принятое в качестве базового для исследования определение научной дипломатии акцентирует нацеленность соответствующей деятельности на реализацию национальных интересов. В этом разрезе представляется продуктивным рассмотреть процесс становления ОИЯИ как инструмента научной дипломатии СССР также и в разрезе стратегических целей государства. Для этого использован широко

⁷⁰ Там же. С. 426.

⁷¹ Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований...

утвердившийся в научной литературе и даже вошедший как в отечественные [см., например: Краснова, 2021], так и в зарубежные⁷² учебно-методические материалы подход Т. Флинк и У. Шрайтерера [Flink, Schreiterer, 2010], которые выделили три цели научной дипломатии: «доступ» (улучшение национального научного потенциала, привлечение талантов и инвестиций из-за рубежа, ослабление напряженности между государствами, участие в дорогостоящих проектах «большой науки»); «продвижение» (продвижение за рубежом достижений своей страны в области исследований и разработок и повышение интереса к науке и технологиям своей страны, привлечение кадров, укрепление основ для международного партнерства); «влияние» (воздействие на общественное мнение других стран, объединение науки и дипломатии, «мягкая сила»).

Рассмотренные материалы позволяют концептуализировать процесс создания ОИЯИ и с точки зрения этой триединой стратегической цели научной дипломатии:

- «доступ»: с помощью института укреплялся научный потенциал СССР за счет привлечения ведущих научных кадров из социалистических стран и дополнительных финансовых ресурсов в виде взносов участников⁷³, усиливалось научно-техническое единство государств народной демократии;
- «продвижение»: СССР позиционировал себя как великую научную державу и демонстрировал осязаемым вкладом *in-kind* колоссальные достижения страны, позволившие не только обеспечить конкурентное преимущество ОИЯИ, но и значительно усилить научный и кадровый потенциал всех членов института.

⁷² См., например: S4D4C European science diplomacy online course // S4D4C. Available at: <https://www.s4d4c.eu/courses/s4d4c-european-science-diplomacy-online-course/> (accessed: 30.11.2025).

⁷³ В соответствии с Соглашением об организации ОИЯИ 26 марта 1956 г. установлена «шкала взносов» стран-членов для формирования ежегодного бюджета организации: Народная Республика Албания — 0,05%, Народная Республика Болгария — 3,6, Венгерская Народная Республика — 4, Германская Демократическая Республика — 6,75, Китайская Народная Республика — 20, Корейская Народно-Демократическая Республика — 0,05, Монгольская Народная Республика — 0,05, Польская Народная Республика — 6,75, Румынская Народная Республика — 5,75, Союз Советских Социалистических Республик — 47,25, Чехословацкая Республика — 5,75%. См.: Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований...

СССР фактически стал лидером профильной научно-технической повестки в мире и научным центром формировавшегося единого научно-технического пространства стран социалистической ориентации;

- «влияние»: создание ОИЯИ стало «витриной» научной мощи социализма, интеграционного магнетизма советской науки. Институт был заметным голосом стран научной демократии на международных площадках, его создание продемонстрировало реализуемость мер в области научной дипломатии и «мягкой силы» в отношении не только стран — членов ОИЯИ, но и представителей научных сообществ со всего мира. Институт в Дубне с учетом ротации (молодых) исследовательских кадров стал инструментом формирования интеллектуальных элит в государствах-участниках, что вполне соответствует классическому пониманию «мягкой силы» как одной из граней концепта научной дипломатии (эта тема из-за своей обширности и значимости достойна отдельного исследования).

Одним из эго-свидетельств интегративного единства реализации стратегических целей советской научной дипломатии можно считать опубликованное в первом выпуске «Атомной энергии» за 1957 г. наряду с сообщением о первой сессии Ученого совета ОИЯИ⁷⁴ инициативное письмо члена-корреспондента Академии наук Румынии А. Саниелевича «Помощь ученым-атомщикам из стран народной демократии» [Саниелевич, 1957]. «Для нас, румын, ясно, что, будучи ограничены в материальных и людских ресурсах, без помощи Советского Союза мы смогли бы лишь с большими трудностями и невероятно медленно ликвидировать наше отставание в области атомной науки», — писал автор, заключая предложение словами о том, что это отставание — результат «ига собственной и иностранной буржуазии» [Саниелевич, 1957: 82]. Закономерным был и вывод автора: «...румынские физики гордятся тем, что они могут работать в этом институте».

Основной научно-политический посыл приведенного письма состоял в том, что участие в международной организации было

⁷⁴ Устав Объединенного института ядерных исследований // Атомная энергия. 1957. Т. 2. № 1. С. 76–80. Доступ: https://elib.biblioatom.ru/text/atomnaya-energiya_t2-1_1957/p76/ (дата обращения: 30.11.2025).

обусловлено в первую очередь насущными потребностями ученых, науки, а самое главное — народного хозяйства государств — членов ОИЯИ; немаловажен и политико-идеологический фактор братства с СССР. Характерно, однако, что в глазах румынского академика ОИЯИ органично выступал советским институтом, в котором было «дозволено» работать и его согражданам-физикам. Этот нарратив вплетен автором в канву письма — благодарности за советскую помощь Румынии в атомной сфере: далее А. Саниелевич писал как раз о двустороннем треке взаимодействия — о помощи СССР в рамках профильных соглашений с дружественными странами. Примечательно, что и в документах ЦК КПСС создание ОИЯИ рассматривалось в увязке с ранее обозначенной готовностью (в том числе в рамках подписанных двусторонних соглашений о реализации решения «Об оказании помощи зарубежным странам в создании научно-исследовательских центров ядерной физики» от 18 января 1955 г.) содействовать научно-техническому прогрессу в области мирного атома: «...научно-техническая помощь, которую СССР принял на себя оказывать странам народной демократии, будет содействовать развитию такой лаборатории»⁷⁵.

В логике концепта научной дипломатии выстроена концовка письма: «...дружеские связи между нашими странами множатся, как прямое следствие последовательной и принципиальной политики международной солидарности, проводимой советским правительством. Оказанная нам помощь в деле многостороннего развития ядерных исследований <...> является неотъемлемой частью этой же политики» [Саниелевич, 1957: 85]. Это и другие схожие эго-свидетельства отражают и направленность создания ОИЯИ на трансляцию положительного имиджа страны местоположения института — СССР.

* * *

Модель создания ОИЯИ стала нестандартным, асимметричным, альтернативным ответом классическому подходу к формированию международной научной организации, реализованному в ЦЕРН (когда новая структура создавалась группой государств одного «якорного» региона «с чистого листа»). Лекала конструирования

⁷⁵ Академия наук в решениях Политбюро... С. 338.

ЦЕРН стали эталонными для множества новых международных организаций не только для западного мира. Однако и советская «дубнинская модель научной дипломатии» показала по итогу почти 70-летней истории института свою устойчивость и эффективность.

Феномен ОИЯИ (здесь уместно использовать и понятие «*Dubna effect*», пусть и введенное в ином содержательном контексте (как стойкость и приверженность науке в 1990-е годы) [Clery, 1994]) с точки зрения концепции «научной дипломатии» состоит в том, что он представляет собой особую оригинальную модель создания международной организации путем радикальной интернационализации прежде секретных объектов класса «мегасайенс» и фактического формирования международной научной программы и команды на базе уже существующей национальной крупной исследовательской инфраструктуры.

Эта советская, «дубнинская модель» сопряжена с рядом особенностей, обусловленных изначально секретным характером строительства и эксплуатации исследовательской инфраструктуры: специфика локализации (значительная удаленность от крупных агломераций), герметичность социальной среды, встроенность научной программы в национальную научно-техническую и научно-организационную повестку, наличие базового научного, инженерного и вспомогательного персонала, узус постоянной, а не ротационной занятости (профиль института не как центра коллективного пользования, а как самостоятельной фабрики по производству собственных научных результатов, проведению собственных (долгосрочных) исследований). Закономерна и ведущая роль страны местопребывания международной организации как комплексного гаранта функционирования института.

Отметим, однако, что ЦЕРН так и не стал полноценным исследовательским *ядерным* центром, всецело концентрируя научную повестку на физике высоких энергий, тогда как ОИЯИ охватывал и охватывает широкий спектр направлений ядерной науки. «Дубнинская модель» с гарантийной ролью страны местоположения позволяла снять целый ряд фрустраций (к примеру, связанных с доступом к ядерным технологиям), обеспечив ученым максимальную широту научной повестки.

Отталкиваясь от тезиса А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани о существовании отношений между наукой и властью в период 1950–1960-х годов, состоявшем в поиске властью новых методов модернизации науки [см.

подробнее: Фурсенко, Афиани, 2010], проект ОИЯИ можно рассматривать и в качестве одной из граней совершенствования советской научно-исследовательской системы, повышения ее эффективности и продвижения положительного имиджа с использованием инструментов научной дипломатии.

Вместе с тем корпус рассекреченных документов Политбюро ЦК КПСС, касающихся дискуссии о создании ОИЯИ, подтверждает общий тезис А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани о том, что «практически все международные контакты Академии наук продолжали находиться под контролем ЦК КПСС» [Фурсенко, Афиани, 2010: 20]. Это, следуя логике В. Турекиана⁷⁶ о разграничении мотиваций научной дипломатии и МНТС, подтверждает, что кейс создания ОИЯИ лежал преимущественно в плоскости прагматики советской научной дипломатии.

В целом реализация проекта создания первой международной межправительственной научно-исследовательской организации социалистических стран стала принципиально важным прецедентом успешного «натурного» испытания целого пула инструментов советской научной дипломатии. Как писали современники в первые годы работы института, «самый факт существования ОИЯИ имеет большое значение. Он показывает путь для развития сотрудничества между народами» [Бирюков и др., 1960: 59]. При этом для советской научной дипломатии кейс ОИЯИ означал слом сформировавшихся шаблонов бытовавшей воссоединительной парадигмы выстраивания системы международных научно-технических отношений и стал своего рода выходом в «зону опережающего развития»: страна впервые суверенно консолидировала под своим началом и на своей территории новую международную площадку, а не пыталась интегрироваться в уже существовавшие организации. Этот опыт реализации такого рода масштабных задач был использован и в дальнейшем при инициировании создания других профильных международных организаций с ведущей ролью СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков В.А. XIX сессия Ученого совета Объединенного института ядерных исследований // Атомная энергия. 1966. Т. 20. № 6. С. 523–525.
2. Бирюков В.А., Лебеденко М.М., Рыжов А.М. Объединенный институт ядерных исследований. М.: Атомиздат, 1960.

⁷⁶Turekian V.C. Op. cit.

3. Горлова Е.Н., Ткаченко Р.В. Понятие проектов класса «мегасайенс» на примере установок ИТЭР и ФАИР // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 205–213. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.205-213.
4. Громыко Ал.А. Дипломатия позитивного действия // «Война между государствами — великое зло». К 110-летию А.А. Громыко / Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 84–102.
5. Емельянов В.С. С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979.
6. История создания синхроциклотрона ОИЯИ (в документах и воспоминаниях) / Под общ. ред. Н.А. Русаковича. Дубна: ОИЯИ, 2014.
7. Кадышевский В.Г. 40 лет Объединенному институту ядерных исследований // Успехи физических наук. 1996. Т. 166. № 9. С. 921–926. DOI: 10.3367/UFNr.0166.199609a.0921.
8. Коломенский А.А. В.И. Векслер и ускорители // Воспоминания о В.И. Векслере: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Марков, А.Н. Горбунов. М.: Наука, 1987. С. 126–134.
9. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: Учеб.-метод. материалы № 9/2021. М.: НП РСМД, 2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-УММ9.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).
10. Крынжина М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12.
11. Лебеденко М. Юбилей Чешской высшей технической школы // Атомная энергия. 1958. Т. 4. № 1. С. 105–106.
12. Лешковцев В.А. Сессия Академии наук СССР по мирному использованию атомной энергии // Успехи физических наук. 1955. Т. 57. № 3. С. 503–517. DOI: 10.3367/UFNr.0057.195511e.0503.
13. На второй Международной конференции по мирному использованию атомной энергии // Атомная энергия. 1958. Т. 5. № 5. С. 583–589.
14. Наука большой страны: советский опыт управления / Под ред. Е.А. Долговой. М.: РГГУ, 2023.
15. Несмеянов А.Н. Вступительная речь на Сессии Академии наук СССР, посвященной мирному использованию атомной энергии // Сессия АН СССР по мирному использованию атомной энергии, 1–5 июля 1955 г.: Пленарное заседание. М.: АН СССР, 1955. С. 3–8.
16. Петрухина П.С., Пронских В.С. Протомегасайенс как гетерогенная сеть переводов интересов: исследования дифракции протонов // История и философия науки в эпоху перемен: Сборник научных статей: В 6 т. Т. 2 / Науч. ред. и сост. И.Т. Касавин и др. М.: Русское общество истории и философии наук, 2018. С. 14–16.
17. Прислонов Н.Н. Дубна: годы свершений. Очерки новейшей истории наукограда. Дубна: ОИЯИ, 2022.

18. Саниелевич А. Помощь ученым-атомщикам из стран народной демократии. Письмо члена-корреспондента Академии наук Румынской Народной Республики проф. А. Саниелевича // Атомная энергия. 1957. Т. 2. № 1. С. 82–85.

19. Сисакян А.Н. Мировая слава Дубны // Наука в России. 2006. № 2. С. 71–79.

20. Старченко Б.М., Бедняков В.А., Шиманская Ю.Г. Объединенный институт ядерных исследований — рождение научной Дубны // История науки и техники. 2011. № 1. С. 2–19.

21. Сулейманов И.Т. Актуализация стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в середине 20-х гг. XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 315–322. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-315-322.

22. Сулейманов И.Т. «Постаффирмативная» эпоха научной дипломатии в ЕС: на пути кооптации в дипломатию принуждения? // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 338–342. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-338-342.

23. Фурсенко А.А., Афиани В.Ю. Академия наук СССР и ЦК КПСС в 1950-е гг.: поиск путей модернизации // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991. Т. 2: 1952–1958 / Отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 8–22.

24. Clery D. The Dubna effect // Science. 1994. Vol. 264. P. 1269. DOI: 10.1126/science.264.5163.1269.

25. Da Silva Neto C.P., Kojevnikov A. Socialist internationalism and science diplomacy across the Iron Curtain // Globalizing physics: One hundred years of the International Union of Pure and Applied Physics / Ed. by R. Lalli, J. Navarro. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 175–191.

26. Flink T., Schreiterer U. Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: Toward a typology of national approaches // Science and Public Policy. 2010. Vol. 37. No. 9. P. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530.

27. Höne K.E., Kurbalija J. Accelerating basic science in an intergovernmental framework: Learning from CERN's science diplomacy // Global Policy. 2018. Vol. 9. No. S3. P. 67–72. DOI: 10.1111/1758-5899.12589.

28. Ichikawa H. Obninsk, 1955: The world's first nuclear power plant and 'the atomic diplomacy' by Soviet scientists // Historia Scientiarum. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 25–41. DOI: 10.34336/historiascientiarum.26.1_25.

29. Josephson P.R. Atomic-powered Communism: Nuclear culture in the post-war USSR // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 297–324. DOI: 10.2307/2501914.

30. Khandozhko R. Quantum tunneling through the Iron Curtain: The Soviet nuclear city of Dubna as a Cold War crossing point // Cahiers du Monde Russe. 2019. Vol. 60. No. 2–3. P. 369–396. DOI: 10.4000/monderusse.11222.

31. Lalli R. Crafting Europe from CERN to Dubna: Physics as diplomacy in the foundation of the European Physical Society // *Centaurus*. 2021. Vol. 63. No. 1. P. 103–131. DOI: 10.1111/1600-0498.12304.

32. Liu J., Wang F., Zhemchugov A. Chinese scientists in Dubna (1956–1965) // *Chinese Annals of History of Science and Technology*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 31–88. DOI: 10.3724/SP.J.1461.2021.02031.

33. Lock W.O. A history of the collaboration between the European Organization for Nuclear Research (CERN) and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR), and with Soviet Research Institutes in the USSR, 1955–1970. Geneva: European Organization for Nuclear Research, 1975. Available at: <https://inis.iaea.org/records/dy3gq-brq97/files/6215888.pdf?download=1> (accessed: 30.11.2025).

34. Olšáková D. A review of science diplomacy: Theoretical evolution to a post-naïve approach and its relevance for the Czech Republic // *Czech Journal of International Relations*. 2024. Vol. 59. No. 3. P. 7–30. DOI: 10.32422/cjir.430.

35. Ruffini P.-B. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: A critical review // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2020. Vol. 7. No. 124. P. 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-5.

36. Ruffini P.-B. Science and diplomacy: A new dimension of international relations. Cham: Springer, 2017.

REFERENCES

1. Biryukov V.A. 1966. XIX sessiya Uchenogo soveta Ob"edinennogo instituta yadernykh issledovaniy [9th session of the Scientific Board of the Joint Institute for Nuclear Research]. *Atomic Energy*, vol. 20, no. 6, pp. 523–525. (In Russ.)

2. Biryukov V.A., Lebedenko M.M., Ryzhov A.M. 1960. *Ob"edinennyyi institut yadernykh issledovaniy* [Joint Institute for Nuclear Research]. Moscow, Atomizdat Publ. (In Russ.)

3. Gorlova E.N., Tkachenko R.V. 2019. Ponyatie proektov klassa ‘megascience’ na primere ustanovok ITER i FAIR [The concept of ‘megascience’ class projects: The case of ITER and FAIR installations]. *Actual Problems of Russian Law*, no. 5 (102), pp. 205–213. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.205-213. (In Russ.)

4. Gromyko A.I. 2019. Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive action diplomacy]. In: Gromyko A.I. (ed.). *Voina mezhdru gosudarstvami — velikoe zlo. K 110-letiyu A.A. Gromyko*. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., pp. 84–102. (In Russ.)

5. Emel'yanov V.S. 1979. *S chego nachinalos'* [Where it all began]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)

6. Rusakov N.A. (ed.). 2014. *Istoriya sozdaniya sinkhrotrona OIYaI (v dokumentakh i vospominaniyakh)* [JINR's synchrocyclotron creation history (in documents and memoirs)]. Dubna, OIYaI Publ. (In Russ.)

7. Kadyshhevskii V.G. 1996. 40 let Ob"edinennomu institutu yadernykh issledovaniy [Forty years of the Joint Institute for Nuclear Research]. *Uspekhi fizicheskikh*

nauk, vol. 166, no. 9, pp. 921–926. DOI: 10.3367/UFNr.0166.199609a.0921. (In Russ.)

8. Kolomenskii A.A. 1987. V.I. Veksler i uskoriteli [Veksler and particle accelerators]. In: Markov M.A., Gorbunov A.N. (eds.). *Vospominaniya o V.I. Veksler: sbornik statei* [Memories of V.I. Veksler: Collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 126–134. (In Russ.)

9. Krasnova G.A. 2021. *Nauchnaya diplomatiya v sovremennom mire: Ucheb.-metod. materialy № 9/2021* [Science diplomacy in the modern world: Training aids no. 9/2021]. Moscow, NP RSMD Publ. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf> (accessed: 30.11.2025). (In Russ.)

10. Krynzhina M.D. 2018. Nauchnaya diplomatiya v interpretatsiyakh rossiiskikh spetsialistov [Interpretations of science diplomacy in Russian academic community]. *International Trends*, vol. 16, no. 4 (55), pp. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12. (In Russ.)

11. Lebedenko M. 1958. Yubilei Cheshskoi vysshei tekhnicheskoi shkoly [Anniversary of the Czech higher technical school]. *Atomic Energy*, vol. 4, no. 1, pp. 105–106. (In Russ.)

12. Leshkovtsev V.A. 1955. Sessiya Akademii nauk SSSR po mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii [Session of the Academy of Sciences of the Soviet Union on the peaceful use of atomic energy]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*, vol. 57, no. 3, pp. 503–517. DOI: 10.3367/UFNr.0057.195511e.0503. (In Russ.)

13. Na vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii po mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii [At the Second International Conference on the Peaceful Use of Atomic Energy]. 1958. *Atomic Energy*, vol. 5, no. 5, pp. 583–589. (In Russ.)

14. Dolgovaya E.A. (ed.). 2023. *Nauka bol'shoi strany: sovetskii opyt upravleniya* [Science of a big country: The Soviet governance experience]. Moscow, RGGU Publ. (In Russ.)

15. Nesmeyanov A.N. 1955. Vstupitel'naya rech' na Sessii Akademii nauk SSSR, posvyashchennoi mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii [Introductory remarks at the Session of the Academy of Sciences of the USSR on the Peaceful Use of Atomic Energy]. In: *Sessiya AN SSSR po mirnomu ispol'zovaniyu atomnoi ehnergii, 1–5 iyulya 1955 goda: Plenarnoe zasedanie* [Session of the Academy of Sciences of the Soviet Union on the Peaceful Use of Atomic Energy, July 1–5, 1955: Plenary session]. Moscow, AN SSSR Publ., pp. 3–8. (In Russ.)

16. Petrukhina P.S., Pronskikh V.S. 2018. 'Protomegasaiens' kak geterogenaya set' perevodov interesov: issledovaniya difraktsii protonov [Proto-megascience as a heterogeneous network of interests transfers: Proton diffraction studies]. In: Kasavin I.T. et al. (eds.). *Istoriya i filosofiya nauki v ehpokhu peremen. Sbornik nauchnykh statei: V 6 t.: T. 2* [The history and philosophy of science in the era of change. Collection of scientific articles. In 6 vols. Vol. 2]. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk Publ., pp. 14–16. (In Russ.)

17. Prislonov N.N. 2022. *Dubna: gody svershenii. Ocherki noveishei istorii naukograda* [Dubna: Years of endeavour. Essays on the contemporary history of science city]. Dubna, OIYaI Publ. (In Russ.)

18. Sanielevich A. 1957. Pomoshch' uchenym-atomshchikam iz stran narodnoi demokratii. Pis'mo chlena-korrespondenta Akademii nauk Rumynskoi Narodnoi Respubliki prof. A. Sanielevicha [Assistance to atomic scientists from the countries of people's democracy. Letter from Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Romanian People's Republic prof. A. Sanielevich]. *Atomic Energy*, vol. 2, no. 1, pp. 82–84. (In Russ.)

19. Sisakyan A.N. 2006. Mirovaya slava Dubny [Dubna's worldwide fame]. *Nauka v Rossii*, no. 2, pp. 71–79. (In Russ.)

20. Starchenko B.M., Bednyakov V.A., Shimanskaya Yu.G. 2011. Ob"edinennyi institut yadernykh issledovaniy — rozhdenie nauchnoi Dubny [Joint Institute for Nuclear Research — birth of a city of science Dubna]. *History of Science and Engineering*, no. 1, pp. 2–19. (In Russ.)

21. Suleymanov I.T. 2025a. Aktualizatsiya strategicheskikh instrumentov nauchnoi diplomatii v Rossiiskoi Federatsii v seredine 20-kh gg. XXI veka [Updating the strategic instruments of science diplomacy in the Russian Federation in the mid-20s of the 21st century]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 315–322. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-315-322. (In Russ.)

22. Suleymanov I.T. 2025b. 'Postaffirmativnaya' ehpokha nauchnoi diplomatii v ES: na puti kooptatsii v diplomatiyu prinuzhdeniya? [The post-affirmative era of science diplomacy in the EU: Towards cooptation into coercive diplomacy?]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 338–342. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-338-342. (In Russ.)

23. Fursenko A.A., Afiani V.Yu. 2010. Akademiya nauk SSSR i TSK KPSS v 1950-e gg.: poisk putei modernizatsii [The Academy of Sciences of the USSR and the Central Committee of the CPSU in the 1950s: A search for paths of modernization]. In: Afiani V.Yu., Esakov V.D. (eds.). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b)-VKP(b)-KPSS, 1922–1991. T. 2: 1952–1958* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)-All-Union Communist Party (Bolsheviks)-Communist Party of the Soviet Union, 1922–1991. Vol. 2: 1952–1958]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 8–22. (In Russ.)

24. Clery D. 1994. The Dubna effect. *Science*, vol. 264, no. 5163, pp. 1269. DOI: 10.1126/science.264.5163.1269.

25. Da Silva Neto C.P., Kojevnikov A. 2024. Socialist internationalism and science diplomacy across the Iron Curtain. In: Lalli R., Navarro J. *Globalizing physics: One hundred years of the International Union of Pure and Applied Physics*. Oxford, Oxford University Press, pp. 175–191.

26. Flink T., Schreiterer U. 2010. Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: Toward a typology of national approaches.

Science and Public Policy, vol. 37, no. 9, pp. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530.

27. Höne K.E., Kurbalija J. 2018. Accelerating basic science in an intergovernmental framework: Learning from CERN's science diplomacy. *Global Policy*, vol. 9, no. S3, pp. 67–72. DOI: 10.1111/1758-5899.12589.

28. Ichikawa H. 2016. Obninsk, 1955: The world's first nuclear power plant and 'the atomic diplomacy' by Soviet scientists. *Historia Scientiarum*, vol. 26, no. 1, pp. 25–41. DOI: 10.34336/historiascientiarum.26.1_25.

29. Josephson P.R. 1996. Atomic-powered Communism: Nuclear culture in the postwar USSR. *Slavic Review*, vol. 55, no. 2, pp. 297–324. DOI: 10.2307/2501914.

30. Khandozhko R. 2019. Quantum tunneling through the Iron Curtain: The Soviet nuclear city of Dubna as a Cold War crossing point. *Cahiers du Monde Russe*, vol. 60, no. 2–3, pp. 369–396. DOI: 10.4000/monderusse.11222.

31. Lalli R. 2021. Crafting Europe from CERN to Dubna: Physics as diplomacy in the foundation of the European Physical Society. *Centaurus*, vol. 63, no. 1, pp. 103–131. DOI: 10.1111/1600-0498.12304.

32. Liu J., Wang F., Zhemchugov A. 2021. Chinese scientists in Dubna (1956–1965). *Chinese Annals of History of Science and Technology*, vol. 5, no. 2, pp. 31–88. DOI: 10.3724/SP.J.1461.2021.02031.

33. Lock W.O. 1975. *A history of the collaboration between the European Organization for Nuclear Research (CERN) and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR), and with Soviet Research Institutes in the USSR, 1955–1970*. Geneva, European Organization for Nuclear Research. Available at: <https://inis.iaea.org/records/dy3gq-brq97/files/6215888.pdf?download=1> (accessed: 30.11.2025).

34. Olšáková D. 2024. A review of science diplomacy: Theoretical evolution to a post-naïve approach and its relevance for the Czech Republic. *Czech Journal of International Relations*, vol. 59, no. 3, pp. 7–30. DOI: 10.32422/cjir.430.

35. Ruffini P.-B. 2020. Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: A critical review. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 7, no. 124, pp. 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-5.

36. Ruffini P.-B. 2017. *Science and diplomacy: A new dimension of international relations*. Cham, Springer.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025;
одобрена после рецензирования 06.10.2025;
принята к публикации 30.12.2025

The paper was submitted 17.07.2025;
approved after reviewing 06.10.2025;
accepted for publication 30.12.2025

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-89-129

Научная статья / Research paper

Р.А. Алиев*

ПОЛИТИКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ОПЫТ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76*

Наблюдаемое в последние десятилетия укрепление международных позиций стран Глобального Юга выражается, в частности, в том, что они всё чаще открыто ставят под вопрос справедливость существующего мирового порядка. Не стала исключением и проблематика энергетического перехода, в рамках которой всё большее внимание уделяется структурным дисбалансам существующей энергетической системы. В этом контексте в политическом и академическом дискурсах широкое распространение получила концепция «энергетической справедливости», указывающая на необходимость формирования такой глобальной энергетической системы, которая справедливо бы распределяла выгоды и издержки между акторами и обеспечивала бы представительное и беспристрастное участие всех стран в принятии ключевых решений. В данной статье предпринята попытка оценить эпистемологический потенциал указанной концепции при изучении вопросов межгосударственного энергетического сотрудничества в конкретном регионе. В качестве кейса был выбран Прикаспийский регион, который, с одной стороны, является важным элементом современной энергетической архитектуры, а с другой стороны, характеризуется

* Алиев Руслан Аллахверди оглы — кандидат экономических наук, руководитель Комиссии по устойчивому развитию и экологии Российской ассоциации развития Организации Объединенных Наций, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса, докторант МГИМО МИД России (e-mail: torgpredaz@gmail.com).

сложным переплетением интересов региональных и внерегиональных игроков, усугубляющим и без того острые противоречия между императивами энергоперехода и соображениями социально-экономической стабильности и экологической безопасности. В первом разделе статьи подробно рассмотрен процесс становления концепции «энергетической справедливости», выявлены ее ключевые измерения (распределительное, процедурное и справедливость признания) и особенности ее использования при изучении вопросов производства и потребления энергии. Во втором разделе данная концепция применена для анализа энергетической политики прикаспийских государств и механизмов их взаимодействия в контексте глобального энергоперехода. Автор подчеркивает, что хотя апелляция к идее энергетической справедливости и акцентирует общность интересов и взаимозависимость прикаспийских государств, в то же время она может выступать средством легитимации и продвижения коммерческих и геополитических интересов западных финансовых институтов и правительств. В этом смысле обращение к языку «энергетической справедливости» и «справедливого энергоперехода» оказывается не только нормативной рамкой, но и инструментом межгосударственного политического соперничества. В целом применение аналитической линзы энергетической справедливости позволяет подсветить новые важные элементы и аспекты энергетического сотрудничества прикаспийских стран и в то же время показывает, что энергетическая справедливость — это не абстрактный идеал, а необходимое условие устойчивого развития. Дальнейшее распространение и углубление принципов энергетической справедливости во всём мире позволит сделать глобальный энергопереход более инклюзивным, а энергетику — более гуманной и ответственной сферой человеческой деятельности.

Ключевые слова: энергетическая справедливость, энергетический переход, энергетическая политика, Прикаспийский регион, энергетическая безопасность, экологическая справедливость, устойчивое развитие

Для цитирования: Алиев Р.А. Политика энергетической справедливости: теория, практика и опыт Прикаспийского региона // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 89–129. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-89-129.

Ruslan A. Aliyev

**ENERGY JUSTICE POLICY:
THEORY, PRACTICE
AND EXPERIENCE OF THE CASPIAN REGION**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

In recent decades, the strengthening of the international positions of Global South countries manifested itself, particularly in their growing willingness to question the justice of the existing world order. The energy transition agenda is not immune to this trend, with growing attention being paid to the structural imbalances of the existing energy system. In this context, the concept of 'energy justice' has gained currency in both political and academic discourses. The concept highlights the need to develop a global energy system that fairly distributes benefits and costs among actors and ensures representative and impartial participation of all countries in key decision-making. This article assesses the epistemological potential of this concept for studying interstate energy cooperation in a specific region. The Caspian region was chosen as a case study due to its crucial role in the modern energy architecture and a particularly complex interplay of interests between regional and external actors, exacerbating already acute contradictions between the imperatives of the energy transition and considerations of social-economic stability and environmental security. The first section of the article examines the development of the 'energy justice' concept, identifies its key dimensions (i.e., distributive, procedural, and recognition justice), and outlines the specifics of its application in studying energy production and consumption issues. In the second section, the author applies this concept to examine the energy policies of the Caspian states and their interaction mechanisms within the context of the global energy transition. The author emphasizes that the energy justice concept, while highlighting the common interests and interdependence of the Caspian states, can serve as a cover for promoting the commercial and geopolitical interests of Western financial institutions and governments. In this regard, the discourses of 'energy justice' and 'just transition' act not only as a normative framework but also as a tool of interstate political rivalry. In general, the energy justice conceptual framework highlights new important elements and aspects of energy cooperation among Caspian countries and, at the same time, shows that energy justice is not an abstract ideal but a necessary condition for sustainable development. The further dissemination and deepening of energy justice principles worldwide would make the global energy transition more inclusive and the energy sector a more humane and responsible sphere of human activity.

Keywords: energy justice, energy transition, energy policy, Caspian region, energy security, environmental justice, sustainable development

About the author: *Ruslan A. Aliyev* — PhD (Economics), Head of the Commission on Sustainable Development and Ecology of the United Nations Association of Russia, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, 2nd Class; Postdoctoral Student, MGIMO University (e-mail: torgpredaz@gmail.com).

For citation: Aliyev R.A. 2025. Energy justice policy: Theory, practice and experience of the Caspian region. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 89–129. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-89-129. (In Russ.)

Энергетическая справедливость — это концепция, описывающая и объясняющая, каким образом вопросы справедливости связаны с функционированием энергетических систем. Сформировавшись на стыке теории социальной справедливости и экологической политики, данная концепция опирается на достижения многолетних исследований в области экологической справедливости [Sovacool, Dworkin, 2015: 436]. Начиная с 1970-х годов в этих исследованиях уделялось особое внимание проблемам неравномерного распределения экологических «зол» (например, отходов, загрязняющих производств) и борьбе малоимущих групп против диспропорционального экологического бремени [Bullard, 1999]. Развивая эту традицию, концепция «энергетической справедливости» фокусируется на том, как блага и издержки существующей энергетической системы распределяются между людьми и сообществами, кто и на каких основаниях участвует в принятии решений в энергетической сфере, а также чьи потребности и голоса признаются в этих процессах.

В широком смысле концепция «энергетической справедливости» предполагает формирование такой глобальной энергетической системы, которая справедливо распределяет выгоды и издержки энергетических услуг и обеспечивает представительное и беспристрастное участие всех стран в принятии ключевых решений [см. подробнее: Sovacool, Dworkin, 2015]. Переход к более справедливой энергетической политике требует не только учета проблем распределения (кто и что получает, где и почему), но и признания разнообразия потребностей уязвимых групп, а также создания более справедливых процедур их вовлечения в определение собственного энергетического будущего [Jenkins et al., 2016; McCauley, 2018]. Ины-

ми словами, энергетика рассматривается не столько в категориях ресурсов и технологий, сколько сквозь призму социальных отношений, прав и возможностей людей.

В рамках настоящего исследования обращение к концепции «энергетической справедливости» предполагает две возможные исследовательские задачи: (1) критически проверить ограничения и спорные аспекты этой концепции на материале конкретного регионального кейса; (2) использовать ее как аналитическую оптику для нового прочтения уже известных фактов и практик энергетической политики. В центре внимания автора находится вторая задача. Цель работы — показать, каким образом принципы распределительной, процедурной справедливости и справедливости признания могут быть продуктивно использованы для анализа межгосударственного энергетического сотрудничества в Прикаспийском регионе, и тем самым по-новому интерпретировать конфигурацию интересов, практик и конфликтов в политике «каспийской пятерки» в условиях глобального энергоперехода.

Обращение к кейсу Прикаспийского региона обусловлено сочетанием нескольких факторов. Во-первых, это один из ключевых ресурсных бассейнов Евразии с крупными запасами нефти и газа, сформировавшими специфический экспортно-сырьевой режим и развитую трубопроводную инфраструктуру. Во-вторых, регион является важным элементом глобальной энергетической архитектуры и одновременно пространством пересечения интересов России, других прикаспийских государств и внешних акторов. В-третьих, именно здесь особенно наглядно проявляются противоречия между задачами устойчивого развития, требованиями декарбонизации, сохранения социально-экономической стабильности и экологическими ограничениями Каспийского моря. Это делает прикаспийский кейс удобным полигоном для применения концепции «энергетической справедливости» к уровню регионального межгосударственного взаимодействия.

В российской науке указанная концепция пока используется эпизодически [см., например: Казначеев, 2022; Краснопёрова, 2023] и, как правило, в рамках дискуссий о климатической политике, Арктике и развитии возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [см., например: Попова, 2025]; систематический анализ энергетической политики Прикаспийского региона отсутствует. В англоязычной литературе, напротив, сложился обширный корпус работ, посвя-

щенных энергетической справедливости, в которых изучаются энергетическая бедность, тарифная политика, размещение инфраструктуры, справедливый энергопереход и глобальное распределение экологических и социально-экономических издержек [см., например: Sikor, Newell, 2014; Healy et al., 2019]. При этом автор разделяет общий критический диагноз этих исследований относительно неравномерного распределения выгод и издержек существующей энергетической системы, но в меньшей степени сосредоточивается на ревизии теоретических положений и в большей — на проверке их объяснительного потенциала применительно к специфическому региональному контексту, где сочетаются элементы Севера и Юга.

Англоязычные исследования показывают, что энергетическая справедливость давно вышла за рамки локальной проблематики домохозяйств и сообществ и применяется к анализу транснациональных энергетических цепочек, экспортно-сырьевых режимов и глобального распределения ответственности за выбросы парниковых газов. Прослеживается, как решения о добыче, экспорте и развитии инфраструктуры в странах Глобального Юга генерируют *embodied energy injustices* — воплощенные трансграничные несправедливости, затрагивающие удаленные сообщества и экосистемы [Watts, 2004; Yenneti et al., 2016; Healy et al., 2019]. В этом контексте принципы энергетической справедливости используются для анализа не только внутригосударственных, но и межгосударственных отношений — от климатических переговоров и реализации Целей устойчивого развития до практики энергетического колониализма в глобальных топливных и зеленых цепочках поставок. Это создает теоретическое основание для переноса логики локальных измерений энергетической справедливости на региональный и глобальный уровни, в том числе применительно к таким трансграничным бассейнам, как Каспийское море.

Литература по энергетической политике прикаспийских государств в основном акцентирует вопросы безопасности, геополитики трубопроводов, конкуренции экспортных маршрутов и правового режима Каспийского моря. В центре внимания находятся стратегии внешних акторов, борьба за контроль над ресурсами и инфраструктурой, а также риски для региональной стабильности. При этом проблемы распределения выгод и издержек между странами и социальными группами, участия в принятии решений и признания асимметрий развития освещаются в меньшей степени. Научная но-

визна предлагаемого исследования заключается, во-первых, в переносе фокуса энергетической справедливости с локального и национального уровней на уровень регионального межгосударственного сотрудничества в Прикаспийском регионе; во-вторых, в интеграции подходов энергетической справедливости в анализ энергетической политики «каспийской пятерки» и внешнеполитической повестки России; в-третьих, в дополнении преобладающих интерпретаций в сфере геополитики и безопасности прикаспийской энергетики «перспективой справедливости».

Методологически статья опирается на качественный подход и использует *case-study* анализ Прикаспийского региона как пример применения концепции «энергетической справедливости» к межгосударственному сотрудничеству. Следуя типологии стратегий отбора кейсов Дж. Герринга [Gerring, 2006], автор рассматривает Прикаспийский регион как типичный кейс (*typical case*): он воплощает в концентрированном виде черты более широкого класса ресурсозависимых региональных энергоузлов Глобального Юга и полупериферии, проходящих через энергопереход при сохранении высокой роли экспорта углеводородов и уязвимости к экологическим рискам. Это позволяет использовать полученные наблюдения не как тест «на пределе» возможностей концепции, а как иллюстрацию ее эвристического потенциала в условиях, близких к «нормальным» для многих экспортно ориентированных энергорегионов.

В качестве основной аналитической рамки выступают три ключевых измерения энергетической справедливости: распределительное, процедурное и справедливость признания, которые последовательно применяются к оценке энергетической политики прикаспийских государств и форматов их взаимодействия. Эмпирическая база исследования включает анализ англоязычной и российской академической литературы по энергетической справедливости и энергетической политике Прикаспийского региона, официальных стратегических и программных документов прикаспийских стран, соглашений и деклараций, принятых в формате «каспийской пятерки», а также публичных выступлений и заявлений ключевых политических акторов. Методически используются сравнительный анализ стратегий прикаспийских государств, контент- и дискурс-анализ релевантных документов, а также интерпретативная реконструкция того, как в них имплицитно или эксплицитно артикулируются вопросы справедливости.

Структурно статья организована следующим образом. В первом разделе обсуждаются теоретические основания концепции «энергетической справедливости» и уточняется ее применимость к анализу регионального межгосударственного сотрудничества. Во втором разделе на основе выбранной рамки анализируются энергетическая политика прикаспийских государств и механизмы их взаимодействия в контексте глобального энергоперехода. В заключении подводятся итоги, формулируются выводы о перспективах справедливого энергоперехода в Прикаспийском регионе и о том, как российская повестка энергетической справедливости вписывается в более широкий международный контекст.

Концепция «энергетической справедливости»

Концептуальные истоки идеи энергетической справедливости тесно связаны с тремя обозначенными ранее измерениями социальной и экологической справедливости: распределительным, процедурным и справедливостью признания (*recognition justice*). Распределительная справедливость отвечает на вопрос «кто и что получает?» — применительно к энергетике это означает справедливое распределение благ (доступ к энергоресурсам) и бремени (затраты, негативные воздействия) между различными группами и регионами. Теоретической основой при этом служат классические идеи о справедливом распределении благ в обществе [Rawls, 1971]. Так, еще в первых исследованиях экологической справедливости выявлено, что экологические издержки, например свалки токсичных отходов или выбросы, непропорционально ложатся на бедные слои населения и меньшинства [см. подробнее: Bullard, 1999]. Аналогично в энергетике исследуется, не несут ли уязвимые группы повышенные издержки (например, высокие счета или вред от энергетической инфраструктуры) [Taylor, 2000].

Процедурная справедливость касается справедливости процессов принятия решений: кто имеет доступ к информации и участию в выработке энергетической политики, насколько прозрачны и инклюзивны эти процедуры [Agyeman et al., 2002]. В данном контексте важны вопросы власти и представительства: часто маргинализированные сообщества мало влияют на решения, хотя именно они могут сильнее других страдать от энергетических проблем (например, от строительства электростанции поблизости или от роста тарифов). Справедливость процедур предполагает устранение институцио-

нальных барьеров, мешающих людям влиять на условия, в которых они живут [Young, 1990]. В частности, это может означать проведение широких общественных консультаций перед реализацией энергетических проектов, доступность данных об экологических рисках, учет мнения местных жителей и групп риска при разработке программ энергоперехода.

Справедливость признания подразумевает уважение и учет социальных, культурных и экономических различий групп, испытывающих энергетическую несправедливость [Fraser, 1997]. Речь идет о признании уязвимых групп — по доходу, возрасту, этническому или гендерному признаку — и повышении видимости их проблем. В энергетическом контексте это означает, что политики должны признавать, например, особые потребности пожилых людей (которым нужно больше тепла), сельских жителей, испытывающих нехватку топлива, или меньшинств, традиционно исключенных из обсуждения энергостратегий. Принцип признания дополняет распределительные и процедурные аспекты: мало справедливо распределить ресурсы или допустить к обсуждению — важно еще и избавиться от предубеждений, стигмы и исключения, с которыми сталкиваются обделенные группы, в том числе целые народы и государства. Именно на этом принципе делают акцент Прикаспийские страны. Как отметил министр энергетики России: «Энергетическая справедливость — это доступность источников энергии и современных технологий для всех стран. Мы выступаем за отказ от навязывания всем странам единых правил, которые могут повредить экономике. Государства самостоятельно принимают решение, каким образом производить энергию, с учетом своих особенностей, запасов, ландшафта, климата, уровня развития технологий. Основная задача каждой страны — обеспечить население и промышленность дешевой энергией»¹.

Совокупно три указанных измерения образуют основу понятия энергетической справедливости. Переход к справедливой энергетике предполагает, что распределение благ и бремени энергетической системы должно быть справедливым; процедуры принятия

¹Сергей Цивилёв: «Энергетическая справедливость — это доступность источников энергии и современных технологий для всех стран» // Министерство энергетики Российской Федерации. 19.06.2025. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/press-center/news-and-events?news-item=sergey-tsivilev-energeticheskaya-spravedlivost-eto-dostupnost-istochnikov-energii-i-sovremennykh-tekh> (дата обращения: 10.12.2025).

решений — инклюзивными и прозрачными; а разнообразие голосов — признанным и учтенным на практике. Эти принципы служат нормативными ориентирами при оценке любой энергополитики или проекта: от тарифных регулирований до строительства новой электростанции.

Концепция «энергетической справедливости» как самостоятельное направление сформировалась в 2010-е годы [Jenkins et al., 2016; Sovacool et al., 2016; McCauley, 2018] на волне расширения повестки экологической справедливости. Если изначально (в 1980–1990-е годы) экологическая справедливость была сфокусирована преимущественно на распределении экологических рисков (например, размещении свалок) и носила локальный характер, то со временем ее рамки значительно расширились [Schlosberg, 2013; Agyeman et al., 2016]. Сегодня в поле экологической справедливости входят самые разные темы — от доступа к зеленым насаждениям и чистой воде до изменения климата и энергии. Произошла, по выражению исследователей, горизонтальная диффузия дискурса справедливости (распространение на новые страны и сообщества) и его вертикальная эскалация — охват глобального уровня, транснациональных вопросов [Walker, 2009]. В этом контексте на передний план вышли энергетические проблемы [Sze, London, 2008: 1339].

Действительно, энергетика затрагивает и экологические, и социальные аспекты: с одной стороны, добыча и потребление топлива влекут экологические риски (загрязнение, деградация экосистем, изменение климата), с другой — доступ к энергии жизненно важен для благополучия людей и экономического развития. В этой связи справедливость в энергетике становится неотъемлемой частью более широких дебатов об экологической и климатической справедливости.

В рамках движения за климатическую справедливость энергетическая политика рассматривается как один из главных механизмов глобального перераспределения рисков и выгод. Центральным при этом является вопрос об «общей, но дифференцированной ответственности» государств за исторические и текущие выбросы парниковых газов и за уязвимость различных стран и регионов к последствиям климатических изменений. Развитые индустриальные государства Глобального Севера накопили значительную часть исторических выбросов и извлекли выгоды из углеродоемкого роста, тогда как самые тяжелые последствия — повышение уровня моря,

засухи, экстремальные погодные явления — в наибольшей степени затрагивают страны Глобального Юга и наименее защищенные группы населения [Schlosberg, 2004; Agyeman et al., 2016; Healy et al., 2019].

Это порождает вопросы не только о распределительной справедливости (кто и в какой мере должен сокращать выбросы, как справедливо распределить углеродный бюджет и климатическое финансирование), но и о справедливости процедур и признания: насколько развивающиеся страны и уязвимые сообщества реально включены в выработку глобальных и региональных климатических режимов, чьи голоса и интересы учитываются или игнорируются в переговорах [Walker, 2009; Schlosberg, 2013]. В работах по климатическому и энергетическому управлению это отражается в дебатах о правах и обязанностях государств, «ловушках управления» (*governance traps*), связанных с перекладыванием ответственности с правительств на отдельных потребителей и локальные сообщества, и об ограниченных возможностях последних влиять на структуру энергетических систем [Byrne, Portanger, 2014; Newell et al., 2015].

Таким образом, энергетическая справедливость приобретает выраженное международно-политическое измерение: энергетика перестает быть исключительно внутренним вопросом национальной политики и рассматривается как сфера, в которой государства несут ответственность перед другими странами и мировым сообществом за характер своего энергоперехода, экспортной политики и участия в глобальном управлении климатом. Исследования *embodied energy injustices* показывают, как решения о добыче и экспорте углеводородов в одних странах генерируют трансграничные экологические и социальные издержки в других, делая линии энергетического обмена важным каналом воспроизводства глобального неравенства [Watts, 2004; Healy et al., 2019]. В отношении таких регионов, как Прикаспийский, это означает, что обсуждение энергополитики неизбежно выходит за рамки национального уровня и включает вопросы справедливого распределения ответственности, выгод и рисков между прикаспийскими государствами и внешними потребителями их ресурсов.

Следовательно, концепция «энергетической справедливости» унаследовала от экологической широкий взгляд на проблемы неравенства, уязвимости и прав человека. При этом в центр внимания помещены энергетические системы — производство, распределение и использование энергии — как сфера, где пересекаются интересы

экономического развития, экологии и общества. Далее мы подробнее рассмотрим две ключевые области, в которых особенно остро проявляются вопросы энергетической справедливости: это справедливость при *потреблении энергии* (прежде всего, проблема энергетической бедности) и при *производстве энергии* (например, справедливость при размещении инфраструктуры и распределении выгод от энергопроектов).

Энергопотребление: доступность и ценовая справедливость. Одно из наиболее разработанных направлений исследований энергетической справедливости — это проблемы, связанные с обеспечением энергией по приемлемой цене домохозяйств и отдельных групп. В центре внимания здесь понятия *топливной и энергетической бедности*, а также более широкие концепции «энергетической уязвимости» и «неопределенности». Вопрос ставится так: насколько справедливо текущее распределение базового блага — энергии — среди населения, и не страдают ли некоторые группы от недостаточного или неоправданно дорогого энергоснабжения?

В развитых странах (Глобальный Север) укоренилось понятие «топливная бедность» (*fuel poverty*) — так в Великобритании с 1990-х годов обозначают ситуацию, когда семья не в состоянии должным образом обогреть жилье из-за низких доходов и низкой энергоэффективности дома [Boardman, 1991, 2010]. Традиционно домохозяйство считалось топливно бедным, если оно тратит более 10% своего дохода на поддержание адекватной температуры жилища. Проблему топливной бедности впервые начали осмыслять как форму социальной несправедливости в Великобритании в 1970–1980-е годы, а концептуально она была оформлена в работе Б. Бордман «Топливая бедность» (1991), где автор подчеркивала, что ситуация, когда домохозяйства вынуждены жить в холоде, что наносит вред здоровью и ведет к избыточной смертности, является морально недопустимой и требует вмешательства государства (например, через субсидии на оплату отопления и программы утепления жилья). Иными словами, факт, что часть населения не может позволить себе комфортное тепло, был осмыслен как нарушение базовой справедливости, вызванное сочетанием рыночных и инфраструктурных факторов, и потребовал коллективных мер по перераспределению ресурсов.

За последние два десятилетия исследования топливной бедности получили широкое развитие, особенно в Европе. Было показано,

что эта проблема имеет ярко выраженный социально-пространственный характер: наиболее уязвимы определенные группы (малообеспеченные, пенсионеры, инвалиды) и территории (депрессивные регионы, старый жилой фонд). К примеру, страны Восточной Европы сталкиваются с высокими уровнями энергетической бедности на фоне низких доходов и неэффективного жилья [Bouzarovski, 2014]. В то же время южноевропейские домохозяйства могут страдать от недостаточного охлаждения летом — проблема, становящаяся всё актуальнее с изменением климата [Nicholls, Strengers, 2018]. Исследования показывают, что топливная бедность — явление многомерное: помимо недостатка дохода влияют качество жилья, тип отопления, ценовая политика и даже культурные особенности (например, привычка экономии), поэтому для ее преодоления требуются комплексные меры: от повышения энергоэффективности домов до реформы тарифов и адресной социальной помощи.

Важно отметить, что сегодня исследователи не только говорят о распределительном аспекте (у кого хватает денег на тепло), но и рассматривают топливную бедность как проблему процедур и признания. Так, Дж. Уокер и Р. Дэй [Walker, Day, 2012] предлагают оценивать топливную бедность сквозь призму всех трех категорий справедливости: распределительно — вопрос недостатка ресурсов у определенных групп; процедурно — учитывается ли голос этих групп в энергетической политике (например, привлекаются ли они к обсуждению тарифов); с позиции признания — признаются ли их особые нужды (скажем, необходимость более высоких норм отопления для больных и пожилых). Такой подход углубляет понимание проблемы и подсказывает, что бороться с ней нужно не только с помощью финансирования, но и через расширение прав уязвимых групп, их вовлечение в разработку решений.

В странах развивающихся и переходных экономик (Глобальный Юг) более употребим термин «энергетическая бедность» (*energy poverty*), который обозначает ограниченный или отсутствующий доступ домохозяйств к современным, надежным и доступным по цене энергетическим услугам: электроснабжению, чистому топливу для приготовления пищи, отоплению и освещению [Kowsari, Zerriffi, 2011; Pachauri, Spreng, 2011]. В исследованиях подчеркивается, что энергетическая бедность тесно связана с более широкими структурами социального неравенства и пространственной маргинализации и выступает ключевым препятствием для достижения Целей

устойчивого развития (ЦУР №7) в Глобальном Юге [Bouzarovski, Petrova, 2015]. С одной стороны, проблема носит распределительный характер — энергетическое неравенство между странами и внутри них колоссально. С другой стороны, присутствуют и сложности с процедурами и признанием: бедные сообщества часто исключены из процессов планирования энергетической инфраструктуры, их знания и потребности игнорируются. Например, женщины в сельских районах развивающихся стран непропорционально страдают от энергетической бедности (они тратят время на сбор топлива, подвержены дыму от очагов), однако их голос редко учитывается при выработке энергостратегий [Clancy et al., 2007]. Следовательно, продвижение гендерного равенства и участия местных общин — тоже часть решения проблемы энергетической бедности.

Исследования показывают, что концепции «топливной бедности» и «энергетической бедности» во многом пересекаются, хотя возникли в разных контекстах. Современные авторы предлагают более широкие термины — *энергетическая уязвимость*, *энергетическая небезопасность*, *энергетическая нестабильность*, чтобы охватить различные проявления недостатка доступа к энергетическим благам [Bouzarovski, Petrova, 2015; Middlemiss, Gillard, 2015]. Например, понятие *энергетической уязвимости* фокусируется на факторах, делающих домохозяйство уязвимым к энергетическим потрясениям (рост цен, отключения), а *энергетическая нестабильность* подчеркивает неустойчивость положения, когда семьи балансируют на грани отключения электричества за неуплату. Эти подходы обогащают дискуссию о справедливости, показывая, что обеспечить одноразовый доступ недостаточно — важно гарантировать долговременную устойчивость энергоснабжения на равноправной основе.

Особенно остро вопросы справедливости в энергопотреблении проявляются сейчас в контексте энергетического перехода и климатической политики. С одной стороны, переход на ВИЭ и повышение энергоэффективности должны в перспективе снизить счета и улучшить доступ (например, за счет децентрализованной генерации). С другой стороны, меры по декарбонизации могут нести риски несправедливости, если затраты перекладываются на уязвимые группы потребителей. Например, введение зеленых надбавок к тарифам или углеродного налога может непропорционально ударить по бедным семьям, если не будут предусмотрены компенсации [Healy et al., 2019]. В странах ЕС всё более явно звучит повестка «справедливого пере-

хода» для потребителей: климатическая и энергетическая политика должна не усугублять, а сокращать энергетическую бедность, сочетая декарбонизацию с защитой уязвимых групп населения. В этом контексте обсуждаются и реализуются меры по субсидированию энергоэффективной модернизации жилья, введению социально дифференцированных тарифов, защите энергетически уязвимых домохозяйств и созданию целевых фондов для поддержки наиболее пострадавших регионов и категорий граждан [Bickerstaff et al., 2013; Bouzarovski, Petrova, 2015; Nealy et al., 2019]. Таким образом, справедливость в сфере энергопотребления остается актуальной политической повесткой, требующей постоянного поиска баланса между экологическими целями и социальными обязательствами государства перед населением.

Энергопроизводство и инфраструктура: политика справедливости. Второй крупный блок исследований энергетической справедливости фокусируется на политике энергетического производства, в первую очередь — на справедливости при размещении, строительстве и эксплуатации энергетической инфраструктуры. К этому блоку относятся вопросы: кто выигрывает и кто проигрывает от строительства электростанций, линий электропередачи (ЛЭП), трубопроводов; каким сообществам достаются выгоды (рабочие места, энергия), а каким — издержки (загрязнение, разрушение экосистем); как распределяются власть и участие в принятии решений о таких проектах. Исторически этот пласт вопросов вырос из исследований экологической справедливости, анализировавших размещение «нежелательных» объектов индустрии — заводов, мусорных полигонов, свалок, объектов с высоким уровнем загрязнения — в районах проживания бедных групп населения и расовых/этнических меньшинств. Именно в этом контексте был сформулирован принцип LULU (*locally unwanted land use*), отражающий практику территориального вытеснения опасных или неприятных объектов туда, где политические ресурсы и возможности для протеста минимальны [Bullard, 1999; Carruthers, 2007; Sze, London, 2008; Endres, 2009].

В интересующем нас аспекте к таким ситуациям относятся, в частности, размещение объектов атомной энергетики или добычи полезных ископаемых на традиционных территориях коренных народов без должной компенсации и полноценного согласия сообществ; конфликты вокруг строительства ЛЭП и ветряных парков

в сельских районах, где решения принимаются без учета позиции местных жителей.

Первое измерение распределительной справедливости в энергетической инфраструктуре — это географическое и социальное распределение выгод и вреда от энергетических проектов. Исследования показывают, что объекты энергетической инфраструктуры могут усиливать уже существующие социальные и пространственные неравенства. В Соединенных Штатах, например, опасные энергообъекты — нефтеперерабатывающие заводы, угольные электростанции и другие предприятия с высоким уровнем загрязнения — непропорционально часто размещаются в районах проживания расовых меньшинств и малообеспеченных групп населения, где ниже уровень доходов и образовательные ресурсы. Так, Д. Кэрразерс [Carruthers, 2007] отмечал проявления экологической несправедливости на американо-мексиканской границе, где загрязнение от промышленных и энергетических предприятий в наибольшей степени затрагивает бедные приграничные сообщества. Аналогично Д. Эндрес [Endres, 2009] показала, как дискурсы вокруг размещения хранилищ ядерных отходов в США игнорируют интересы местных жителей и конструируют их территории как своего рода «пустое пространство» для нежелательной инфраструктуры, тем самым закрепляя асимметрии власти и уязвимость этих сообществ.

Распределение экономических выгод от энергопроизводства тоже является предметом анализа. Крупные проекты — строительство гидроэлектростанций, нефтепроводов, ветропарков — приносят прибыль и энергоресурсы, но вопрос: кто получит эту прибыль и энергию? Если местному населению не обеспечен доступ к произведенной электроэнергии или не поддерживается местная инфраструктура, возникает ощущение несправедливости и эксплуататорского «энергоколонизализма» [Batel, Devine-Wright, 2017]. В ответ компании и власти всё чаще предлагают компенсации и льготы для сообществ, рядом с которыми размещаются объекты (так называемые *community benefits*), например отчисления в местный бюджет, дешевое электричество или социальные проекты. Однако в исследовании Г. Коуэлла и соавт. [Cowell et al., 2011] показано, что сами по себе финансовые выплаты не гарантируют принятия проекта местными жителями, если изначально подорвано доверие и не было учтено мнение сообщества. В конечном счете распределительная справедливость подразумевает, что риски и выгоды энергетиче-

ских решений распределяются соразмерно между территориями и социальными группами, а не таким образом, когда одни районы фактически становятся «энергетическими жертвами», тогда как другие преимущественно извлекают плоды развития.

Энергетические инфраструктурные проекты традиционно планировались технократами по модели «сверху вниз», однако сегодня признано, что отсутствие участия общественности ведет к конфликтам и ощущению несправедливости. Процедурная справедливость требует, чтобы затрагиваемые сообщества имели право голоса, доступ к информации и возможность повлиять на исход проекта. В демократических странах процедурная справедливость в энергетике реализуется, как правило, через механизмы участия: общественные слушания, процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) с участием населения, консультативные органы и форматы поиска консенсуса между ключевыми стейкхолдерами. В исследованиях подчеркивается, что качество этих процедур — реальная, а не формальная вовлеченность граждан, доступность информации, своевременность консультаций — существенно влияет на уровень доверия к энергетическим проектам и готовность местных сообществ принимать связанные с ними риски [см. подробнее: Arnstein, 1969; Fiorino, 1990; Petts et al., 1999; Walker, Devine-Wright, 2008; Cowell et al., 2011].

Тем не менее на практике участие часто носит формальный характер. Исследователи указывают, что недостаточно просто провести слушания — важно, чтобы мнение местных жителей реально влияло на решение, иначе доверие подрывается [Bickerstaff et al., 2013]. Кроме того, процедурная справедливость предполагает равноправие сторон: сельская община или коренной народ обычно заведомо в более слабой позиции, чем энергетическая корпорация или государство. В этой связи требуется институциональная поддержка слабых сторон, например предоставление независимых экспертиз, перевод материалов на понятный язык, принятие во внимание традиционных знаний коренных народов. В противном случае «участие» превращается в имитацию и люди чувствуют себя обманутыми — фактически лишенными голоса, что и есть несправедливость.

В последние десятилетия принцип «свободного, предварительного и осознанного согласия» (*free, prior and informed consent*, FPIC) постепенно закрепляется как важный ориентир для регулирования отношений с коренными и местными сообществами при реализации

крупных инфраструктурных и энергетических проектов. Первоначально он был сформулирован в документах ООН (прежде всего в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.²) и развит в стандартах международных финансовых институтов и организаций: руководящих принципах Всемирного банка, Стандартах деятельности Международной финансовой корпорации (IFC Performance Standards), документах региональных банков развития и отраслевых инициатив по ответственной добыче ресурсов. В этом смысле статус FPIC как «международной нормы» означает не существование единого юридически обязывающего договора, а формирование широко разделяемого набора ожиданий и требований, которому должны следовать государства, компании и финансовые организации при работе с коренными и локальными сообществами.

Признание процедурных прав сообществ исходит как от международных организаций, так и от исследовательского и экспертного сообщества, анализирующего практику реализации крупных проектов. В работах по энергетической и экологической справедливости подчеркивается, что FPIC подразумевает не только информирование и возможность высказать мнение, но и прерогативу сообщества не дать согласие на проект, если он рассматривается как угроза его образу жизни, здоровью или территориальным правам [Endres, 2009; Silva Ontiveros et al., 2018]. Отсутствие такого согласия ставит под сомнение легитимность проектов и усиливает риск затяжных конфликтов, судебных разбирательств и репутационных потерь.

Практика показывает, что крупные инвесторы и международные финансовые организации всё более отчетливо учитывают эти риски, включают требования FPIC и более широкие стандарты участия сообществ в свои политики устойчивого развития, процедуры отбора и мониторинга проектов. В аналитической литературе и корпоративной отчетности это отражается в акценте на идее «социальной лицензии на деятельность» (*social licence to operate*), без которой энергетические и горнодобывающие проекты оказываются уязвимыми для протестов, блокад и международной критики [Yenneti et al., 2016; Nealy et al., 2019].

² Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 10.12.2025).

Инфраструктурные проекты затрагивают образ жизни и ценности людей, поэтому важно признание их идентичности, традиций и особого отношения к земле или ресурсам. Классический пример — территории коренных народов: для них земля и природа имеют духовное значение, и строительство трубопровода или дамбы — это не просто хозяйственный вопрос, а удар по их культуре. Справедливость признания требует учета таких нематериальных аспектов. Уязвимы могут быть и другие группы: например, малообеспеченные городские общины, чьи районы меняются в результате проектов (гентрификация вслед за появлением экологичной инфраструктуры может вытеснять бедных — так называемое *зеленое неравенство*). Признание в этом контексте означает способность видеть за экономическими расчетами людей, их истории и права. Практически это выражается в необходимости культурной экспертизы, диалога на равных, уважения языка и обычаев локальных сообществ при планировании энергетических объектов.

Интересно, что дискурс справедливости в энергопроизводстве не всегда однозначно распределяет роли «виновника» и «жертвы». Часто предполагается, что традиционные «грязные» технологии (угольные теплоэлектростанции, атомные станции, нефтедобыча) — это зло, навязываемое слабым, а зеленые технологии (ветропарки, солнечные фермы) — благо, автоматически содержащее элемент справедливости (вносят вклад в предотвращение климатических изменений, локально менее загрязняющие). Однако реальность сложнее. Некоторые исследователи указывают на явление «энергетического колониализма» даже в области ВИЭ: крупные солнечные или ветряные проекты могут приводить к экспроприации земель у местных жителей, не давая им прямой выгоды [Yenneti et al., 2016]. Например, в Индии создание гигантских солнечных парков иногда означало отчуждение пастбищ у сельских общин без должной компенсации — зеленая энергия шла в города, а местные оставались ни с чем, теряя привычные средства к существованию. Это напоминает старые схемы неравенства, только под новой, зеленой вывеской. Следовательно, сам по себе переход на низкоуглеродные технологии не гарантирует справедливости — нужно намеренно ее обеспечивать.

В то же время существует и обратная сторона: сообщества, зависящие от углеводородного сектора (шахтерские моногорода, нефтегазодобывающие регионы), нередко воспринимают декарбо-

низацию как угрозу своим экономическим правам и социальным гарантиям. Именно в этом контексте сформировалась концепция «справедливого перехода» (*just transition*), подчеркивающая, что при использовании низкоуглеродной энергетики необходимо учитывать интересы работников и регионов, связанных с добычей и эксплуатацией ископаемого топлива, и не оставлять их без поддержки [Newell, Mulvaney, 2013; Healy, Barry, 2017; Healy et al., 2019]. Речь идет о новом ракурсе энергетической справедливости: ответственности государства и бизнеса за смягчение негативных последствий энергоперехода (закрытие шахт, теплоэлектростанций, сокращение рабочих мест) для конкретных людей и территорий, обеспечение программ переобучения, создание альтернативной занятости и инвестиции в диверсификацию экономики углеродозависимых регионов. В странах ЕС этот подход институционализируется через специальные механизмы и фонды поддержки «территорий, зависящих от угля и углеродоемких отраслей», в частности Фонд справедливого перехода и связанный с ним «Механизм справедливого перехода», ориентированные на социально справедливое преобразование угольных и промышленных регионов Германии, Польши и других государств³ [Healy et al., 2019].

Политику энергетической инфраструктуры следует рассматривать с позиций справедливости на всех этапах: от планирования (кто участвует и чьи интересы учтены), распределения выгод/издержек (кому свет, а кому дым) до долгосрочных эффектов (не усиливает ли проект уязвимость одних и привилегии других).

На этом фоне особенно интересно посмотреть, как вопросы энергетической справедливости проявляются в конкретных региональных конфигурациях. В следующем разделе мы обратимся к кейсу прикаспийских стран, который позволяет проиллюстрировать сложности и возможности достижения справедливости в рамках межгосударственного сотрудничества в энергетике, одновременно ориентированного на экономическое развитие и выполнение требований глобальной декарбонизации.

³ The Just Transition Mechanism: Making sure no one is left behind // European Commission. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/finance-and-green-deal/just-transition-mechanism_en (accessed: 10.12.2025).

Энергетическая политика прикаспийских стран: переход, декарбонизация и сотрудничество

Прикаспийский регион — особый кластер государств (Россия, Казахстан, Азербайджан, Иран, Туркменистан), объединенных географией Каспийского моря и значительными запасами нефти и газа. Для Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана вопросы распределения и эксплуатации углеводородных ресурсов Каспия — раздел месторождений, строительство экспортных трубопроводов, формирование доходов от продажи нефти и газа — на протяжении десятилетий были одними из ключевых в их энергетической политике. Для России каспийское направление имеет большое, но комплементарное значение по отношению к ее арктическому и сибирскому энергетическим векторам; тем не менее Москва активно участвует в определении правового режима Каспийского моря, развитии инфраструктуры и согласовании параметров добычи, рассматривая Каспий как значимый элемент своей региональной энергетической и внешнеполитической стратегии. В 2018 г. пятерке прикаспийских государств удалось заключить историческую Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря⁴, которая урегулировала многие споры по разграничению акватории и недр, а также заложила основы для совместных проектов. В частности, Конвенция дала возможность продолжить транскаспийские трубопроводы при условии согласия тех стран, по чьему дну они проходят, и соблюдения экологических требований. Принятие Конвенции стало важным условием для последующего развития инфраструктуры, в том числе для возвращения к обсуждению проекта газопровода из Туркменистана в Азербайджан и далее в Европу (Trans-Caspian Pipeline), реализация которого ранее затруднялась неопределенностью правового статуса Каспийского моря. Таким образом, с точки зрения *распределительной справедливости* на региональном уровне Конвенция 2018 г. задала более равноправные правила: каждая страна получила юридическое право на свою долю ресурсов и возможность реализовывать свои проекты, не опасаясь вето со стороны соседей [Хабриева, Курбанов, 2021].

Однако сегодня на первый план выходят новые аспекты — энергетический переход и декарбонизация, требующие трансформации энергетической политики прикаспийских стран. Глобальные усилия

⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Президент России. 12.08.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.12.2025).

по борьбе с изменением климата и падение спроса на ископаемое топливо в перспективе ставят под вопрос прежнюю модель развития региона, основанную на экспорте нефти и газа. Одновременно Прикаспийский регион обладает значительным потенциалом для развития возобновляемой энергетики (солнце, ветер) и находится на пересечении важных транспортно-энергетических коридоров между Европой и Азией. Это открывает возможности для трансрегионального сотрудничества в новой сфере — чистой энергетике и актуализирует вопросы справедливости: кто выиграет от зеленых проектов, не усилится ли неравномерность развития между прикаспийскими странами, как учесть экологические риски для уникальной экосистемы Каспия?

Подходы прикаспийских стран к энергетическому переходу.

Страны «пятерки» демонстрируют разные стратегии в области декарбонизации, но у всех прослеживается риторическое признание необходимости перехода к более чистой энергетике. Казахстан и Азербайджан взяли на себя весьма амбициозные обязательства: Астана объявила цель достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г., Баку — снизить выбросы парниковых газов на 35% к 2030 г. (от уровня 1990 г.) и значительно нарастить долю ВИЭ⁵. Оба государства стремятся привлечь инвестиции в ветровую и солнечную энергетику, понимая, что эпоха нефти не вечна. Например, Казахстан помимо строительства собственных объектов возобновляемой энергетики участвует в инициативах экспорта зеленой энергии: в ноябре 2024 г. на климатическом саммите COP29 в Баку президенты Казахстана, Азербайджана и Узбекистана подписали соглашение о совместном развитии возобновляемой энергетики и экспорте электроэнергии в Европу через подводные кабели по Каспию и Черному морю⁶. Этот проект создает своего рода зеленый энергетический коридор из Центральной Азии и Кавказа в ЕС⁷, предполагая строительство

⁵ Azerbaijan, Kazakhstan, and Uzbekistan have agreed on the transfer of renewable energy across the Caspian Sea // Caspian — Alpine Society. 13.11.2024. Available at: <https://caspian-alpine.org/azerbaijan-kazakhstan-and-uzbekistan-have-agreed-on-the-transfer-of-renewable-energy-across-the-caspian-sea> (accessed: 10.12.2025).

⁶ Matters relating to finance: New collective quantified goal on climate finance // United Nations Climate Change. 24.11.2024. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2024_L22E.pdf (accessed: 10.12.2025).

⁷ Азербайджан начнет разработку ТЭО «зеленого» энергокоридора до конца 2025 года // Коммерсантъ. 23.09.2025. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/8059533> (дата обращения: 10.12.2025).

высоковольтных линий для передачи солнечной и ветряной электроэнергии на тысячи километров. Он знаменует новый уровень регионального сотрудничества и демонстрирует приверженность части прикаспийских стран глобальному энергопереходу. Более того, к этому сотрудничеству привлечены внешние партнеры (например, саудовская компания «ACWA Power» будет инвестировать в генерацию ВИЭ в регионе), что говорит о расширении горизонтов ответственности и выгод: не только между государствами, но и с участием бизнеса.

Туркменистан и Иран, обладая огромными запасами газа, делают ставку преимущественно на газ как переходное топливо и на двусторонние соглашения. Официально они также поддерживают идеи развития ВИЭ, но практические успехи пока скромны. Туркменистан, известный высоким уровнем утечек метана, в последнее время под международным давлением принимает меры по их снижению и заявляет о планах производить водород⁸. Иран, находясь под санкциями, тем не менее сотрудничает с Россией в сфере ископаемого топлива: в 2025 г. Москва и Тегеран заключили стратегическое соглашение, включающее проект «Север–Юг» — строительство трубопровода через Каспий для поставок российского газа в Иран и далее в Южную Азию⁹. Такой шаг, с одной стороны, укрепляет альянс двух государств против западного влияния, с другой — может затормозить разворот Ирана к ВИЭ, закрепляя его зависимость от ископаемого топлива. Для других прикаспийских соседей (Казахстана, Азербайджана, Туркменистана) развитие коридора «Север–Юг» также создает определенные вызовы, хотя и не в форме прямой конкуренции за одни и те же рынки сбыта: он ориентирован прежде всего на связь России и Ирана с Индией и государствами Персидского залива.

⁸ Roadmap for the development of international cooperation of Turkmenistan in the field of hydrogen energy for 2022–2023 is approved // Turkmenistan Golden Age. 28.01.2022. Available at: <https://turkmenistan.gov.tm/en/post/60553/roadmap-development-international-cooperation-turkmenistan-field-hydrogen-energy-2022-2023-approved> (accessed: 10.12.2025); Implementation of the Program for Reducing Methane Emissions into the Environment in Turkmenistan // Ibidem. Available at: <https://turkmenistan.gov.tm/en/post/94178/implementation-program-reducing-methane-emissions-environment-turkmenistan> (accessed: 10.12.2025).

⁹ Cretti G. The Caspian Sea region: A renewable hub for European energy security? // Clingendael (Netherlands Institute of International Relations). March 2025. Available at: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2025-03/CA_The_Caspian_Sea_Regionpdf.pdf (accessed: 10.12.2025).

Скорее речь идет о конкуренции инфраструктурных приоритетов и инвестиционных потоков: чем больше политического и финансового внимания сосредотачивается на оси «Север–Юг», тем сложнее странам региона добиваться поддержки проектов, связанных с западным вектором экспорта и диверсификацией маршрутов через Кавказ и Черное море.

Россия, крупнейший игрок региона, также признает повестку декарбонизации: провозглашена цель углеродной нейтральности к 2060 г.¹⁰, принята Стратегия низкоуглеродного развития до 2050 г.¹¹ В практическом плане Москва пока ориентирована на перенаправление потоков ископаемого топлива на Восток (в Азию) и развитие проектов по гидроэнергетике, атомной энергетике (считая ее низкоуглеродной) и водороду. В рамках Прикаспийского региона Россия продвигает собственные площадки сотрудничества, такие как Каспийский экономический форум¹², стремясь удержать инициативу и ограничить вовлечение ЕС и других внешних игроков. Москва предлагает, например, развивать транспортный коридор «Север–Юг» (связывающий Россию, Иран, Индию) [Малышева, 2024] в качестве альтернативы Транскаспийскому транспортному маршруту через Каспийское море, который поддерживают ЕС, Турция и Китай. Кремль продвигает концепцию «пятерки» как сплоченной группы, аргументируя это тем, что интеграция усилий принесет пользу всем. Так, на форумах говорится о совместных стандартах экологической безопасности на Каспии, обмене технологиями ВИЭ, координации энергетических стратегий.

Инфраструктура и трансрегиональное сотрудничество. Для прикаспийских стран ключевым фактором остается развитие ин-

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2025 г. № 547 «О сокращении выбросов парниковых газов» // Официальное опубликование правовых актов. 06.08.2025. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508060001> (дата обращения: 10.12.2025).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р) // Правительство Российской Федерации. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

¹² В Тегеране завершился Третий Каспийский экономический форум // Министерство экономического развития Российской Федерации. 18.02.2025. Доступ: https://economy.gov.ru/material/news/v_tegerane_zavershilsya_tretiy_kaspiyskiy_ekonomicheskii_forum.html (дата обращения: 10.12.2025).

фраструктуры, прежде всего нефтегазопроводов, а в последние годы также ЛЭП, портов и терминалов сжиженного газа. В этом измерении вопросы справедливости проявляются в том, кто и на каких условиях получает доступ к инфраструктуре, как распределяются права контроля и выгоды от ее использования между государствами и отдельными компаниями. Ранее инфраструктура часто строилась под эгидой внешних сил или отдельных более мощных государств (например, нефтепровод «Баку–Тбилиси–Джейхан» при поддержке западных консорциумов либо Каспийский трубопроводный консорциум из Казахстана в Россию под контролем РФ). Сейчас ситуация меняется: меньшие государства стараются координироваться между собой, чтобы не зависеть от одного маршрута. Так, Транскаспийский транспортный маршрут — коридор из Китая и Центральной Азии через Каспийское море, Кавказ в Европу — включает компоненты энергетической инфраструктуры, позволяющие Казахстану и Туркменистану отправлять свои энергоносители (и потенциально электроэнергию) в обход российских сетей¹³. Для Азербайджана этот коридор — шанс усилить роль транзитного хаба. Региональные площадки при участии ЕС и Великобритании подчеркивают, что только через углубление сотрудничества и развитие взаимосвязанной инфраструктуры прикаспийские страны смогут одновременно укреплять энергетическую безопасность и двигаться в сторону целей по нулевым выбросам. Например, на конференциях по энергетической безопасности Прикаспийского региона, организуемых «Caspian Policy Center» совместно с правительством Великобритании, представители Лондона и ЕС прямо увязывают благополучие прикаспийских стран и зеленый переход, отмечая, что «региональная взаимосвязанность и сотрудничество являются ключевыми как для энергетической безопасности, так и для перехода к net zero»¹⁴. Аналогичная логика прослеживается в инициативах ЕС по развитию Транскаспийского транспортного маршрута и в совместных заявлениях Брюсселя и государств Центральной Азии, где подчеркивается, что устойчивое транспортно-энергетическое соединение Прикаспийского региона с Европой рассматривается как вклад

¹³ Caspian Energy Security Conference: UK and Caspian countries discussed strategic energy cooperation // Caspian Policy Center. 22.11.2023. Available at: <https://caspianpolicy.org/research/press-releases/caspian-energy-security-conference-uk-and-caspian-countries-discussed-strategic-energy-cooperation-13720> (accessed: 10.12.2025).

¹⁴ Ibidem.

одновременно в энергобезопасность и в зеленый рост¹⁵. На первый взгляд, подобная риторика подчеркивает общность интересов и взаимозависимость: ни одна страна не может в одиночку осуществить успешный энергопереход или гарантировать устойчивость поставок. Однако в то же время такая позиция отражает и вполне конкретные коммерческие и геополитические интересы западных финансовых институтов и правительств, заинтересованных в продвижении собственных маршрутов и проектов и в ослаблении конкурентов, прежде всего России в традиционном для нее регионе.

В этом смысле обращение к языку «энергетической справедливости» и «справедливого энергоперехода» оказывается не только нормативной рамкой, но и инструментом межгосударственного политического соперничества: требования справедливости могут служить ширмой для перераспределения влияния, инфраструктурных приоритетов и потоков капитала в Прикаспийском регионе. Для анализа регионального взаимодействия в такой перспективе особенно важно различать, где речь идет о реальном перераспределении выгод и рисков в пользу уязвимых акторов, а где — о риторическом использовании дискурса справедливости для легитимации конкурентных стратегий внешних и внутренних игроков.

Конкретным результатом сотрудничества служат недавние соглашения в рамках COP29 (Баку, 2024), упомянутые нами ранее. Зеленый энергетический коридор через Каспий — это фактически первое крупное партнерство по возобновляемой энергетике между тремя прикаспийскими странами (с участием Узбекистана)¹⁶. Проект предполагает строительство высоковольтного подводного кабеля по дну Каспийского моря от Казахстана к Азербайджану и дальнейшую передачу произведенной электроэнергии через Кавказ и Черное море в европейские энергосистемы. Планируется, что эта электроэнергия будет вырабатываться на новых солнечных и ветровых электростанциях совокупной мощностью в десятки гигаватт. Для Казахстана и Узбекистана это возможность капитализировать свой

¹⁵ Trans-Caspian Transport Corridor and Connectivity Investors Forum: The EU advances cross-regional connectivity in Tashkent // European Commission. 27.11.2025. Available at: https://enlargement.ec.europa.eu/news/trans-caspian-transport-corridor-and-connectivity-investors-forum-eu-advances-cross-regional-2025-11-28_en (accessed: 10.12.2025).

¹⁶ Azerbaijan, Kazakhstan, and Uzbekistan have agreed on the transfer of renewable energy across the Caspian Sea...

солнечно-ветровой потенциал, для Азербайджана — укрепить статус энергетического моста, для Европы — получить доступ к зеленой энергии и уменьшить зависимость от ископаемого импорта. Важно отметить, что страны-участницы формально привязали данный проект к целям Парижского соглашения и ЦУР, фактически используя риторику энергетической справедливости (идею о том, что коридор поможет и сокращению выбросов, и развитию регионов).

Туркменистан пока остается вне этого зеленого коридора, что, вероятно, связано как с его традиционной геополитической многовекторностью, так и с ориентацией на собственные газовые проекты. В официальной риторике Ашхабад продолжает позиционировать в качестве одного из ключевых своих приоритетов проект газопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), которому придается большое политическое значение, хотя на практике он на протяжении многих лет сталкивается с серьезными проблемами безопасности, финансирования и санкционного давления и остается нереализуемым в среднесрочной перспективе. Иран также не участвует в зеленом коридоре, сосредоточившись на углублении сотрудничества с Россией по линии нефтегазовых и транспортно-инфраструктурных проектов, в том числе в рамках маршрута «Север–Юг».

В результате формируются две во многом расходящиеся траектории: с одной стороны, Казахстан, Азербайджан и Узбекистан, выстраивающие партнерство с ЕС по экспорту зеленой электроэнергии и развитию транскаспийской энергетической и транспортной инфраструктуры; с другой — Россия, Иран и в определенной степени Туркменистан, делающие ставку преимущественно на традиционные углеводородные и южно-восточные маршруты. В этом контексте возникает риск углубления разрыва внутри самого региона: дискурс «энергетической справедливости» и «справедливого перехода» можно использовать не только как язык кооперации, но и как инструмент перераспределения влияния и инвестиционных потоков в пользу одних групп стран и в ущерб другим, в том числе России как традиционному центру притяжения в прикаспийском пространстве¹⁷.

¹⁷ Жильцов С. Каспийский регион: стратегические задачи и вызовы для России // Каспийский вестник. 28.04.2024. Доступ: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-region-strategicheskie-zadachi-i-vyzovy-dlya-rossii/?phrase_id=136740477 (дата обращения: 10.12.2025).

Международный опыт говорит о необходимости солидарных механизмов, таких как климатические фонды, программы обмена технологиями, инвестирования в альтернативную экономику. Сейчас уже обсуждается, как регион может совместно противостоять рискам, связанным с изменением климата: например, Азербайджан предлагает провести саммит прикаспийских государств по экологическим проблемам, включая обмеление Каспия и декарбонизацию. Под эгидой ООН разрабатывается специальный Каспийский план действий по климату¹⁸. Эти инициативы — признаки того, что, несмотря на разность позиций, страны осознают общую судьбу региона перед лицом экологических вызовов и постепенно приходят к пониманию необходимости координации.

Энергетическая справедливость в прикаспийском контексте. Хотя терминология энергетической справедливости не всегда прямо звучит в официальных документах прикаспийских государств, по сути, многие рассматриваемые процессы опираются на ее принципы.

Во-первых, речь идет о распределении выгод и бремени: все страны хотят справедливой доли от использования каспийских ресурсов. Конвенция 2018 г. уже была шагом в этом направлении. Кроме того, Азербайджан и Туркменистан в 2021 г. урегулировали многолетний спор вокруг месторождения «Достлуг» (бывш. «Сердар/Кяпаз»), договорившись о его совместной разработке, т.е. предпочли мирное разделение ресурсов с взаимной выгодой вместо продолжения конфронтации¹⁹.

Во-вторых, в прикаспийском формате просматриваются элементы процедурной и институциональной справедливости: страны выстроили механизм регулярных Каспийских саммитов и форумов, в рамках которых каждая из пяти сторон обладает правом голоса. Ключевые решения (например, по правилам судоходства, рыбной ловле, прокладке трубопроводов и кабелей) принимаются на основе

¹⁸ Pokidaev D. Interview: President of COP29 calls for Caspian summit to tackle environmental crisis // The Times of Central Asia. Available at: <https://timesca.com/interview-president-of-cop29-calls-for-caspian-summit-to-tackle-environmental-crisis> (accessed: 10.12.2025).

¹⁹ Azerbaijan and Turkmenistan sign MoU on joint exploration and development of 'Dostlug' field in Caspian Sea // Permanent Mission of the Republic of Azerbaijan to the United Nations Office and other International Organizations in Geneva. 22.01.2021. Available at: <https://geneva.mfa.gov.az/en/news/azerbaijan-and-turkmenistan-sign-mou-on-joint-exploration-and-development-of-dostlug-field-in-caspian-sea> (accessed: 10.12.2025).

консенсуса, что институционализирует принцип равного участия и ограничивает возможность навязывания позиции одной стороны остальным. Можно сказать, что «каспийская пятерка» сформировала собственную микромодель многостороннего управления общими ресурсами — со всеми неизбежными сложностями, но без открытого диктата одного государства.

В-третьих, проявляется измерение признания: интересы каждого государства рассматриваются как легитимные, что особенно важно с учетом различий их статуса и потенциала (наличие среди участников крупной державы — России — и сравнительно малых стран). Сам принцип «пяти равных сторон» уже можно трактовать как институциональное воплощение логики признания в международной плоскости.

Когда речь заходит об энергопереходе, справедливость проявляется в вопросах ответственности и поддержки. Прикаспийские государства внесли разный вклад в глобальные выбросы и обладают неравными возможностями для инвестиций в зеленые технологии: Казахстан и Азербайджан, а также Узбекистан имеют более широкий доступ к западным финансовым рынкам и механизмам климатического финансирования и являются крупными реципиентами помощи Программы развития ООН, Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития и других институтов в сфере энергоэффективности и возобновляемой энергетики. Россия и Иран, напротив, в силу санкционных ограничений, а также Туркменистан — вследствие специфики внутренней политики гораздо менее интегрированы в эти каналы поддержки и в меньшей степени участвуют в многосторонних инициативах по финансированию низкоуглеродного перехода. В результате складывается ситуация, при которой одни государства могут двигаться по траектории декарбонизации быстрее, тогда как другие рискуют отставать, усиливая технологическое и финансовое неравенство внутри региона. С точки зрения энергетической справедливости возникает вопрос, насколько существующие механизмы международной помощи и климатического финансирования действительно учитывают особую уязвимость тех стран, которые по политическим или институциональным причинам оказываются на периферии глобального зеленого поворота.

В этом отношении важно отметить деятельность Азиатского банка развития, который через программу CAREC, охватывающую

часть региона, продвигает «Каспийскую программу зеленого финансирования», помогающую странам получать средства на ВИЭ-проекты²⁰. Это пример солидарного механизма, направленного на выравнивание возможностей. Важно также, чтобы в региональных инициативах более сильные экономики (Россия, Казахстан) учитывали положение более слабых (например, вложились в модернизацию туркменской энергосистемы под ВИЭ или поделились опытом). Пока такие примеры редки, но, возможно, с ростом внимания к климату они станут более распространенными, а прикаспийские страны — образцом подобного сотрудничества.

Наконец, отдельно следует отметить экологический аспект. Каспийское море представляет собой замкнутую и весьма уязвимую экосистему, чувствительную как к загрязнению, так и к колебаниям уровня воды. Энергетическая деятельность — прежде всего добыча нефти и газа, а также интенсивное транспортное движение — создает дополнительные нагрузки: аварийные и хронические сбросы, локальные всплески загрязнения, утрата нерестилищ и гибель биоресурсов. С этой точки зрения энергетическая справедливость неизбежно включает компонент экологической справедливости для прибрежного населения — рыбаков и местных сообществ, чье благополучие напрямую зависит от состояния моря²¹. Совместные усилия по охране окружающей среды, в том числе реализация Тегеранской конвенции 2003 г. о защите морской среды Каспия²², становятся неотъемлемой частью региональной повестки. Сегодня, когда климатические изменения и гидрологические факторы ведут к устойчивому снижению уровня Каспийского моря, речь идет уже об общей угрозе для всего побережья: требуются согласованные меры адаптации — от координации управления речным стоком и защиты дельт до переосмысления планов развития прибрежной инфраструктуры. В этом контексте показателен призыв президента

²⁰ ADB supports CAREC countries in advancing the Caspian Green Energy Corridor Initiative // Central Asia Regional Economic Cooperation Program (CAREC). Available at: <https://carecprogram.org/?news=adb-supports-carec-countries-in-advancing-the-caspian-green-energy-corridor-initiative> (accessed: 10.12.2025).

²¹ Pokidaev D. *Op. cit.*

²² Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря — Тегеранская конвенция // Caspian Environmental Information Centre Portal. Available at: https://tehranconvention.org/system/files/web/tegeranskaya_konvenciya_rus_final_compressed.pdf (accessed: 10.12.2025).

СОР29 М. Бабаева провести специальный Каспийский саммит, посвященный экологическому кризису, и скоординировать усилия прибрежных государств, чтобы не повторить судьбу Аральского моря²³. Такой призыв апеллирует не только к экологической необходимости, но и к принципу справедливого распределения ответственности: только при объединении усилий всех пяти прикаспийских стран можно сохранить экосистему, границы которой не совпадают с государственными.

В целом кейс Прикаспийского региона показывает, что энергетическая справедливость в трансграничном контексте — это прежде всего вопрос баланса национальных интересов и коллективного блага. Регион, богатый ископаемыми ресурсами, вынужден трансформироваться под влиянием глобальных тенденций. Применение аналитической линзы энергетической справедливости позволяет подсветить новые важные элементы и аспекты этих трансформаций: необходимость гарантировать равный доступ к возможностям энергоперехода (технологиям, инвестициям), справедливое разделение новых выгод (например, доходов от экспорта зеленой энергии) и учет уязвимостей (как социально-экономических, так и экологических). Прикаспийское сотрудничество еще находится в развитии, но уже содержит зачатки подхода, при котором «никто не остается в стороне»: страны стремятся совместно решать как текущие вопросы (раздел ресурсов), так и новые вызовы (климат, переход). Этот опыт ценен тем, что проходит проверку реальностью: насколько договоренности воплотятся, покажет время, но сам факт диалога пяти порой очень разных режимов о справедливости и устойчивости — явление обнадеживающее.

* * *

Энергетическая справедливость превратилась в важнейшее направление в исследовании и формировании энергетической политики. Из узкого академического термина она выросла в концептуальную рамку, через которую оцениваются энергетические стратегии, проекты и реформы во всём мире. Три ключевых принципа — справедливое распределение благ и издержек, инклюзивные процедуры

²³ Президент СОР29 обнародовал приоритеты климатической повестки Азербайджана // *Turkic World*. 01.10.2025. Доступ: <https://turkic.world/ru/articles/society/420685> (дата обращения: 10.12.2025).

и уважение разнообразия (признание) — позволяют выявлять скрытые проблемы неравенства и исключения, которые традиционно игнорировались при технократическом подходе к энергетике. Включение справедливости в повестку дня меняет сами ориентиры энергетической политики: она уже не может ограничиваться задачами надежности и эффективности, но должна одновременно обеспечивать ее социальную и экологическую обоснованность.

Обзор литературы показал, что тематика энергетической справедливости охватывает широкий спектр вопросов — от энергетической бедности и доступности услуг до справедливого энергетического перехода. В развитых странах концепция помогла осмыслить проблему топливной бедности как нарушения базовых прав, требующего реакции государства. В развивающихся странах она поддержала аргументы в пользу всеобщего доступа к электроэнергии как вопроса глобальной справедливости. Наконец, в сфере развития энергетической инфраструктуры подход на основе справедливости показал, что навязывание проектов без участия общественности и без справедливого распределения выгод чревато конфликтами и ощущением несправедливости. Наоборот, справедливое распределение доходов, прозрачный диалог, учет интересов местных жителей могут повысить легитимность и устойчивость энергетических проектов. В эпоху борьбы с изменением климата концепция энергетической справедливости напоминает, что переход к чистой энергетике должен быть «переходом для всех», иначе он не будет устойчивым ни политически, ни социально.

Кейс Прикаспийского региона демонстрирует практическое измерение этих принципов в межгосударственной плоскости. Пять стран, связанные общим морем и ресурсами, исторически решали вопросы раздела нефтегазовых богатств — зачастую с определенными трудностями, но в итоге пришли к компромиссу (Конвенция 2018 г.). Теперь перед ними стоят новые испытания: перестроить свои энергетические экономики в сторону низкоуглеродного развития, не допустить экологической катастрофы в условиях падения уровня Каспия и извлечь выгоду из новых возможностей сотрудничества. Их опыт наглядно показывает, что справедливость и устойчивость взаимосвязаны. Без справедливого учета интересов всех сторон невозможно согласие ни на локальном уровне (между гражданами и государством), ни на региональном (между государствами). Проекты типа зеленого коридора через Каспий сочетают экономическую

выгоду с экологической и отражают солидарность нескольких стран в достижении общих целей. В то же время сохраняется риск, что часть акторов останутся в стороне, а это уже вызов справедливости, который предстоит решать посредством расширения сотрудничества.

Можно выделить несколько перспективных направлений дальнейшей разработки проблематики энергетической справедливости, которые приобретают особую актуальность в современных условиях. Во-первых, необходимо продолжать междисциплинарные исследования, связывающие технические аспекты энергетики с социальными на локальном и глобальном уровнях. Во-вторых, следует разрабатывать метрики и индикаторы энергетической справедливости, пригодные для оценки реальных политик (например, индекс энергетической бедности, критерии участия граждан). В-третьих, важен обмен лучшими практиками: как разные страны интегрируют принципы справедливости, будь то программы тарифной поддержки, механизмы справедливого распределения ренты от добычи или процедуры FPIC с коренными народами. Наконец, выработка международных норм — по сути, формирование «этики энергетической политики» — могла бы помочь странам выстраивать свои стратегии с учетом универсальных критериев справедливости. Это особенно значимо сейчас, когда глобальное энергетическое сообщество переживает беспрецедентный сдвиг к декарбонизации: будет ли он справедливым, во многом зависит от того, насколько глубоко идеи энергетической справедливости проникнут в сознание политиков и общества.

В заключение можно утверждать, что энергетическая справедливость — не абстрактный идеал, а необходимое условие устойчивого развития. Энергетические системы, построенные на принципах справедливости, обладают большим доверием общества, меньшим конфликтным потенциалом и лучшей способностью адаптироваться к переменам. Напротив, игнорирование вопросов справедливости чревато не только моральными издержками, но и прямыми экономическими и политическими потерями — от массовых протестов до замороженных проектов. Как показывают исследования и примеры, справедливость в энергетике — это инвестиция в стабильное будущее. Прикаспийский регион, активно адаптирующийся к новой эре зеленых возможностей, иллюстрирует этот урок. Дальнейшее распространение и углубление принципов энергетической справед-

ливости во всём мире позволят сделать глобальный энергопереход более инклюзивным, а энергетику — более гуманной и ответственной сферой человеческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казначеев Н.Л. Обзор ключевых концепций устойчивой энергетики // Россия молодая: Сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. К.С. Костиков. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, 2022. С. 21408.1–21408.6.
2. Краснопёрова А.Б. Принципы энергетической справедливости // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 2461–2480. DOI: 10.18334/vines.13.4.119733.
3. Малышева Д.Б. Международный транспортный коридор «Север–Юг» и страны Центральной Азии // Ближний и постсоветский Восток. 2024. № 4 (8). С. 7–21. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01.
4. Попова И.М. Трансформация повестки справедливого перехода в повестке «Группы двадцати» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 139–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-08.
5. Хабриева Т.Я., Курбанов Р.А. Правовые основы и интеграционные тенденции в Каспийском регионе. Каспийская пятерка: история и перспективы // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 118–130. DOI: 10.12737/jrl.2021.103.
6. Agyeman J., Bullard R.D., Evans B. Exploring the nexus: Bringing together sustainability, environmental justice and equity // Space and Polity. 2002. Vol. 6. No. 1. P. 77–90. DOI: 10.1080/13562570220137907.
7. Agyeman J., Schlosberg D., Craven L., Matthews C. Trends and directions in environmental justice: From inequity to everyday life, community, and just sustainabilities // Annual Review of Environment and Resources. 2016. Vol. 41. P. 321–340. DOI: 10.1146/annurev-enviro-110615-090052.
8. Arnstein Sh.R. A ladder of citizen participation // Journal of the American Institute of Planners (JAIP). 1969. Vol. 35. No. 4. P. 216–224.
9. Batel S., Devine-Wright P. Energy colonialism and the role of the global in local responses to new energy infrastructures in the UK: A critical and exploratory empirical analysis // Antipode. 2017. Vol. 49. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1111/anti.12261.
10. Bickerstaff K., Walker G., Bulkeley H. Introduction: Making sense of energy justice // Energy justice in a changing climate: Social equity and low-carbon energy / Ed. by K. Bickerstaff, G. Walker, H. Bulkeley. London: Zed Books, 2013. P. 1–13.

11. Boardman B. Fixing fuel poverty: Challenges and solutions. London: Earthscan, 2010.
12. Boardman B. From cold homes to affordable warmth. London: Belhaven Press, 1991.
13. Bouzarovski S. Energy poverty in the European Union: Landscapes of vulnerability // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment*. 2014. Vol. 3. No. 3. P. 276–289. DOI: 10.1002/wene.89.
14. Bouzarovski S., Petrova S. A global perspective on domestic energy deprivation: Overcoming the energy poverty — fuel poverty binary // *Energy Research & Social Science*. 2015. Vol. 10. P. 31–40. DOI: 10.1016/j.erss.2015.06.007.
15. Bullard R.D. Dismantling environmental racism in the USA // *Local Environment*. 1999. Vol. 4. No. 1. P. 5–19. DOI: 10.1080/13549839908725577.
16. Byrne J., Portanger Ch. Climate change, energy policy and justice: A systematic review // *Analyse & Kritik*. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 315–344. DOI: 10.1515/auk-2014-0207.
17. Carruthers D.V. Environmental justice and the politics of energy on the US–Mexico border // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16. No. 3. P. 394–413. DOI: 10.1080/09644010701251649.
18. Clancy J., Ummer F., Shakya I., Kelkar G. Appropriate gender-analysis tools for unpacking the gender-energy-poverty nexus // *Gender & Development*. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 241–257. DOI: 10.1080/13552070701391102.
19. Cowell R., Bristow G., Munday M. Acceptance, acceptability and environmental justice: The role of community benefits in wind energy development // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2011. Vol. 54. No. 4. P. 539–557. DOI: 10.1080/09640568.2010.521047.
20. Endres D. From wasteland to waste site: The role of discourse in nuclear power's environmental injustices // *Local Environment*. 2009. Vol. 14. No. 10. P. 917–937. DOI: 10.1080/13549830903244409.
21. Fiorino D.J. Citizen participation and environmental risk: A survey of institutional mechanisms // *Science, Technology and Human Values*. 1990. Vol. 15. No. 2. P. 226–243. DOI: 10.1177/016224399001500204.
22. Fraser N. Justice interruptus: Critical reflections on the «postsocialist» condition. New York: Routledge, 1997.
23. Gerring J. Case study research: Principles and practices. New York: Cambridge University Press, 2006.
24. Healy N., Barry J. Politicizing energy justice and energy system transitions: Fossil fuel divestment and a «just transition» // *Energy Policy*. 2017. Vol. 108. P. 451–459. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.06.014.
25. Healy N., Stephens J.C., Malin S.A. Embodied energy injustices: Unveiling and politicizing the transboundary harms of fossil fuel extractivism and fossil fuel supply chains // *Energy Research & Social Science*. 2019. Vol. 48. P. 219–234. DOI: 10.1016/j.erss.2018.09.016.

26. Jenkins K., McCauley D., Heffron R. et al. Energy justice: A conceptual review // *Energy Research & Social Science*. 2016. Vol. 11. P. 174–182. DOI: 10.1016/j.erss.2015.10.004.

27. Kowsari R., Zerriffi H. Three dimensional energy profile: A conceptual framework for assessing household energy use // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. No. 12. P. 7505–7517. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.06.030. Accessed 20 March.

28. McCauley D. *Energy justice: Re-balancing the trilemma of security, poverty and climate change*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

29. Middlemiss L., Gillard R. Fuel poverty from the bottom-up: Characterising household energy vulnerability through the lived experience of the fuel poor // *Energy Research & Social Science*. 2015. Vol. 6. P. 146–154. DOI: 10.1016/j.erss.2015.02.001.

30. Newell P., Bulkeley H., Turner K. et al. Governance traps in climate change politics: Re-framing the debate in terms of responsibilities and rights // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2015. Vol. 6. No. 6. P. 535–540. DOI: 10.1002/wcc.356.

31. Newell P., Mulvaney D. The political economy of the «just transition» // *The Geographical Journal*. 2013. Vol. 179. No. 2. P. 132–140. DOI: 10.1111/geoj.12008.

32. Nicholls L., Strengers Y. Heatwaves, cooling and young children at home: Integrating energy and health objectives // *Energy Research & Social Science*. 2018. Vol. 39. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.erss.2017.10.002.

33. Pachauri S., Spreng D. Measuring and monitoring energy poverty // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. No. 12. P. 7497–7504. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.008.

34. Petts J., Herd A., Gerrard S., Horne C. The climate and culture of environmental compliance within SMEs // *Business Strategy and the Environment*. 1999. Vol. 8. No. 1. P. 14–30. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0836\(199901/02\)8:1%3C14::AID-BSE175%3E3.0.CO;2-4](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0836(199901/02)8:1%3C14::AID-BSE175%3E3.0.CO;2-4).

35. Rawls J. *A theory of justice*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

36. Schlosberg D. Reconceiving environmental justice: Global movements and political theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13. No. 3. P. 517–540. DOI: 10.1080/0964401042000229025.

37. Schlosberg D. Theorising environmental justice: The expanding sphere of a discourse // *Environmental Politics*. 2013. Vol. 22. No. 1. P. 37–55. DOI: 10.1080/09644016.2013.755387.

38. Sikor T., Newell P. Globalizing environmental justice? // *Geoforum*. 2014. Vol. 54. P. 151–157. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.04.009.

39. Silva Ontiveros L., Munro P.G., Lourdes Melo Zurita M. *Proyectos de Muerte: Energy justice conflicts on Mexico's unconventional gas frontier* // *The Extractive Industries and Society*. 2018. Vol. 5. No. 4. P. 481–489. DOI: 10.1016/j.exis.2018.06.010.

40. Sovacool B.K., Dworkin M.H. Energy justice: Conceptual insights and practical applications // *Applied Energy*. 2015. Vol. 142. P. 435–444. DOI: 10.1016/j.apenergy.2015.01.002.

41. Sovacool B.K., Heffron R.J., McCauley D., Goldthau A. Energy decisions reframed as justice and ethical concerns // *Nature Energy*. 2016. Vol. 1. No. 5. P. 1–6. DOI: 10.1038/nenergy.2016.24.

42. Sze J., London J.K. Environmental justice at the crossroads // *Sociology Compass*. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 1331–1354. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00131.x.

43. Taylor D.E. The rise of the environmental justice paradigm // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 43. No. 4. P. 508–580. DOI: 10.1177/0002764200043004003.

44. Walker G. Globalizing environmental justice: The geography and politics of frame contextualization and evolution // *Global Social Policy*. 2009. Vol. 9. No. (3). P. 355–382. DOI: 10.1177/1468018109343640.

45. Walker G., Day R. Fuel poverty as injustice: Integrating distribution, recognition and procedure in the struggle for affordable warmth // *Energy Policy*. 2012. Vol. 49. P. 69–75. DOI: 10.1016/j.enpol.2012.01.044.

46. Walker G., Devine-Wright P. Community renewable energy: What should it mean? // *Energy Policy*. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 497–500. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.10.019.

47. Watts M. Resource curse? Governmentality, oil and power in the Niger Delta, Nigeria // *Geopolitics*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 50–80. DOI: 10.1080/14650040412331307832.

48. Yenneti K., Day R., Golubchikov O. Spatial justice and the land politics of renewables: Dispossession vulnerable communities through solar energy mega-projects // *Geoforum*. 2016. Vol. 76. P. 90–99. DOI: 10.1016/j.geoforum.2016.09.004.

49. Young J. *Post environmentalism*. London: Belhaven Press, 1990.

REFERENCES

1. Kaznacheev N.L. 2022. Obzor klyuchevykh kontseptsii ustoychivoi energetiki [Overview of key sustainable energy concepts]. In: Kostikov K.S. (ed.). *Rossiya molodaya: Sbornik materialov XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Young Russia: Proceedings of the 14th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]. Kemerovo, Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni T.F. Gorbacheva Publ., pp. 21408.1–21408.6. (In Russ.)

2. Krasnoperova A.B. 2023. Printsipy energeticheskoi spravedlivosti [Energy justice principles]. *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 13, no. 4, pp. 2461–2480. DOI: 10.18334/vinec.13.4.119733. (In Russ.)

3. Malysheva D.B. 2024. Mezhdunarodnyi transportnyi koridor ‘Sever–Yug’ i strany Tsentral’noi Azii [North-South international transport corridor and

Central Asian countries]. *Blizhnii i postsovetetskii Vostok*, no. 4 (8), pp. 7–21. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01. (In Russ.)

4. Popova I.M. 2025. Transformatsiya povestki spravedlivogo perekhoda v povestke 'Gruppy dvadtsati' [The transformation of the G20' just transition agenda]. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 139–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-08. (In Russ.)

5. Khabrieva T.Ya., Kurbanov R.A. 2021. Pravovye osnovy i integratsionnye tendentsii v Kaspiiskom regione. Kaspiiskaya pyaterka: istoriya i perspektivy [Legal bases and integration trends in the Caspian region. The Caspian five: History and prospects]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 25, no. 8, pp. 118–130. DOI: 10.12737/jrl.2021.103. (In Russ.)

6. Agyeman J., Bullard R.D., Evans B. 2002. Exploring the nexus: Bringing together sustainability, environmental justice and equity. *Space and Polity*, vol. 6, no. 1, pp. 77–90. DOI: 10.1080/13562570220137907.

7. Agyeman J., Schlosberg D., Craven L., Matthews C. 2016. Trends and directions in environmental justice: From inequity to everyday life, community, and just sustainabilities. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 41, pp. 321–340. DOI: 10.1146/annurev-environ-110615-090052.

8. Arnstein Sh.R. 1969. A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners (JAIP)*, vol. 35, no. 4, pp. 216–224.

9. Batel S., Devine-Wright P. 2017. Energy colonialism and the role of the global in local responses to new energy infrastructures in the UK: A critical and exploratory empirical analysis. *Antipode*, vol. 49, no. 1, pp. 3–22. DOI: 10.1111/anti.12261.

10. Bickerstaff K., Walker G., Bulkeley H. 2013. Introduction: Making sense of energy justice. In: Bickerstaff K., Walker G., Bulkeley H. *Energy justice in a changing climate: Social equity and low-carbon energy*. London, Zed Books, pp. 1–13.

11. Boardman B. 2010. *Fixing fuel poverty: Challenges and solutions*. London, Earthscan.

12. Boardman B. 1991. *From cold homes to affordable warmth*. London, Belhaven Press.

13. Bouzarovski S. 2014. Energy poverty in the European Union: Landscapes of vulnerability. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment*, vol. 3, no. 3, pp. 276–289. DOI: 10.1002/wene.89.

14. Bouzarovski S., Petrova S. 2015. A global perspective on domestic energy deprivation: Overcoming the energy poverty — fuel poverty binary. *Energy Research & Social Science*, vol. 10, pp. 31–40. DOI: 10.1016/j.erss.2015.06.007.

15. Bullard R.D. 1999. Dismantling environmental racism in the USA. *Local Environment*, vol. 4, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.1080/13549839908725577.

16. Byrne J., Portanger Ch. 2014. Climate change, energy policy and justice: A systematic review. *Analyse & Kritik*, vol. 36, no. 2, pp. 315–344. DOI: 10.1515/auk-2014-0207.

17. Carruthers D.V. 2007. Environmental justice and the politics of energy on the US–Mexico border. *Environmental Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 394–413. DOI: 10.1080/09644010701251649.

18. Clancy J., Ummer F., Shakyia I., Kelkar G. 2007. Appropriate gender-analysis tools for unpacking the gender-energy-poverty nexus. *Gender & Development*, vol. 15, no. 2, pp. 241–257. DOI: 10.1080/13552070701391102.

19. Cowell R., Bristow G., Munday M. 2011. Acceptance, acceptability and environmental justice: The role of community benefits in wind energy development. *Journal of Environmental Planning and Management*, vol. 54, no. 4, pp. 539–557. DOI: 10.1080/09640568.2010.521047.

20. Endres D. 2009. From wasteland to waste site: The role of discourse in nuclear power's environmental injustices. *Local Environment*, vol. 14, no. 10, pp. 917–937. DOI: 10.1080/13549830903244409.

21. Fiorino D.J. 1990. Citizen participation and environmental risk: A survey of institutional mechanisms. *Science, Technology and Human Values*, vol. 15, no. 2, pp. 226–243. DOI: 10.1177/016224399001500204.

22. Fraser N. 1997. *Justice interruptus: Critical reflections on the 'postsocialist' condition*. New York, Routledge.

23. Gerring J. 2006. *Case study research: Principles and practices*. New York, Cambridge University Press.

24. Healy N., Barry J. 2017. Politicizing energy justice and energy system transitions: Fossil fuel divestment and a 'just transition'. *Energy Policy*, vol. 108, pp. 451–459. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.06.014.

25. Healy N., Stephens J.C., Malin S.A. 2019. Embodied energy injustices: Unveiling and politicizing the transboundary harms of fossil fuel extractivism and fossil fuel supply chains. *Energy Research & Social Science*, vol. 48, pp. 219–234. DOI: 10.1016/j.erss.2018.09.016.

26. Jenkins K., McCauley D., Heffron R. et al. 2016. Energy justice: A conceptual review. *Energy Research & Social Science*, vol. 11, pp. 174–182. DOI: 10.1016/j.erss.2015.10.004.

27. Kowsari R., Zerriffi H. 2011. Three dimensional energy profile: A conceptual framework for assessing household energy use. *Energy Policy*, vol. 39, no. 12, pp. 7505–7517. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.06.030. Accessed 20 March

28. McCauley D. 2018. *Energy justice: Re-balancing the trilemma of security, poverty and climate change*. Cham, Palgrave Macmillan.

29. Middlemiss L., Gillard R. 2015. Fuel poverty from the bottom-up: Characterising household energy vulnerability through the lived experience of the fuel poor. *Energy Research & Social Science*, vol. 6, pp. 146–154. DOI: 10.1016/j.erss.2015.02.001.

30. Newell P., Bulkeley H., Turner K. et al. 2015. Governance traps in climate change politics: Re-framing the debate in terms of responsibilities and rights.

Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change, vol. 6, no. 6, pp. 535–540. DOI: 10.1002/wcc.356.

31. Newell P., Mulvaney D. 2013. The political economy of the ‘just transition’. *The Geographical Journal*, vol. 179, no. 2, pp. 132–140. DOI: 10.1111/geoj.12008.

32. Nicholls L., Strengers Y. 2018. Heatwaves, cooling and young children at home: Integrating energy and health objectives. *Energy Research & Social Science*, vol. 39, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.erss.2017.10.002.

33. Pachauri S., Spreng D. 2011. Measuring and monitoring energy poverty. *Energy Policy*, vol. 39, no. 12, pp. 7497–7504. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.008.

34. Petts J., Herd A., Gerrard S., Horne C. 1999. The climate and culture of environmental compliance within SMEs. *Business Strategy and the Environment*, vol. 8, no. 1, pp. 14–30. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0836(199901/02)8:1%3C14::AID-BSE175%3E3.0.CO;2-4.

35. Rawls J. 1971. *A theory of justice*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.

36. Schlosberg D. 2004. Reconceiving environmental justice: Global movements and political theories. *Environmental Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 517–540. DOI: 10.1080/0964401042000229025.

37. Schlosberg D. 2013. Theorising environmental justice: The expanding sphere of a discourse. *Environmental Politics*, vol. 22, no. 1, pp. 37–55. DOI: 10.1080/09644016.2013.755387.

38. Sikor T., Newell P. 2014. Globalizing environmental justice? *Geoforum*, vol. 54, pp. 151–157. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.04.009.

39. Silva Ontiveros L., Munro P.G., Lourdes Melo Zurita M. 2018. Proyectos de Muerte: Energy justice conflicts on Mexico’s unconventional gas frontier. *The Extractive Industries and Society*, vol. 5, no. 4, pp. 481–489. DOI: 10.1016/j.exis.2018.06.010.

40. Sovacool B.K., Dworkin M.H. 2015. Energy justice: Conceptual insights and practical applications. *Applied Energy*, vol. 142, pp. 435–444. DOI: 10.1016/j.apenergy.2015.01.002.

41. Sovacool B.K., Heffron R.J., McCauley D., Goldthau A. 2016. Energy decisions reframed as justice and ethical concerns. *Nature Energy*, vol. 1, no. 5, pp. 1–6. DOI: 10.1038/nenergy.2016.24.

42. Sze J., London J.K. 2008. Environmental justice at the crossroads. *Sociology Compass*, vol. 2, no. 4, pp. 1331–1354. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00131.x.

43. Taylor D.E. 2000. The rise of the environmental justice paradigm. *American Behavioral Scientist*, vol. 43, no. 4, pp. 508–580. DOI: 10.1177/0002764200043004003.

44. Walker G. 2009. Globalizing environmental justice: The geography and politics of frame contextualization and evolution. *Global Social Policy*, vol. 9, no. (3), pp. 355–382. DOI: 10.1177/1468018109343640.

45. Walker G., Day R. 2012. Fuel poverty as injustice: Integrating distribution, recognition and procedure in the struggle for affordable warmth. *Energy Policy*, vol. 49, pp. 69–75. DOI: 10.1016/j.enpol.2012.01.044.

46. Walker G., Devine-Wright P. 2008. Community renewable energy: What should it mean? *Energy Policy*, vol. 36, no. 2, pp. 497–500. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.10.019.

47. Watts M. 2004. Resource curse? Governmentality, oil and power in the Niger Delta, Nigeria. *Geopolitics*, vol. 9, no. 1, pp. 50–80. DOI: 10.1080/14650040412331307832.

48. Yenneti K., Day R., Golubchikov O. 2016. Spatial justice and the land politics of renewables: Dispossessing vulnerable communities through solar energy mega-projects. *Geoforum*, vol. 76, pp. 90–99. DOI: 10.1016/j.geoforum.2016.09.004.

49. Young J. 1990. *Post environmentalism*. London, Belhaven Press.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025;
принята к публикации 26.12.2025

The paper was submitted 03.11.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 26.12.2025

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-130-158

Научная статья / Research paper

Н.В. Гришин*

РЕКОМЕНДАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ: ПРИНУЖДЕНИЕ ИЛИ АВТОРИТЕТ?*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский государственный гуманитарный университет»
125047, Москва, пл. Миусская, 6, стр. 6*

После окончания холодной войны широкое распространение в академическом и политическом дискурсах получили рассуждения о моральном устаревании традиционных представлений о способах организации международных отношений. Одним из главных объектов критики со стороны развитых стран Запада и возглавляемых ими международных структур стал принцип государственного суверенитета. На волне этой критики появился и быстро укрепился институт рекомендаций международных наблюдателей на выборах в суверенных странах. Для того чтобы выявить специфику данного института как особого глобального феномена и на этой основе оценить перспективы его развития в обозримом будущем, автор предлагает рассмотреть его через линзы теории глобального управления М. Цюрна. В статье подробно освещен процесс становления и легитимации института электоральных рекомендаций как инструмента либеральной глобализации в 1990-е годы. Показано, что с самого начала практика электоральных рекомендаций стала бросать вызов принципу государственного суверенитета: ориентиром для западных наблюдателей были не международные договоры, а нормы, принятые наднациональными инстанциями самостоятельно, без утверждения представителями государств. С начала

* Гришин Николай Владимирович — доктор политических наук, профессор факультета политологии Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: nvgrishin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0850-7581).

** Исследование выполнено в РГГУ за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01061, <https://rscf.ru/project/24-28-01061>, «Управление инновациями в государственной электоральной политике».

2000-х годов всё большее количество стран стали выражать недовольство непрозрачностью деятельности западных наблюдательских миссий, безапелляционным характером их «рекомендаций», либо пытаясь предложить им различные альтернативы, либо попросту саботируя их выполнение. В ответ западные наблюдательские организации создали целую систему разнообразных механизмов для принуждения государств к имплементации их рекомендаций. В статье представлена оригинальная типология соответствующих инструментов, включающая механизмы политического, экономического и псевдоправового характера. Автор заключает, что все эти принудительные меры, однако, так и не смогли обеспечить эффективное исполнение государствами рекомендаций международных наблюдателей, вместо этого они лишь усугубили кризис данного института. Выход из этого кризиса возможен лишь через нахождение компромисса между государствами и транснациональными субъектами, однако позиция западных международных организаций пока не оставляет для такого компромисса никакого места.

Ключевые слова: наблюдение за выборами, международные наблюдатели, БДИПЧ, ОБСЕ, электоральные рекомендации, теория глобального управления, государственный суверенитет, принцип невмешательства

Для цитирования: Гришин Н.В. Рекомендации международных наблюдателей на выборах: принуждение или авторитет? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 130–158. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-130-158.

Nikolai V. Grishin

INTERNATIONAL ELECTION OBSERVER RECOMMENDATIONS: COERCION OR AUTHORITY?

*Russian State University for the Humanities (RSUH)
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125047*

Following the end of the Cold War, discussions about the moral obsolescence of traditional concepts regarding the organization of international relations became widespread in academic and political discourse. One of the main targets of criticism from developed Western countries and the Western-led international structures has been the principle of state sovereignty. In the wake of this criticism, the institution of international election observer recommendations emerged and quickly gained momentum. To identify the specifics of this institution as a distinct global phenomenon and, on this basis, assess the prospects for its de-

velopment in the foreseeable future, the author examines it through the lens of M. Zürn's theory of global governance. This article provides a detailed account of the development and legitimization of the institution of electoral recommendations as an instrument of liberal globalization in the 1990s. The author emphasizes that from the very beginning, the practice of electoral recommendations challenged the principle of state sovereignty: the benchmark for Western observers was not international treaties but norms adopted by supranational bodies independently, without approval by state representatives. Since the early 2000s, an increasing number of countries have begun to express dissatisfaction with the lack of transparency in the activities of Western observer missions and the peremptory nature of their 'recommendations,' either attempting to offer alternatives or simply sabotaging their implementation. In response, Western observer organizations created a diverse system of mechanisms to coerce states into implementing their commendations. This article provides an original typology of relevant instruments, including mechanisms of a political, economic, and pseudo-legal nature. The author concludes, however, that all these coercive measures have failed to ensure the effective implementation of international observers' recommendations by states; instead, they have only worsened the crisis of this institution. A way out of this crisis is possible only through a compromise between states and transnational actors, but the position of Western international organizations so far leaves no room for such a compromise.

Keywords: election observation, international observers, ODIHR, OSCE, electoral recommendations, theory of global governance, state sovereignty, principle of non-interference

About the author: *Nikolai V. Grishin* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Faculty of Political Science, Russian State University for the Humanities (e-mail: nvgrishin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0850-7581).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No.24-28-01061 (<https://rscf.ru/project/24-28-01061>).

For citation: Grishin N.V. 2025. International election observer recommendations: Coercion or authority? *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 130–158. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-130-158 (In Russ.)

Международное наблюдение за выборами в суверенных государствах, широко распространившееся после выборов в Никарагуа в 1990 г. [см. подробнее: Donno, 2013], пользуется повышенным вниманием исследователей по сей день [см., например: Kelley, 2012]. Однако на периферии научного интереса остается такой феномен, как рекомендации, содержащиеся в итоговых отчетах междуна-

родных наблюдателей. В практике западных наблюдательских организаций — ОБСЕ¹, ЕС, Организации американских государств (ОАГ), Содружества наций и т.д. — эти рекомендации приобрели специфическую форму и превратились в уникальный инструмент политического воздействия на большинство современных государств. Если в свое время факт появления международных наблюдателей на выборах в суверенных странах стал потрясением и поколебал устоявшиеся представления о государственном суверенитете [см. подробнее: Santa-Cruz, 2004], то институт электоральных рекомендаций в той форме, которую он приобрел в практике западных организаций, является еще более значительным вызовом национальным государствам.

В научной литературе проблематика рекомендаций международных наблюдателей на выборах нашла отражение только в середине 2010-х годов [см., например: Meilán, Tuccinardi, 2015; Davis-Roberts, Carroll, 2017; Lidauer et al., 2017]. В то время исследователи сосредоточились на частных практических вопросах, прежде всего — проблемах и конфликтах, связанных с исполнением указанных рекомендаций [см., например: Коргунюк, 2020]. До сих пор отсутствуют попытки их целостного рассмотрения как особого феномена. В тени внимания остаются вопросы о сущности, основаниях, условиях возникновения и перспективах данного института. Требуется научного изучения современный кризис рекомендаций наблюдателей на выборах, выражающийся в возросшем с середины 2000-х годов их неисполнении и оспаривании самого этого механизма со стороны ряда государств. Данная проблема напрямую затрагивает Российскую Федерацию, которая, начиная с выборов 1993 г., принимала западные наблюдательские миссии [см. подробнее: Гришин, 2021] и в рамках их работы получала электоральные рекомендации наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, а в настоящее время выступает ведущим оппонентом существующего в западных организациях подхода к указанному институту.

В данной статье предлагается исследование феномена рекомендаций международных наблюдателей на выборах как одного из глобальных институтов. Он рассматривается в той форме, которую он получил в работе западных наблюдательских организаций. В деятельности международных структур, не проводящих политику

¹ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — Прим. ред.

глобализации, таких как Содружество Независимых Государств (СНГ), Карибское сообщество (Caribbean Community, CARICOM), рекомендации международных наблюдателей имеют принципиально иной характер и статус, ограничены техническими вопросами, не претендуют на изменение национального законодательства и т.д.

Теоретической основой исследования является теория глобального управления немецкого политолога М. Цюрна, изложенная им в монографии и серии статей начиная с 2018 г. [Zürn, 2018] и получившая поддержку в академическом сообществе [см., например: Deitelhoff, Daase, 2021; Scholte, 2021]. Данная теория с ее особым акцентом на проблемах противостояния национальных государств и транснациональных акторов по поводу глобальных институтов, развитие которых приводит к усилению противоречий с национальными государствами, как представляется, обладает большим потенциалом с точки зрения объяснения логики эволюции и современного кризиса института рекомендаций международных наблюдателей.

Эмпирической основой исследования выступают результаты кросс-кейс анализа деятельности западных наблюдательских организаций со второй половины 1990-х годов и кабинетного анализа международных документов, посвященных вопросам имплементации рекомендаций международных наблюдателей на выборах.

Теоретическая рамка исследования

Представитель неолиберального институционализма в исследованиях международных отношений, немецкий ученый М. Цюрн разработал собственную теорию глобального управления, которая служит теоретической рамкой для интерпретации процессов распространения, легитимации, кризиса (оспаривания) и перспектив современных глобальных институтов. Одним из преимуществ данной теории является рассмотрение указанных институтов в контексте взаимоотношений между транснациональными акторами и государствами. М. Цюрн исходит из узкого толкования глобального управления и отмечает, что оно возникло не ранее 1990-х годов [Zürn, 2024: 260]. Большое значение для его теории имеет разделение международных и транснациональных субъектов: относительно взаимоотношений последних с государствами исследователь предлагает несколько объяснительных моделей. Изложенные далее положения теории глобального управления использованы нами для объяснения

современного кризиса института рекомендаций международных наблюдателей на выборах.

Предпосылками формирования системы глобального управления в рамках теории М. Цюрна считаются ценностное признание государствами глобального общего блага и их согласие ради его достижения наложить на себя обязательства, которые могут противоречить собственным заявленным национальным интересам [Zürn, 2018: 31]. Наличие этих условий лишает систему международных отношений анархии и создает международную иерархию.

В рамках данной теории власть транснациональных акторов имеет рефлексивный характер: она основана не на принуждении или убеждении, а на «почтении» (*deference*). Сторонники теории М. Цюрна подчеркивают, что государства рефлексивно подчиняются глобальным правилам, ограничивают свой суверенитет и накладывают на себя обязательства, поскольку «признают собственные ограничения для автономного понимания и решения глобальных проблем» [Fioretos, Tallberg, 2021: 105].

В системе глобального управления, по мнению М. Цюрна и его сторонников, осуществляются две формы власти: политическая и эпистемическая. Первая предполагает наличие формальных и принудительных полномочий и обычно относится к международным акторам. Вторая характерна для транснациональных акторов и основана на экспертных знаниях, репутации и моральном авторитете, а принятые ею решения (оценки, мнения, рекомендации) имеют силу потому, что воспринимаются как беспристрастные и объективные [см. подробнее: Pouliot, 2021]. Эпистемическая власть считается продуктом признания государствами того, что глобальные институты могут предложить более качественное решение общих проблем.

Для более сложных ситуаций М. Цюрн вводит понятие «политически назначенный эпистемический авторитет» (*politically assigned epistemic authority*, PAEA): субъекты, обладающие эпистемической властью, дополнительно получают от субъектов политической власти (обычно — международных межправительственных организаций) формальные полномочия (мандат) в определенных вопросах. Совмещение эпистемической и политической власти осложняет для данных субъектов задачу легитимации и повышает риски оспаривания их решений со стороны государств [Zürn, 2021: 198].

Несмотря на то что в основе системы глобального управления лежит принцип согласия государств, деятельность многосторонних

институтов систематически вступает с ним в противоречие и создает конфликты. Оспаривание глобальных институтов — одна из центральных тем теории М. Цюрна. Наиболее активные, или «растущие», государства, не входящие в «Большую семерку», всё чаще обвиняют институты глобального управления в обслуживании западных интересов. Исследователи отмечают, что это оспаривание имеет целью не отказ от данных институтов, а создание их новых форм, которые бы больше соответствовали интересам государств. Дж. Морс и Р. Кеохейн говорили об этом процессе как об «оспариваемой многосторонности» [Morse, Keohane, 2014: 392]. Развивая эти идеи, М. Цюрн вводит понятие «контринституционализация»: новые институты, предлагаемые оппонентами глобализма, могут как разрушать систему глобального управления, так и способствовать ее обновлению и укреплению [Zürn, 2018: 217]. С этой точки зрения кризис института рекомендаций международных наблюдателей на выборах можно рассматривать как яркий пример такого соперничества между национальными государствами и транснациональными акторами.

Возникновение и легитимация института рекомендаций международных наблюдателей на выборах

Международное наблюдение за выборами в суверенных государствах является феноменом, развитие которого было обусловлено локализованными во времени историческими обстоятельствами. До 1989 г. инициаторами приглашения наблюдателей на выборы были сами государства (с 1958 г. — Коста-Рика и Куба, в дальнейшем — другие страны Латинской Америки [см. подробнее: Vasciannie, 2018]), в то время как международные организации не проявляли к этому интереса. Только на рубеже 1980–1990-х годов, когда активными сторонниками международного наблюдения за выборами стали международные организации (с 1989 г. — ООН), эта практика получила стремительное распространение и легитимацию. На институт международного наблюдения были возложены важные задачи по обеспечению «демократического транзита» и интеграции западных стран в условиях перехода к однополярному миру. В связи с этим в 1990-е годы, во-первых, международное наблюдение за выборами не проводилось в странах «западной демократии», во-вторых, предполагалось, что оно не будет существовать долгое время и исчезнет [см. подробнее: Balian, 2001], когда поможет бывшим

социалистическим и некоторым иным государствам стать частью единого глобализованного мира. Принцип согласия государств соблюдался строго, хотя страны, в которых проводилось наблюдение, перестали быть главными инициаторами рассматриваемого института. В 1990 г. был принят первый заметный международный документ, в котором упоминалось международное наблюдение за выборами, — Копенгагенский документ СБСЕ².

К середине 1990-х годов этот институт приобрел дополнительный инструмент — итоговые рекомендации, которые миссии международных наблюдателей составляли в отношении конкретных стран пребывания. Этот инструмент стали использовать в западной глобалистской практике международного наблюдения за выборами, прежде всего ОБСЕ, ЕС, ОАГ, Содружество наций.

Рекомендации международных наблюдателей стали одним из ключевых инструментов либеральной глобализации: они могут охватывать неограниченный диапазон вопросов, касающихся организации и проведения выборов. Практически всегда предлагаются изменения нормативно-правовой базы. В 2012 г. эксперт Европарламента М. Уолли выяснил, что в 90% итоговых отчетов наблюдательских миссий ЕС содержались рекомендации по внесению изменений в законодательство суверенных государств [Wally, 2012], в том числе нередко и в конституцию страны.

Важно обратить внимание, на какие нормы ориентируются наблюдатели западных организаций при составлении своих рекомендаций. Во-первых, в руководствах для наблюдателей указано, что они должны оценивать выборы на соответствие не национальному законодательству, а международным нормам и стандартам³. Во-вторых, среди международных норм ориентиром для наблюдателей являются не международные договоры и иные документы, выработанные при участии представителей государств, а рекомендации, принятые наднациональными инстанциями самостоятельно. Так, наблюдатели оценивают выборы на соответствие документам Вене-

² Документ Копенгагенского совещания по конференции по человеческому измерению СБСЕ // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. 29.06.1990. Доступ: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/0/14305.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Руководство по наблюдению за разрешением избирательных споров. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 2020. Доступ: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/b/450319.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

цианской комиссии Совета Европы, Комитета по правам человека ООН и т.д., а также международным документам, не обладающим даже официальным статусом. В частности, ключевым ориентиром для западных наблюдателей является так называемая Декларация принципов международного наблюдения за выборами 2005 г.⁴, которая не была принята в официальном порядке: она была подписана в здании штаб-квартиры ООН руководителями ряда влиятельных международных организаций и не проходила утверждения со стороны полномочных представителей государств ни в одной из подписавших ее организаций. В стремлении к глобалистской унификации наблюдатели могут отрицать любые национальные особенности, даже если они прямо не противоречат либеральным нормам (например, настойчивые требования в адрес России убрать из бюллетеня графу «против всех»)⁵.

Количество рекомендаций, которые формулирует одна миссия, может быть значительным. Наибольшее число рекомендаций по итогам работы отдельных наблюдательских миссий было зафиксировано в 2011 г. в Нигерии (миссия ЕС — 50 рекомендаций) и в 2004 г. на Украине (миссия ОБСЕ — 49 рекомендаций). В 2012 г. органы ЕС установили лимит: количество рекомендаций по итогам работы одной миссии Евросоюза не должно превышать 30⁶. В наблюдательских миссиях ОБСЕ за 2024 г. наибольшее количество рекомендаций было представлено по итогам выборов в Азербайджане (32)⁷ и США (31)⁸.

⁴ Кофи Аннан от имени ООН принял Декларацию о принципах международного наблюдения за выборами // Организация Объединенных Наций. 27.10.2005. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2005/10/1077351> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ Российская Федерация, выборы в Государственную Думу, 7 декабря 2003 г.: отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 2004. С. 28. Доступ: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/d/21483.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ Special report No 22/2017: Election Observation Missions — Efforts made to follow up recommendations but better monitoring needed. Luxembourg: European Union, 2017. Available at: https://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR17_22/SR_ELECTION_OBS_EN.pdf (accessed: 10.11.2025).

⁷ Azerbaijan 2024 early presidential and parliamentary elections: ODIHR observation missions final reports // Organization for Security and Cooperation in Europe. 05.03.2025. Available at: <https://www.osce.org/odihr/elections/azerbaijan/586800> (accessed: 10.11.2025).

⁸ United States of America, general elections, 5 November, 2024: ODIHR Limited Election Observation Mission Final Report. Warsaw: Office for Democratic Institutions

Институт электоральных рекомендаций привел к перевороту в законодательном процессе современных государств. Поскольку в большинстве незападных стран наблюдатели регулярно присутствуют на выборах уже три десятилетия, на протяжении всего этого периода подлинными инициаторами и авторами многих изменений в национальном избирательном праве оказываются не депутаты парламента и не внутренние политические силы, а иностранные наблюдатели.

Государства не были инициаторами возникновения института рекомендаций наблюдателей на выборах. Этот институт получил оформление в работе транснационального субъекта — БДИПЧ ОБСЕ, которое обладает полной автономией от государств — участников ОБСЕ [см. подробнее: Борисов, Игнатов, 2011]. В терминах теории глобального управления БДИПЧ ОБСЕ возникло как типичный пример эпистемической власти. Провозглашая объективность, независимость и квалификацию своих экспертов, бюро претендовало на подготовку наиболее качественных рекомендаций, реализация которых должна была обеспечить достижение общего блага — успешных демократических преобразований в транзитивных странах. На встречах ОБСЕ и во время двусторонних контактов государства — участники организации, как правило, публично признавали авторитет экспертиз БДИПЧ ОБСЕ и демонстрировали готовность их выполнять [см. подробнее: Garavoglia, 2015]. Опыт большинства государств подтверждает, что власть международных организаций над ними имела рефлексивный характер и основывалась на «почтении». В международных документах высокое качество и необходимость исполнения рекомендаций наблюдателей декларируются безапелляционным образом⁹. Однако в случае всех западных организаций эпистемическому авторитету электоральных рекомендаций объективно вредят две серьезные проблемы: во-первых, подбор наблюдателей (составителей рекомендаций) не подчинен четким правилам и не является прозрачным, во-вторых,

and Human Rights, 2025. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/e/588772.pdf> (accessed: 10.11.2025).

⁹Руководящие принципы в отношении международно признанного статуса наблюдателей на выборах, Страсбург, 14 декабря 2009 г. // Совет Европы. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Доступ: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2009\)059-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)059-rus) (дата обращения: 10.11.2025).

наблюдатели проводят в стране пребывания весьма недолгий срок — не более нескольких недель.

Только в ОБСЕ были применены дополнительные механизмы обеспечения легитимности электоральных рекомендаций, которые в рамках теории глобального управления М. Цюрна можно трактовать как переход к модели «политически назначенного эпистемического авторитета». Директивные органы ОБСЕ неоднократно подтверждали полномочия БДИПЧ, в том числе в части института электоральных рекомендаций. В 1999 г. на VI саммите ОБСЕ в Стамбуле главы государств-участников приняли на себя беспрецедентное обязательство следовать рекомендациям международных наблюдателей: «...мы согласны незамедлительно реагировать на оценку выборов и рекомендации БДИПЧ»¹⁰. Косвенной формой признания государствами ОБСЕ института рекомендаций международных наблюдателей являются решения нескольких встреч Совета министров иностранных дел ОБСЕ: в частности, в 2006 г. в Брюсселе представители государств одобрили методику наблюдательской работы БДИПЧ (которая включает рекомендации наблюдателей в качестве составной части) и приняли решение, в котором бюро было поручено «и далее укреплять методику наблюдения и программы оказания помощи»¹¹.

Оспаривание и неисполнение электоральных рекомендаций

Период оспаривания со стороны ряда государств западной модели международного наблюдения за выборами, в частности института итоговых рекомендаций наблюдателей, начался в первое десятилетие XXI в. Наиболее активную политику в этом направлении проводят государства СНГ. С июля 2004 г. они представили в директивные органы ОБСЕ несколько проектов реформ наблюдательской деятельности. В 2007 г. семь стран СНГ разработали документ «Базовые принципы организации наблюдения за общенациональными выбо-

¹⁰ Стамбульский документ 1999 года. Стамбул, 1999. С. 14. Доступ: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/1/39573.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

¹¹ Заключительный документ четырнадцатой встречи Совета министров ОБСЕ в Брюсселе, 4–5 декабря 2006 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. 05.12.2006. Доступ: <https://www.osce.org/ru/mc/25070> (дата обращения: 10.11.2025).

рами по линии БДИПЧ ОБСЕ»¹², в котором, в частности, предложили изменить формат итоговых отчетов наблюдателей. Однако на XV встрече министров иностранных дел стран ОБСЕ в Мадриде этот документ даже не был принят к рассмотрению. Позицию Запада в отношении предложений государств СНГ лучше всего иллюстрируют слова, сказанные тогда заместителем госсекретаря США Н. Бернсом: «Мы не пойдем на компромисс и не отдадим ни миллиметра»¹³.

При этом институт рекомендаций международных наблюдателей на выборах в XXI в. всё чаще противоречит принципу согласия государств. На пространстве ОБСЕ представители Азербайджана, Беларуси, Российской Федерации, Турции неоднократно публично заявляли о своем несогласии с итоговыми докладами наблюдателей.

В этот же период по инициативе отдельных групп государств были созданы особые формы международного наблюдения за выборами, в которых итоговые политические рекомендации отсутствуют. По этому пути наиболее далеко продвинулись СНГ и Карибское сообщество, а также Африканский союз, в наблюдательских миссиях которого итоговые рекомендации отсутствовали до 2010 г. В наблюдательской работе СНГ с момента принятия Советом министров иностранных дел СНГ Положения о миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах (2004)¹⁴ политические итоговые рекомендации также отсутствуют [Ромашов и др., 2024: 38]. В частности, в декларации Межпарламентской ассамблеи СНГ «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах — участниках СНГ» (2008) говорится: «...итоговый отчет миссии международного наблюдения за выбора-

¹² Обращение Министров иностранных дел Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан к Совету министров иностранных дел Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в Брюсселе // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.11.2006. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1673748/ (дата обращения: 10.11.2025).

¹³ Госдеп: США не пойдут с Россией на компромисс по БДИПЧ // РБК. 29.11.2007. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/29/11/2007/5703ca149a79470eaf7680e7> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁴ Положение о Миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах, а также референдумах в государствах — участниках Содружества Независимых Государств, утв. Решением Совета министров иностранных дел СНГ от 26 марта 2004 г. // Кодекс. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901937360> (дата обращения: 10.11.2025).

ми <...> не должен содержать политических оценок, выводов, предложений и рекомендаций»¹⁵. В Карибском сообществе сложилась иная практика: итоговые рекомендации не являются публичными и доносятся только до органов власти принимающей страны и руководства международной организации; при этом последняя не пытается добиться реализации данных рекомендаций. Такие действия государств, оспаривающих практику электоральных рекомендаций, соответствуют логике теории глобального управления: правительства стремятся не к полному отказу от института рекомендаций, а к его изменению в своих интересах.

Казахстан является единственной страной, в законодательстве которой закреплено право государства определять формат приглашаемой миссии. В Конституционном законе № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» говорится, что в приглашениях участвовать в наблюдении за выборами, которые направляет МИД государства, «могут содержаться пожелания к численности и составу миссии, а также к обеспечению в миссии <...> странового представительства»¹⁶.

Основной же формой сопротивления западной модели международного наблюдения в последние годы стало систематическое неисполнение государствами электоральных рекомендаций. Как правило, страны получают большое количество рекомендаций регулярно после каждых выборов на протяжении значительного исторического периода, т.е. с конца XX в. Например, Армения получила к 2016 г. в общей сложности 250 рекомендаций¹⁷. Российская Федерация только по итогам шести федеральных избирательных

¹⁵ Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах — участниках Содружества Независимых Государств», Санкт-Петербург, 25 ноября 2008 г. // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. Доступ: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/368.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁶ Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2024 г.) // Юрист. Доступ: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004029 (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁷ Conference on 'Follow-up to the Recommendations of International Election Observation Missions in Armenia' // Council of Europe. 14.02.2017. Available at: <https://www.coe.int/en/web/electoral-assistance/-/conference-on-follow-up-to-the-recommendations-of-international-election-observation-missions-in-armenia-> (accessed: 10.11.2025).

кампаний 2004–2016 гг. получила от наблюдателей БДИПЧ ОБСЕ 139 рекомендаций¹⁸. Такая ситуация типична для большинства незападных стран, допустивших в конце XX в. международных наблюдателей, и может иметь только два варианта развития событий.

В первом случае государство стремится исполнять все рекомендации (что практически невозможно), и этот путь приводит к тому, что оно полностью делегирует свой суверенитет в сфере избирательного права. На протяжении десятилетий национальных законодателей обременяют работой по имплементации рекомендаций, что может грозить утратой собственной инициативы и субъектности в данных вопросах. Выйти из этого состояния невозможно. В 1990-е годы предполагалось, что практика международного наблюдения за выборами не продлится долго [Гришин, Линдерс, 2024: 133] и «транзитивные» страны за определенный срок проведут необходимые реформы и перейдут в состояние, которое не будет требовать дальнейшей корректировки со стороны внешних сил [Balian, 2001: 201]. Однако на следующих выборах рекомендаций, как правило, не становится меньше. С этой ситуацией раньше всех столкнулись государства Восточной Европы, которые из-за своего стремления в ЕС пытались исполнять все рекомендации. В этих странах высказывают недоумение, в частности, в связи с тем, что новые наблюдательские миссии зачастую рекомендуют менять те электоральные нормы, которые раньше претензий не вызывали [см. подробнее: Hyde, 2011].

Во втором случае, если государство не реализует большинство рекомендаций (эта ситуация встречается чаще всего), после нескольких электоральных циклов происходит накопление огромного количества невыполненных рекомендаций. Они не имеют «срока давности», озвучены публично, и международные организации повторяют их или призывают к их исполнению в последующих миссиях [Морозова, 2021: 81].

Во многих странах мира огромного масштаба достигают как доля, так и абсолютное число невыполненных рекомендаций. По данным на 2020 г., в Кении, Гане, Уганде, Нигерии и Сьерра-Леоне только 14% рекомендаций было выполнено полностью, 20% — частично [Dodsworth et al., 2020: 8]. Танзанийский ученый Р. Генри выявил,

¹⁸ Implementation of OSCE/ODIHR recommendations to Russia following 2003–2018 federal elections // Russian Election Monitor. June 2021. Available at: <https://www.russian-election-monitor.org/implementation-of-osce-odihr-recommendations.html> (accessed: 10.11.2025).

что в Уганде за период 2006–2021 гг. полностью было выполнено 5% и частично — 17% рекомендаций [Henry, 2023]. По данным на 2024 г., из всех электоральных рекомендаций, сформулированных миссиями ЕС в Африке, полностью или частично было выполнено 13%¹⁹. Аналогичная ситуация сложилась и в других незападных странах. В Армении, например, к 2017 г. было выполнено около 30% полученных за всё время электоральных рекомендаций²⁰. В России к 2021 г. этот показатель составил около 10% общего количества рекомендаций, вынесенных БДИПЧ ОБСЕ с 2004 по 2016 г.²¹ В абсолютных числах общее количество невыполненных электоральных рекомендаций, полученных за три десятилетия, составило в России к 2023 г. — 125 (только из тех, которые были получены за период 2004–2016 гг.), в Армении к 2016 г. — более 170 и т.д.

Подобно тому, как западные наблюдательские организации не допускают государства до обсуждения формата международного наблюдения и итоговых рекомендаций, столь же бескомпромиссную политику они проводят относительно имплементации рекомендаций. Как заявил в 2009 г. один из руководителей ОБСЕ П. Айшер, «одним из самых серьезных недостатков наблюдения за выборами является отсутствие систематических и эффективных мер по выполнению рекомендаций миссий по наблюдению за выборами» [Eicher, 2009: 269]. На рубеже 2000–2010-х годов западные наблюдательские организации развернули активную работу по созданию новых инструментов принуждения государств к исполнению электоральных рекомендаций.

ОБСЕ в 2017 г. издала первый в мире специальный методический документ по обеспечению выполнения рекомендаций международных наблюдателей — «Руководство по использованию рекомендаций, касающихся выборов», в котором отразила недопустимость ситуации, когда следование рекомендациям оставлено на усмотрение

¹⁹ The action for a holistic electoral approach for democracy (AHEAD) // European Partnership for Democracy. Available at: <https://epd.eu/content/uploads/2024/07/AHEAD-Approach-Brochure.pdf> (accessed: 10.11.2025).

²⁰ Conference on 'Follow-up to the Recommendations of International Election Observation Missions in Armenia'...

²¹ Implementation of OSCE/ODIHR recommendations to Russia following 2003–2018 federal elections...

национальных правительств²². В Евросоюзе задача «обеспечить эффективное выполнение рекомендаций <...> наблюдательских миссий ЕС, а также отчетов других субъектов наблюдения за выборами (БДИПЧ/ОБСЕ)» фигурирует в Плане действий ЕС по правам человека и демократии с 2012 г.²³ Соответствующая работа возлагается на определенные транснациональные бюрократические структуры; в ОАГ за это направление отвечает Департамент электорального сотрудничества и наблюдения, в Африканском союзе — Отдел демократии и содействия выборам (с 2013 г.).

Борьба международных организаций за сохранение института: механизмы обеспечения имплементации электоральных рекомендаций

В ответ на кризис института электоральных рекомендаций ведущие западные наблюдательские организации создали систему разнообразных механизмов для принуждения государств к их имплементации. На основании эмпирического кросс-кейс анализа нами была разработана типология механизмов, которые применяют западные наблюдательские организации для обеспечения исполнения рекомендаций. Источником для проведения кросс-кейс анализа стали отчеты наблюдательских миссий, аналитические издания ведущих западных наблюдательских организаций за период с конца 1990-х годов. Многообразие инструментов включает политические механизмы, механизмы экономического и псевдоправового принуждения со стороны транснациональных субъектов.

1. Политические механизмы.

1.1. Международные миссии по контролю над исполнением рекомендаций.

ЕС стал первооткрывателем специфического инструмента воздействия на правительства — направления в государства отдельных миссий (через несколько месяцев или 1–2 года после выборов) для обсуждения проблем имплементации рекомендаций. Такие визиты

²² Руководство по использованию рекомендаций, касающихся выборов. Варшава, БДИПЧ ОБСЕ, 2017. Доступ: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/f/361966.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

²³ EU adopts Strategic Framework on Human Rights and Democracy // Council of the European Union. 25.06.2012. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11737-2012-INIT/en/pdf> (accessed: 10.11.2025).

называются миссиями по контролю над выполнением электоральных рекомендаций (*election follow-up missions*, EFMс).

О необходимости создания нового типа миссий, которые дополняли бы работу миссий по наблюдению за выборами, впервые было сказано в 2008 г. в докладе Комитета по иностранным делам Европейского парламента «О миссиях ЕС по наблюдению за выборами: цели, практика и будущие вызовы»: «Процесс разработки правовой основы выборов или процесса регистрации избирателей, а также системы избирательных споров не всегда может быть полностью охвачен миссией по наблюдению за выборами, развернутой примерно на три месяца. Для решения этой проблемы <...> следует установить стандартную процедуру реагирования путем развертывания специализированных миссий для анализа этих конкретных аспектов избирательного процесса»²⁴.

Первая миссия ЕС такого рода состоялась в 2012 г. в Малави. С этого момента ЕС направляет в год несколько таких миссий; в 2024 г. они были направлены в четыре страны (Гамбия, Замбия, Перу, Сан-Томе и Принсипи)²⁵.

Такие миссии имеют достаточно высокий статус: их всегда возглавляет руководитель предшествующей миссии по наблюдению за выборами (депутат Европарламента), а сопровождают официальные представители Европейской службы внешних связей ЕС, иногда — также Европейской комиссии. В документах Евросоюза указано, что основная задача таких миссий — «оценить выполнение рекомендаций, сделанных предшествующей миссией ЕС по наблюдению за выборами»²⁶. Миссии контроля над выполнением электоральных рекомендаций могут предложить новые дополнительные рекомендации, основываясь на достигнутом прогрессе и возникших сложностях. По итогам работы этой миссии издается финальный отчет. Средний бюджет одной миссии ЕС по контролю над выполнением

²⁴ Keyser De V., Sánchez-Neyra J.I.S. Report on EU election observation missions: Objectives, practices and future challenges // The European Parliament. 09.04.2008. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-6-2008-0138_EN.pdf (accessed: 10.11.2025).

²⁵ Factsheet — EU election follow-up missions (EFMs) // The Diplomatic Service of the European Union. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_efm_factsheet.pdf (accessed: 10.11.2025).

²⁶ Special report No 22/2017: Election Observation Missions — Efforts made to follow up recommendations but better monitoring needed...

электоральных рекомендаций составлял в период 2015–2017 гг. около 100 тыс. евро²⁷.

Показательным примером, иллюстрирующим, что рекомендации западных наблюдателей зачастую вообще не имеют внутренней поддержки в стране, является миссия, которая была направлена в Гану в 2023 г. в связи с тем, что ни одна из 18 рекомендаций, сформулированных наблюдателями после выборов 2020 г., не была выполнена. Миссию возглавлял депутат Европарламента Х. Нарт (Испания), который в 2020 г. возглавлял миссию наблюдателей. Продолжительность пребывания миссии составила 26 дней. В своем итоговом докладе она признала, что в стране «отсутствует политическая воля» в отношении исполнения хотя бы одной из 18 рекомендаций²⁸.

1.2. Специальные проекты по обеспечению исполнения рекомендаций.

Еще один инструмент, который возник в 2010-е годы, — это создаваемые по инициативе наблюдательских организаций большие средне- и долгосрочные проекты, специально предназначенные для обеспечения исполнения электоральных рекомендаций. Так, в 2017–2025 гг. БДИПЧ ОБСЕ реализовало первый такой проект — «Поддержка выборов на Западных Балканах» (на территории Албании, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, Сербии и Черногории). Общее финансирование проекта (3,6 млн евро) обеспечили ЕС и Агентство развития Австрии, на финальной стадии — также Германия, Норвегия и Франция. В рамках этого проекта, в частности, были проведены конференции, встречи экспертов ОБСЕ с представителями рабочих групп, занимающихся реформированием избирательных законов, состоялись публичные семинары²⁹.

ЕС запустил первый аналогичный крупный проект в 2024 г., ориентированный на обеспечение своих рекомендаций в африканских странах, — «AHEAD (The Action for a Holistic Electoral Approach for Democracy)»³⁰. Однако будущее этого проекта, запланированного

²⁷ Ibidem.

²⁸ European Union Election Follow-up Mission to Ghana 2023: Final report // Election Observation and Democracy Support. Available at: <https://www.eods.eu/library/EU%20EFM%20GHA%202023%20FR.pdf> (accessed: 10.11.2025).

²⁹ News on support to elections in the Western Balkans project // Organization for Security and Cooperation in Europe. Available at: <https://www.osce.org/odihr/elections/387146> (accessed: 10.11.2025).

³⁰ The action for a holistic electoral approach for democracy (AHEAD)...

на период до 2027 г., оказалось под вопросом, поскольку одним из основных его спонсоров было Агентство США по международному развитию (USAID), чья деятельность была подвергнута реформированию по инициативе второй администрации Д. Трампа.

ООН предложила несколько иной формат этого инструмента: в 2023 г. по инициативе ПРООН в Замбии была создана межведомственная рабочая группа (Inter-Agency Working Group, IAWG) исключительно по вопросам имплементации рекомендаций наблюдательских миссий. При этом официально документ о создании этой структуры подписал министр юстиции страны, в связи с чем ее можно рассматривать и как внутренний инструмент³¹.

Помимо таких крупных специальных проектов наблюдательские организации практикуют и более рутинные формы. Например, Европарламент использует так называемый парламентский электоральный диалог (*parliamentary electoral dialogue*) — серию круглых столов с участием местных и европейских экспертов. БДИПЧ ОБСЕ после выборов часто организует «технические экспертизы» — аналогичные мероприятия с представителями государственных органов, политических партий и гражданского общества (в 2018 г. они были проведены в 18 странах)³².

2. Механизмы экономического принуждения.

2.1. Увязывание предоставления западной экономической помощи с исполнением электоральных рекомендаций.

ЕС как один из ведущих субъектов выделения международной экономической помощи развивающимся странам в 2010-е годы стал обуславливать ее предоставление исполнением этими странами рекомендаций наблюдателей. В отдельных случаях условия предоставления помощи со стороны ЕС зависят от RMF-профиля государства (Risk Management Framework), в который включается информация о выполнении международных электоральных рекомендаций. При

³¹ Making election observation recommendations count: UNDP support to the Inter Agency Working Group // United Nations Development Programme. 09.08.2023. Available at: <https://www.undp.org/zambia/news/making-election-observation-recommendations-count-undp-support-inter-agency-working-group> (accessed: 10.11.2025).

³² Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Годовой отчет 2018. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 2019. Доступ: https://www.osce.org/files/f/documents/8/0/431876_0.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

этом Брюссель оценивает исполнение рекомендаций наблюдательских миссий не только ЕС, но и БДИПЧ ОБСЕ.

Такой метод бюджетной помощи со стороны Евросоюза, как контракт секторальной реформы (Sector Reform Contract, SRC), был использован в Кыргызстане в 2015 г. для поддержки избирательной реформы и реализации таких конкретных рекомендаций наблюдателей, как внедрение новых технологий голосования, улучшение системы биометрической регистрации и идентификации избирателей и т.д.³³ Если в странах не выполняются рекомендации наблюдательских миссий, ЕС ставит вопрос о прекращении экономической помощи, ссылаясь на международные документы в области прав человека, демократических принципов и верховенства закона [см. подробнее: Антюшин, 2021].

Прямая угроза экономических последствий высказана в «Руководстве по использованию рекомендаций», изданном БДИПЧ ОБСЕ в 2017 г.: «...невыполнение <...> может привести к сворачиванию сотрудничества <...> в области содействия развитию или в международной торговле»³⁴.

2.2. Включение мер по исполнению электоральных рекомендаций в проекты международной помощи.

В некоторых случаях в содержание самих проектов бюджетной помощи, предоставляемой Западом развивающимся странам, включаются разделы о выполнении рекомендаций международных миссий наблюдения за выборами. Страны-реципиенты, заинтересованные в получении помощи для решения социально-экономических проблем, вынуждены принимать эту составляющую. В частности, проекты ЕС, реализуемые в развивающихся странах, почти всегда включают выполнение рекомендаций состоявшихся наблюдательских миссий ЕС. Например, в 2014 г. в Парагвае Брюссель начал реализацию Многолетней индикативной программы сотрудничества в целях развития³⁵, в рамках которой из 168 млн евро бюджета

³³ EU launches a new project to support social protection sector of Kyrgyzstan // The Diplomatic Service of the European Union. 20.01.2017. Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/18949_en (accessed: 10.11.2025).

³⁴ Руководство по использованию рекомендаций, касающихся выборов... С. 13.

³⁵ EU Paraguay Multi-Annual Indicative Programme 2014–2020 // ChildFund Alliance. 14.01.2017. Available at: <https://childfundalliance.org/wp-content/uploads/2022/03/mip-paraguay-2014-2020-en-3.pdf> (accessed: 10.11.2025).

свыше 10 млн евро было выделено на мероприятия по выполнению рекомендаций миссий ЕС по наблюдению за выборами³⁶.

Иногда проекты одних международных организаций предполагают содействие в обеспечении реализации рекомендаций наблюдательских миссий другой организации: проекты развития ООН часто включают пожелания о реализации рекомендаций миссий ЕС, а проекты помощи Брюсселя, реализуемые в странах, входящих в зону ОБСЕ, — пожелания о реализации рекомендаций наблюдательских миссий БДИПЧ ОБСЕ. Например, в 2016 г. ООН начала реализацию проекта помощи в Камбодже, в план которого были включены работы по реализации рекомендаций наблюдательских миссий ЕС³⁷.

3. Механизм псевдоправового принуждения.

Рекомендации международных наблюдателей на выборах — это единственный вид международных рекомендаций, относительно которых за суверенными странами закреплена обязанность по их выполнению. Инициатором этого институционального эксперимента выступила ОБСЕ. Подписанную главами государств на саммите ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г. «Хартию европейской безопасности» с обязательством «незамедлительно реагировать» на рекомендации наблюдательских миссий БДИПЧ ОБСЕ³⁸ международные организации (ОБСЕ, ЕС и ООН) трактуют таким образом, что государства обязаны неукоснительно исполнять эти рекомендации и не имеют права их оценивать, выбирать или отвергать. Так, в издании БДИПЧ ОБСЕ 2017 г. говорится, что документы ОБСЕ «налагают на государства — участников ОБСЕ обязательство выполнять рекомендации БДИПЧ, подготовленные по итогам наблюдения за выборами»³⁹.

При этом не вполне очевиден формальный статус таких обязательств. Документы саммитов ОБСЕ, в отличие от международных договоров, не проходят процедуру ратификации и не имеют юридической силы [см. подробнее: Международное право, 2023]. В изданиях организации говорится, что «документы ОБСЕ были

³⁶ Beyond election day: Best practices for follow-up to EU election observation missions. European Union, 2017. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eom_brochure_2017.pdf (accessed: 10.11.2025).

³⁷ United Nations Development Assistance Framework (UNDAF), 2016–2018 // United Nations in Cambodia. April 2015. Available at: https://cambodia.un.org/sites/default/files/2019-11/UNDAF%202016-18_Final.pdf (accessed: 10.11.2025).

³⁸ Стамбульский документ 1999 года... С. 14.

³⁹ Руководство по использованию рекомендаций, касающихся выборов... С. 20.

приняты консенсусом и, таким образом, являются политически обязательными для всех государств — участников ОБСЕ»⁴⁰. С точки зрения многих специалистов, документы саммитов ОБСЕ нельзя считать правовыми [см., например: Кривокапич, 2018]. Российский юрист И.И. Лукашук предлагал использовать в их отношении понятие «неправовые международные нормы» [Лукашук, 2005]. По мнению автора настоящей статьи, феномен «политических обязательств» ОБСЕ может быть охарактеризован как псевдоправовое принуждение: они не имеют правового характера, но их часто относят к международному праву, а международные организации настаивают на их исполнении так, как если бы они были закреплены в ратифицированном договоре.

Кроме того, документы международных конференций часто принимаются в спешке, иногда — вопреки мнению парламентского большинства. Возможны ситуации, когда представители государства на конференции позволяют себя «убедить» по какому-то вопросу: именно так в 1990 г. делегация СССР на Конференции СБСЕ по человеческому измерению в Копенгагене проголосовала за пункт о присутствии «наблюдателей на выборах», хотя известно, что первоначально она не поддержала это предложение США⁴¹. Основания рассчитывать на то, что документы международных конференций, принятые решением делегаций и не получившие юридического статуса, будут сковывать политику государств в долгосрочной перспективе, являются весьма зыбкими.

Механизмы, применяемые международными организациями для обеспечения исполнения рекомендаций международных наблюдателей на выборах, не смогли доказать свою эффективность. Статистика исполнения суверенными государствами электоральных рекомендаций сохраняет отрицательную динамику.

⁴⁰ OSCE Human Dimension commitments: A reference guide, ODIHR/OSCE, Warsaw, 2001, P. XVI // Organization for Security and Cooperation in Europe. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/6/3/16150.pdf> (accessed: 10.11.2025).

⁴¹ The Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the Conference on Security and Cooperation in Europe, 5 June — 29 June 1990: A report prepared by the staff of the Commission on Security and Cooperation in Europe. August 1990 // Commission on Security and Cooperation in Europe (U.S. Helsinki Commission). 01.08.1990. Available at: <https://www.csce.gov/wp-content/uploads/2016/06/101st20Congress20Second20Session2DThe20Copenhagen20Meeting20of20the20Conference20on20the20Human20Dimension20of20the20Conference20on20Security20and20Cooperation20in20Europe1.pdf> (accessed: 10.11.2025).

* * *

Институт электоральных рекомендаций в практике западных наблюдательских организаций стал формой беспрецедентно глубокого вторжения внешних акторов в вопросы, относящиеся к внутренней прерогативе государств. Этот опыт может быть назван наиболее радикальным институциональным экспериментом при проведении политики либеральной глобализации.

Применение теории глобального управления позволяет сделать вывод, что современный кризис института рекомендаций международных наблюдателей на выборах имеет объективные причины и связан с нарушением базовых условий существования глобальных институтов.

Западный формат института электоральных рекомендаций был создан транснациональными субъектами в одностороннем порядке при отсутствии признаков заинтересованности со стороны государств. Не считая эпизода с саммитом ОБСЕ в Стамбуле (1999), можно резюмировать, что этот институт возник при явном нарушении такого условия существования глобальных институтов, как принцип согласия государств. Такая ситуация стала возможной, поскольку для легитимации этого института использовано явное согласие и заинтересованность государств в более общем институте — международном наблюдении за выборами. Можно предположить, что наличие рекомендаций является закономерной и неотъемлемой составляющей процесса наблюдения. Однако границы рекомендаций и степень их обязательности устанавливаются транснациональными субъектами по своему усмотрению в той форме, которая наиболее благоприятствует политике либеральной глобализации. Западные наблюдательские организации злоупотребили кредитом доверия со стороны государств, стремившихся в конце XX в. к интеграции в западный мир, отстранив их от участия в создании методологии наблюдения за выборами, в частности в обсуждении формата итоговых рекомендаций. Таким образом, в отношении института рекомендаций наблюдателей на выборах не выполняется также такое условие глобальных институтов, предусмотренное теорией глобального управления, как легитимация. В отношении рекомендаций международных наблюдателей она была подменена легитимацией более общего института — международного наблюдения за выборами.

Институт рекомендаций наблюдателей на выборах построен транснациональными субъектами так, словно национальные госу-

дарства уже лишены субъектности и могут быть только объектом воздействия. Для утверждения этого института транснациональные субъекты полагаются не на взаимодействие с государствами, а на активное развитие механизмов принуждения. Однако государства обнаруживают свою позицию, активно оспаривая этот институт в попытках его реформатирования (в наблюдательской работе СНГ, Карибского сообщества и Африканского союза) или сопротивляясь и игнорируя его (в большинстве случаев).

Теория глобального управления предполагает, что преодоление кризиса глобальных институтов зависит от компромисса и согласия между государствами и транснациональными субъектами. Позиция западных международных организаций, отказавшихся от поиска компромисса и пошедших по пути усиления принудительных механизмов, ставит под вопрос будущее института рекомендаций международных наблюдателей на выборах в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антюшин Н.А. Манипуляция наблюдением: анализ заключений международных мониторинговых миссий на примере кампаний в Центральной Азии // PolitBook. 2021. № 1. С. 177–194.
2. Борисов И.Б., Игнатов А.В. БДИПЧ ОБСЕ в действии: 25 лет наблюдения за наблюдателями. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2011.
3. Гришин Н.В. Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 2. С. 150–162. DOI: 10.21638/spbu23.2021.203.
4. Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. История международного наблюдения за выборами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 129–135. DOI: 10.17223/19988613/87/15.
5. Коргунюк Ю.Г. Рекомендации наблюдательных миссий Организации американских государств и выработка избирательных стандартов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3 (98). С. 116–135. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-116-135.
6. Кривокапич Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (Часть 1) // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 128–132. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-4-128-132.
7. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть. М.: Волтерс Клувер, 2005.

8. Международное право / Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2023.

9. Морозова О.С. Выполнение рекомендаций международных миссий по наблюдению за выборами: проблемы обеспечения исполнения // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 74–86. DOI: 10.31429/26190567-22-2-74-86.

10. Ромашов Р.А., Мушкет И.И., Ерёменко Е.В. и др. Методология наблюдения за выборами и референдумами. СПб.: Секретариат Совета МПА СНГ, 2024.

11. Balian H. Ten years of international election assistance and observation // Helsinki Monitor. 2001. Vol. 12. No. 3. P. 197–209.

12. Davis-Roberts A., Carroll D.J. International election observer recommendations and UN human rights mechanisms: Toward a more robust system of global accountability on democracy and human rights // Nordic Journal of Human Rights. 2017. Vol. 35. No. 4. P. 311–326. DOI: 10.1080/18918131.2017.1401395.

13. Deitelhoff N., Daase Ch. Rule and resistance in global governance // International Theory. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 122–130. DOI: 10.1017/S1752971920000469.

14. Dodsworth S., Bertrand E., Hitchen J. Learning from success: The implementation of election observation recommendations in Sub-Saharan Africa. London: Westminster Foundation for Democracy, 2020. Available at: https://www.wfd.org/sites/default/files/2022-01/WFD_Learning-from-Success-The-Implementation-of-Electoral-Observation-Recommendations-in-Sub-Saharan-Africa.pdf (accessed: 10.11.2025).

15. Donno D. Defending democratic norms: International actors and the politics of electoral misconduct. Oxford: Oxford University Press, 2013.

16. Eicher P. Improving OSCE election observation // Security and Human Rights. 2009. Vol. 20. No. 4. P. 264–276. DOI: 10.1163/187502309789894857.

17. Fioretos O., Tallberg J. Politics and theory of global governance // International Theory. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 99–111. DOI: 10.1017/S1752971920000408.

18. Garavoglia M. OSCE/ODIHR election observation missions: Context, modus operandi and prospects for Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia: Policy paper on Eastern Europe and Central Asia No. 03/15. Berlin: Institut für Europäische Politik e.V., 2015. Available at: http://archiv.iep-berlin.de/wp-content/uploads/2015/02/1503_PP_Garavoglia_OSCE_ODIHR-v02.pdf (accessed: 10.11.2025).

19. Henry R. Does election observation matter? Examining the implementation of election observation recommendations in Tanzania and Uganda // Huria Journal of the Open University of Tanzania. 2023. Vol. 30. No. 1. P. 48–76. DOI: 10.61538/huria.v30i1.1494.

20. Hyde S.D. The pseudo-democrat's dilemma: Why election observation became an international norm. Ithaca: Cornell University Press, 2011.

21. Kelley J.G. *Monitoring democracy: When international election observation works, and why it often fails*. Princeton: Princeton University Press, 2012.

22. Lidauer M., Rabitsch A., O'Rourke I. Mapping legislation for citizen and international election observation in Europe: A comparative analysis on the basis of OSCE/ODIHR reports // *Nordic Journal of Human Rights*. 2017. Vol. 35. No. 4. P. 360–374. DOI: 10.1080/18918131.2017.1401809.

23. Meilán X., Tuccinardi D. La observación electoral europea en América latina. Un análisis de 15 años de recomendaciones (2000–2014) // *América Latina Hoy*. 2015. Vol. 70. P. 77–90. DOI: 10.14201/alh2015707790.

24. Morse J.C., Keohane R.O. Contested multilateralism // *The Review of International Organizations*. 2014. Vol. 9. P. 385–412. DOI: 10.1007/s11558-014-9188-2.

25. Pouliot V. Global governance in the age of epistemic authority // *International Theory*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 144–156. DOI: 10.1017/S1752971920000433.

26. Santa-Cruz A. Redefining sovereignty, consolidating a network: Monitoring the 1990 Nicaraguan elections // *Revista de Ciencia Política*. 2004. Vol. 24. No. 1. P. 189–208.

27. Scholte J.A. Beyond institutionalism: Toward a transformed global governance theory // *International Theory*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 179–191. DOI: 10.1017/S1752971920000421.

28. Vasciannie L. The Organization of American States: Evolution of election observation in the Inter-American system 1962–2017 // *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 89–112.

29. Wally M. Following-up on recommendations of EU election observation missions. Brussels: European Union, 2012. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/457117/EXPO-DROI_NT\(2012\)457117_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/457117/EXPO-DROI_NT(2012)457117_EN.pdf) (accessed: 10.11.2025).

30. Zürn M. On the role of contestations, the power of reflexive authority, and legitimation problems in the global political system // *International Theory*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 192–204. DOI: 10.1017/S1752971920000391.

31. Zürn M. Public sphere and global governance // *Philosophy and Social Criticism*. 2024. Vol. 50. No. 1. P. 255–277. DOI: 10.1177/01914537231203547.

32. Zürn M. *A theory of global governance: Authority, legitimacy, and contestation*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

REFERENCES

1. Antyushin N.A. 2021. Manipulyatsiya nablyudeniem: analiz zaklyuchenii mezhdunarodnykh monitoringovykh missii na primere kampanii v Tsentral'noi Azii [Manipulation of observation: Analysis of the conclusions of international monitoring missions on the example of campaigns in Central Asia]. *PolitBook*, no. 1, pp. 177–194. (In Russ.)

2. Borisov I.B., Ignatov A.V. 2011. *BDIPCh OBSE v deistvii: 25 let nablyudeniya za nablyudatelyami* [OSCE/ODIHR in action: 25 years of monitoring observers]. Moscow, Rossiiskii obshchestvennyi institut izbiratel'nogo prava Publ. (In Russ.)
3. Grishin N.V. 2021. Politika gosudarstv v otnoshenii mezhdunarodnogo nablyudeniya za vyborami [Policies of states towards international election observation]. *Political Expertise: POLITEX*, vol. 17, no. 2, pp. 150–162. DOI: 10.21638/spbu23.2021.203. (In Russ.)
4. Grishin N.V., Leenders A.M.R. 2024. Istoriya mezhdunarodnogo nablyudeniya za vyborami [History of international election observation]. *Tomsk State University Journal*, no. 87, pp. 129–135. DOI: 10.17223/19988613/87/15. (In Russ.)
5. Korgunyuk Yu.G. 2020. Rekomendatsii nablyudatel'nykh missii Organizatsii amerikanskikh gosudarstv i vyrabotka izbiratel'nykh standartov [Recommendations of OAS electoral observation missions and elaboration of electoral standards]. *Politeia: Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*, no. 3 (98), pp. 116–135. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-116-135. (In Russ.)
6. Krivokapich B. 2018. Vazhneishie istochniki mezhdunarodnogo prava i ikh ierarkhicheskoe vzaimootnoshenie (Chast' 1) [Main sources of international law and their hierarchical relationship (Part 1)]. *Juridical Journal of Samara University*, vol. 4, no. 4, pp. 128–132. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-4-128-132. (In Russ.)
7. Lukashuk I.I. 2005. *Mezhdunarodnoe pravo: osobennaya chast'* [International law: A special part]. Moscow, Volters Kluver Publ. (In Russ.)
8. Ignatenko G.V., Tiunov O.I. (eds.). 2023. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, NORMA — INFRA-M Publ. (In Russ.)
9. Morozova O.S. 2021. Vypolnenie rekomendatsii mezhdunarodnykh missii po nablyudeniyu za vyborami: problemy obespecheniya ispolneniya [Implementation of the recommendations of international electoral observation missions: Problems of enforcement]. *South-Russian Journal of Social Sciences*, vol. 22, no. 2, pp. 74–86. DOI: 10.31429/26190567-22-2-74-86. (In Russ.)
10. Romashov R.A., Mushket I.I., Eremenko E.V. et al. 2024. *Metodologiya nablyudeniya za vyborami i referendumami* [Methodology of election and referendum observation]. Saint Petersburg, Sekretariat Soveta MPA SNG Publ. (In Russ.)
11. Balian H. 2001. Ten years of international election assistance and observation. *Helsinki Monitor*, vol. 12, no. 3, pp. 197–209.
12. Davis-Roberts A., Carroll D.J. 2017. International election observer recommendations and UN human rights mechanisms: Toward a more robust system of global accountability on democracy and human rights. *Nordic Journal of Human Rights*, vol. 35, no. 4, pp. 311–326. DOI: 10.1080/18918131.2017.1401395.
13. Deitelhoff N., Daase Ch. 2021. Rule and resistance in global governance. *International Theory*, vol. 13, no. 1, pp. 122–130. DOI: 10.1017/S1752971920000469.

14. Dodsworth S., Bertrand E., Hitchen J. 2020. *Learning from success: The implementation of election observation recommendations in Sub-Saharan Africa*. London, Westminster Foundation for Democracy. Available at: https://www.wfd.org/sites/default/files/2022-01/WFD_Learning-from-Success-The-Implementation-of-Electoral-Observation-Recommendations-in-Sub-Saharan-Africa.pdf (accessed: 10.11.2025).

15. Donno D. 2013. *Defending democratic norms: International actors and the politics of electoral misconduct*. Oxford, Oxford University Press.

16. Eicher P. 2009. Improving OSCE election observation. *Security and Human Rights*, vol. 20, no. 4, pp. 264–276. DOI: 10.1163/187502309789894857.

17. Fioretos O., Tallberg J. 2021. Politics and theory of global governance. *International Theory*, vol. 13, no. 1, pp. 99–111. DOI: 10.1017/S1752971920000408.

18. Garavoglia M. 2015. *OSCE/ODIHR election observation missions: Context, modus operandi and prospects for Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia: Policy paper on Eastern Europe and Central Asia No. 03/15*. Berlin, Institut für Europäische Politik e.V. Available at: http://archiv.iep-berlin.de/wp-content/uploads/2015/02/1503_PP_Garavoglia_OSCE_ODIHR-v02.pdf (accessed: 10.11.2025).

19. Henry R. 2023. Does election observation matter? Examining the implementation of election observation recommendations in Tanzania and Uganda. *Huria Journal of the Open University of Tanzania*, vol. 30, no. 1, pp. 48–76. DOI: 10.61538/huria.v30i1.1494.

20. Hyde S.D. 2011. *The pseudo-democrat's dilemma: Why election observation became an international norm*. Ithaca, Cornell University Press.

21. Kelley J.G. 2012. *Monitoring democracy: When international election observation works, and why it often fails*. Princeton, Princeton University Press.

22. Lidauer M., Rabitsch A., O'Rourke I. 2017. Mapping legislation for citizen and international election observation in Europe: A comparative analysis on the basis of OSCE/ODIHR reports. *Nordic Journal of Human Rights*, vol. 35, no. 4, pp. 360–374. DOI: 10.1080/18918131.2017.1401809.

23. Meilán X., Tuccinardi D. 2015. La observación electoral europea en América latina. Un análisis de 15 años de recomendaciones (2000–2014). *América Latina Hoy*, vol. 70, pp. 77–90. DOI: 10.14201/alh201507790.

24. Morse J.C., Keohane R.O. 2014. Contested multilateralism. *The Review of International Organizations*, vol. 9, pp. 385–412. DOI: 10.1007/s11558-014-9188-2.

25. Pouliot V. 2021. Global governance in the age of epistemic authority. *International Theory*, vol. 13, no. 1, pp. 144–156. DOI: 10.1017/S1752971920000433.

26. Santa-Cruz A. 2004. Redefining sovereignty, consolidating a network: Monitoring the 1990 Nicaraguan elections. *Revista de Ciencia Política*, vol. 24, no. 1, pp. 189–208.

27. Scholte J.A. 2021. Beyond institutionalism: Toward a transformed global governance theory. *International Theory*, vol. 13, no. 1, pp. 179–191. DOI: 10.1017/S1752971920000421.

28. Vasciannie L. 2018. The Organization of American States: Evolution of election observation in the Inter-American system 1962–2017. *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*, vol. 5, no. 1, pp. 89–112.

29. Wally M. 2012. *Following-up on recommendations of EU election observation missions*. Brussels, European Union. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/457117/EXPO-DROI_NT\(2012\)457117_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/457117/EXPO-DROI_NT(2012)457117_EN.pdf) (accessed: 10.11.2025).

30. Zürn M. 2021. On the role of contestations, the power of reflexive authority, and legitimation problems in the global political system. *International Theory*, vol. 13, no. 1, pp. 192–204. DOI: 10.1017/S1752971920000391.

31. Zürn M. 2024. Public sphere and global governance. *Philosophy and Social Criticism*, vol. 50, no. 1, pp. 255–277. DOI: 10.1177/01914537231203547.

32. Zürn M. 2018. *A theory of global governance: Authority, legitimacy, and contestation*. Oxford, Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.10.2025;
принята к публикации 10.12.2025

The paper was submitted 30.04.2025;
approved after reviewing 12.10.2025;
accepted for publication 10.12.2025

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-159-186

Научная статья / Research paper

И.И. Арсентьева*

«СОТРУДНИЧЕСТВО ЮГ–ЮГ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»: К 10-ЛЕТИЮ ФОРУМА КИТАЙ–СЕЛАК

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук»
620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16*

Концепция сотрудничества по линии «Юг–Юг», истоки которой уходят в годы холодной войны, получила в XXI в. новый импульс к развитию. Совершенно особое место в этом контексте занимает Китай, отнесение которого к Глобальному Югу в современных условиях является предметом полемики в академических и политических кругах. Сама КНР последовательно утверждает, что ее внешняя политика в значительной степени определяется историческим опытом стран «третьего мира», которые подвергались угнетению Севера, а потому по своей природе близка и созвучна интересам Глобального Юга. В качестве фундамента модели «сотрудничества Юг–Юг с китайской спецификой» выступает инициатива «Пояс и путь», а важным инструментом ее практической реализации — так называемая форумная дипломатия. Яркой иллюстрацией может служить Форум Китай — Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), которому в 2025 г. исполнилось 10 лет. Для того чтобы оценить результаты работы этого форума и выявить специфику взаимодействия КНР со странами Латинской Америки, автор сначала последовательно анализирует процесс институционализации китаиско-латиноамериканских отношений, прежде всего посредством министерских встреч Форума Китай–СЕЛАК, затем выявляет основные проблемы, которые препятствуют полноценному использованию потенциала сотрудничества. Особое внимание автор уделяет политике действующей администрации

* Арсентьева Ирина Ильинична — доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (e-mail: airenl@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4145-8790).

Д. Трампа, которая не столько стремится наладить контакты с латиноамериканскими странами, сколько пытается внести раскол в их отношения с Китаем. Последний в свою очередь при реализации проектов в регионе демонстрирует гораздо большую настойчивость, чем когда-либо ранее, позиционируя себя как выразителя интересов Глобального Юга. Всё это ставит перед государствами Латинской Америки новые вызовы, сужая пространство для маневров и реализации политики равноудаленности. Тем не менее взаимодействие с Китаем может не только принести этим странам экономическую выгоду, но также при последовательной реализации потенциала сотрудничества по линии «Юг–Юг» повысить их политическую субъектность на мировой «шахматной доске».

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка и Карибский бассейн, СЕЛАК, Форум Китай–СЕЛАК, сотрудничество Юг–Юг, развивающиеся страны, развитые страны, Глобальный Юг, Глобальный Север, Д. Трамп, доктрина Монро

Для цитирования: Арсентьева И.И. «Сотрудничество Юг–Юг с китайской спецификой»: к 10-летию Форума Китай–СЕЛАК // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 159–186. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-159-186.

Irina I. Arsentyeva

‘SOUTH-SOUTH COOPERATION WITH CHINESE CHARACTERISTICS’: ON THE 10th ANNIVERSARY OF THE CHINA–CELAC FORUM

*Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16, S. Kovalevskaya st., Ekaterinburg, 620108*

The concept of ‘South-South cooperation,’ which dates back to the Cold War, has received a new impetus in the 21st century. In this context, China occupies a unique place, as its very identification with the Global South under modern conditions is a subject of intense debate in the academic and political circles. The PRC asserts that its foreign policy is largely determined by the historical experience of Third World countries oppressed by the North. Therefore, it is inherently close to and aligned with the interests of the Global South. The Belt and Road Initiative serves as the foundation of this ‘South–South cooperation with Chinese characteristics’ model, with so-called forum diplomacy as an important instrument for its practical implementation. A striking example is

the China — Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) Forum, which is celebrating its 10th anniversary this year. To assess the results of this forum's work and identify the specifics of the PRC's interaction with Latin American countries, the author first examines the process of institutionalizing China — Latin America relations, primarily through the China-CELAC Forum ministerial meetings, and then identifies the main problems that hinder the full use of the potential of 'South-South cooperation' in this context. The author focuses on the policies of Donald J. Trump's administration, which seeks not so much to establish contacts with Latin American countries as to drive a wedge between them and China. Meanwhile, China is now demonstrating much greater persistence in implementing its projects in the region than ever before, positioning itself as a voice of the Global South. All this poses new challenges for Latin American states, narrowing the space for maneuvering and implementing a policy of equidistance. Nevertheless, South-South cooperation with China could not only bring economic benefits to these countries but also, especially with the consistent realization of the potential of forum diplomacy, enhance their political agency on the global 'chessboard'.

Keywords: China, Latin America and the Caribbean, CELAC, China-CELAC Forum, South-South cooperation, developing countries, developed countries, Global South, Global North, Donald J. Trump, Monroe Doctrine

About the author: Irina I. Arsentyeva — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: airenl@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4145-8790).

For citation: Arsentyeva I.I. 2025. 'South-South cooperation with Chinese characteristics': On the 10th anniversary of the China-CELAC Forum. *Lo-monosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 159–186. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-159-186. (In Russ.)

Китай и страны Глобального Юга: к постановке проблемы

Сотрудничество по линии «Юг-Юг» (*South-South cooperation, SSC*) предполагает взаимодействие двух и более развивающихся государств, которые «преследуют индивидуальные и/или общие цели по наращиванию национального потенциала путем обмена знаниями, навыками, ресурсами и ноу-хау, а также посредством региональных и межрегиональных коллективных действий, включая партнерские отношения с участием правительств, региональных организаций, гражданского общества, научных кругов и частного

сектора»¹. В таком понимании зарождение SSC часто связывают с конференцией по техническому сотрудничеству между развивающимися странами, которая прошла в 1978 г. в Аргентине под эгидой ООН. По ее итогам 138 государств приняли Буэнос-Айресский план действий, содержащий рекомендации по формированию правовых рамок и механизмов финансирования сотрудничества. В то же время оно, как подчеркивалось в документе, является историческим императивом, продиктованным необходимостью становления нового миропорядка².

Это уточнение выводит на более широкое понимание SSC — как политического проекта, призванного бросить вызов системе, где доминируют развитые страны. В таком случае важными вехами его становления принято считать Бандунгскую конференцию 1955 г., на которой 29 государств Азии и Африки совместно выступили против империализма и колониализма во всех проявлениях; Белградскую конференцию 1961 г., где было создано Движение неприсоединения, и Первую сессию Конференции ООН по торговле и развитию 1964 г., оформившую создание крупнейшего объединения развивающихся стран — «Группы 77» [Alden et al., 2010; Lopez Cabana, 2014; Gray, Gills, 2016].

В условиях холодной войны SSC как политический проект находился в стагнации [South–South cooperation beyond the myths..., 2017: 2], был «маргинальной и игнорируемой областью международного сотрудничества» [Gosovic, 2018: 460]. В XXI в. ситуация меняется — его берут на вооружение развивающиеся страны³, объединяемые термином «Глобальный Юг». Последний служит «для описания регионов земного шара, которые имеют общую политическую, социальную и экономическую историю, уходящую корнями в неравенство колониального или империалистического прошлого» [Alden et al., 2010: 3]. Тем самым это понятие не столько отражает

¹ About South–South and triangular cooperation // United Nations Office for South–South cooperation. Available at: <https://unsouthsouth.org/about/about-sstc/> (accessed: 25.12.2025).

² Buenos Aires plan of action (1978) // United Nations Office for South–South cooperation. Available at: <https://unsouthsouth.org/bapa40/documents/buenos-aires-plan-of-action/> (accessed: 25.12.2025).

³ К развивающимся регионам относят Африку; Латинскую Америку и Карибский бассейн; Азию без Израиля, Японии и Республики Корея; Океанию без Австралии и Новой Зеландии. См.: Country classification // UNCTAD data hub. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Classifications.html> (accessed: 25.12.2025).

расположение большинства соответствующих стран в Южном полушарии, сколько выступает бинарной оппозицией Глобальному Северу (развитым странам).

Парадигма SSC с ее риторикой партнерства, взаимной выгоды, равенства, уважения суверенитета кардинально отличается от традиционной модели Север–Юг, при которой развитые страны предоставляют разные формы помощи развивающимся государствам. Во втором случае доноры выступают в качестве менторов: помощь носит патерналистский характер и обусловлена рядом обязательств — так называемыми принципами благого управления (*good governance*)⁴. Однако эффективность модели Север–Юг всё чаще ставится под сомнение, что объясняется ее вертикальным, асимметричным и дискреционным характером [Santander Campos, 2012: 1225], а также формированием многополярного мира [Harris, Arias, 2016].

В настоящем исследовании мы будем понимать SSC в широком смысле — как организующую концепцию, объединяющую ряд международных практик не только в целях решения проблем развивающихся стран, но и для «реформирования мирового порядка <...>, чтобы он был <...> более симметричным и сбалансированным» [Ayllón Pino, 2010: 3]. Это своего рода политический проект обретения экономической независимости, преодоления односторонних связей с Севером, усиления влияния в мировых делах путем объединения сил и коллективных действий [Gosovic, 2016, 2018]. Неслучайно в последние годы SSC расширяется, включая вопросы безопасности [Berger, Müller, 2025], гуманитарного сотрудничества [Кузнецов, Дмитриева, 2024] и т.д.

Бывший сотрудник ООН Б. Госович выделяет условия развития SSC: разработка новой концептуальной основы; устранение подозрений внутри развивающихся стран в отношении «крупных игроков Юга»; преодоление непоследовательности усилий правительств и отсутствия общественного интереса; достаточное финансирование и институциональная поддержка на международном уровне; наличие лидеров с глобальным видением и приверженностью SSC. Катализаторами его возрождения, по мнению эксперта, выступили

⁴ Дегтерев Д. Кооперация Юг–Юг: вместе сильнее // Российский совет по международным делам. 17.09.2014. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kooperatsiya-yug-yug-vmeste-silnee/> (дата обращения: 25.12.2025).

подъем Китая и его расширяющееся взаимодействие со странами Юга [Gosovic, 2016].

Однако не все согласны с отнесением современного Китая к Югу, поскольку он «переместился с периферии в центр мировой экономической системы, сдвинув географическое ядро процесса накопления капитала» [Vadell et al., 2014: 92]. Пекин же в свою очередь последовательно заявляет, что органически является частью Глобального Юга («на протяжении всей истории мы вместе боролись с колониализмом и гегемонией и привержены общей цели развития и возрождения») и независимо от международной обстановки всегда будет оставаться его надежным другом и партнером⁵. Впрочем, даже китайские авторы признают, что идентификация КНР как развивающейся страны сталкивается сегодня со значительными трудностями [Li, 2023].

В этой связи модель Китая иногда именуется «сотрудничеством Юг–Юг с китайской спецификой» [Vadell, 2019; Warmerdam, Naan, 2019]. Это объясняется тем, что внешняя политика Пекина в значительной степени определяется историческим опытом стран «третьего мира», которые подвергались угнетению Севера, а поскольку неолиберальная модель развития приходит в упадок, всё большее число представителей Юга рассматривают китайский путь как альтернативу [Sheng, Nascimento, 2021]. КНР со своей стороны заявляет, что сотрудничество со странами, имеющими аналогичный исторический опыт, является лучшим способом обеспечения национальных интересов⁶.

Современной формой SSC Пекин называет свою инициативу «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative), направленную на интенсификацию сотрудничества Азии, Африки, Европы и Латинской Америки через строительство инфраструктуры. По оценкам исследователей, инициатива доказывает, что «у Китая теперь есть возможности и ресурсы для продвижения грандиозных планов по развитию мира за пределами своих границ <...>. Хотя заявления Си Цзиньпина могут <...> перекликаться с речами предшественников <...> о соли-

⁵ Cao D. China's heart will always be with Global South, Wang says // China Daily. 07.03.2025. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202503/07/WS67ca-6d81a310c240449d951d.html> (accessed: 25.12.2025).

⁶ Fowdy T. South–South cooperation is how we should understand China's BRI diplomacy // CGTN. 07.01.2020. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2020-01-07/South-South-cooperation-is-how-we-should-understand-China-s-BRI-N3pkJwpqqQ/index.html> (accessed: 25.12.2025).

дарности с развивающимися странами, в сегодняшнем контексте его слова имеют иной вес. Китай превратился из восстанавливающейся автаркии на периферии международной политики <...> в гигантскую экономику и устрашающую военную силу». А появление на мировой арене развивающейся страны с беспрецедентным глобальным влиянием неизбежно приводит к изменению отношений развивающегося и развитого мира [Freeman, 2015: 3].

При взаимодействии с Югом Китай активно использует форумную дипломатию, иницилируя создание переговорных площадок в разных частях света. В свое время были учреждены форумы сотрудничества с Африкой (Forum on China–Africa Cooperation), арабскими государствами (China–Arab States Cooperation Forum), странами Латинской Америки и Карибского бассейна (China–CELAC Forum). Выбор подобного формата объясняют упором Пекина на политическую волю и консенсус [Zhao, 2011: 53]. Некоторые исследователи считают региональные форумы частью китайской системы многосторонних институтов, направленных на формирование альтернативной международной архитектуры. Они имеют схожую организационную структуру, а их цели и задачи соответствуют идеологическим ценностям КНР⁷. Выделяют такие общие черты, как организационный минимализм, относительно низкая институционализация, стремление к соблюдению принципов консенсуса и невмешательства во внутренние дела [Telias, 2020]. Гибкая институциональная структура позволяет создавать легко адаптируемый план управления международными отношениями в региональном масштабе [Jakóbowski, 2018; Jiang, 2021].

Сотрудничество Китая с развивающимися странами оценивают по-разному. Китайские авторы используют риторику взаимной выгоды [South–South cooperation and Chinese foreign aid, 2019]. Некоторые зарубежные исследователи признают ключевую роль КНР в преобразовании неравноправной структуры миропорядка, где доминируют развитые государства [Harris, Arias, 2016]. Другие утверждают, что китайские способы реализации сотрудничества являются лишь новой разновидностью отношений центра и периферии. Наконец, третьи отмечают, что, несмотря на очевидное до-

⁷ Nantulya P., Lazarus L. Lessons from China's forum diplomacy in Africa, Latin America, and the Caribbean // Africa Center for Strategic Studies. 22.01.2024. Available at: <https://africacenter.org/spotlight/lessons-from-chinas-forum-diplomacy-in-africa-latin-america-and-the-caribbean/> (accessed: 25.12.2025).

минирование Китая на этих площадках, его позиции оспаривают другие государства, что принимает форму борьбы за структурирование административных органов и принятие решений и заставляет Пекин чаще прислушиваться к мнению остальных участников [Alden, Alves, 2017].

Таким образом, китайская модель сотрудничества со странами Глобального Юга вызывает множество вопросов, что актуализирует анализ ее практической реализации в разных регионах мира. В качестве исследуемого региона в настоящей работе выступает Латинская Америка и Карибский бассейн (ЛАК). Этот выбор обусловлен рядом причин. Во-первых, географическая удаленность ЛАК демонстрирует глобальный характер национальных интересов КНР и дает более полное представление о ее внешнеполитических намерениях и возможностях. Во-вторых, растущее присутствие Китая в регионе, который США продолжают считать своим «задним двором», свидетельствует о властном транзите в мировой политике и позволяет более точно спрогнозировать среднесрочные и долгосрочные тренды развития международных отношений. В-третьих, сотрудничество с латиноамериканскими странами важно для России, поэтому происходящие в регионе процессы требуют постоянного внимания отечественных исследователей.

Цель статьи — выявление специфики взаимодействия КНР со странами Глобального Юга на примере деятельности Форума Китай–СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна; Comunidad de estados latinoamericanos y caribeños, CELAC).

Источниковую базу работы составляют документы Форума, правительственные материалы (в том числе Белые книги КНР по политике в отношении региона), Стратегия национальной безопасности США 2025 г., документы ООН и ее специализированных учреждений, выступления и заявления официальных должностных лиц, доклады аналитических центров, статистические данные, экспертные оценки и т.д.

Структура статьи определяется поставленной целью: в первом разделе проанализирован процесс институционализации китайско-латиноамериканских отношений, прежде всего посредством министерских встреч Форума Китай–СЕЛАК, во втором — выявлены основные проблемы, которые препятствуют полноценному использованию потенциала сотрудничества, и намечены варианты развития сложившейся ситуации.

Институционализация китайско-латиноамериканских отношений

Латинская Америка вошла в сферу интересов Китая в начале XXI в. в связи со стремительным ростом его экономики и увеличивающимся спросом на сырье и новые рынки. Это нашло отражение в опубликованной в 2008 г. Белой книге по политике Пекина в отношении ЛАК — первом документе, где были установлены стратегические рамки взаимодействия с регионом. В нем КНР определяла себя как крупнейшую развивающуюся страну, краеугольным камнем внешней политики которой выступает SSC, и заявляла о намерении совершенствовать механизмы взаимодействия с ЛАК⁸.

Одним из таких механизмов стало расширение сотрудничества с региональными организациями. Особое место среди них занимает созданное в 2011 г. Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Уже на первых саммитах СЕЛАК обсуждался вопрос об учреждении Форума с участием Китая, который к тому времени стал вторым после США торговым партнером региона. В июле 2014 г. во время проходившего в Бразилии Саммита БРИКС председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с главами государств «квартета» СЕЛАК⁹, по итогам которой было сделано совместное заявление о создании партнерства.

На наш взгляд, выбор СЕЛАК в качестве основной платформы развития отношений с регионом можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в Сообщество входят все 33 страны Южной и Северной Америки за исключением США и Канады, поэтому его создание определяют и как «попытку геополитической перестройки Западного полушария» [Vadell, 2018: 11], и как трансформацию «идеи панамериканизма в более узкое и четкое понятие латиноамериканизма»¹⁰. Это позволяет КНР взаимодействовать со всеми государствами региона, включая те, с которыми у нее нет ди-

⁸ China's policy paper on Latin America and the Caribbean // China Daily. 06.11.2008. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/china/2008-11/06/content_7179488_2.htm (accessed: 25.12.2025).

⁹ Главы государств, входящих в «квартет» СЕЛАК: временный председатель, предыдущий председатель, будущий председатель, временный председатель Карибского сообщества (КАРИКОМ).

¹⁰ Cui Sh., Jaen N.J. Latin America adjusts to Chinese initiatives // Global Times. 14.01.2015. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/901946.shtml> (accessed: 25.12.2025).

пломатических отношений. В свою очередь для СЕЛАК партнерство с Пекином — возможность защититься от гегемонии Вашингтона¹¹. Во-вторых, Сообщество, как и Китай, уделяет приоритетное внимание сотрудничеству с развивающимися странами, называя его интегрирующей осью общего пространства и инструментом уменьшения асимметрии¹². В-третьих, к моменту создания Форума институциональная структура СЕЛАК только зарождалась [Mosquera, Morales Ruvalcaba, 2018: 142], что обеспечило КНР некоторые преференции по налаживанию сотрудничества.

Форум начал работу в январе 2015 г., когда в Пекине прошла первая министерская встреча, ставшая «отправной точкой для создания институциональных рамок сотрудничества, торговли и инвестиций» [Vadell, 2018: 8]. В церемонии открытия приняли участие главы ряда государств, а также представители Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, Межамериканского банка развития, Банка развития Латинской Америки и Карибского бассейна.

На встрече были утверждены Институциональные положения и правила функционирования Форума, где перечислялись его ключевые механизмы¹³:

- министерские встречи каждые три года поочередно в Китае и стране, председательствующей в СЕЛАК (на них обсуждаются вопросы сотрудничества на региональном и субрегиональном уровнях, утверждаются решения и планы);
- периодический диалог на уровне министров иностранных дел Китая и «квартета» СЕЛАК во время сессий Генассамблеи ООН и взаимных визитов;
- совещания национальных координаторов не реже одного раза в год (в круг их обязанностей входят подготовка министерских

¹¹ Tiezzi Sh. China's push into 'America's backyard' // The Diplomat. 08.02.2014. Available at: <https://thediplomat.com/2014/02/chinas-push-into-americas-backyard/> (accessed: 25.12.2025).

¹² Declaración de Caracas 'En el bicentenario de la lucha por la independencia hacia el camino de nuestros libertadores' // Parlamento Latinoamericano y Caribeño. Available at: <https://parlatino.org/pdf/comunidad-estados/declaracion-caracas.pdf> (accessed: 25.12.2025).

¹³ ABC sobre el Foro China-CELAC // China-CELAC Forum. April 2016. Available at: http://www.chinacelacforum.org/esp/ltjj_2/201612/P020210828089826734396.pdf (accessed: 25.12.2025).

встреч, реализация достигнутых договоренностей, разработка планов работы и т.д.).

Кроме того, было принято решение о проведении специальных форумов (подфорумов), направленных на интенсификацию взаимодействия в различных областях. По итогам встречи был утвержден План сотрудничества на 2015–2019 гг., который среди прочего закрепил конкретные целевые показатели: увеличение в течение следующих 10 лет китайско-латиноамериканской торговли до 500 млрд долл., инвестиций — до 250 млрд долл.¹⁴

Документы Форума 2015 г., по сути, предваряли опубликованную в 2016 г. обновленную версию Белой книги КНР по политике в отношении региона. Она отличается от варианта 2008 г. большей концептуализацией и подчеркивает важность сотрудничества в области безопасности (с оговоркой, что оно не направлено против третьей стороны). Отмечается, что страна вступила в решающий этап великого возрождения китайской нации, но ее развитие невозможно без развития Юга¹⁵.

Вторая министерская встреча Форума Китай–СЕЛАК прошла в январе 2018 г. в Чили. По ее итогам был принят План совместных действий на 2019–2021 гг.¹⁶ Как и в Плате 2015 г., самый большой блок был посвящен экономическим вопросам. В то же время возросло внимание к экологическим проблемам и таким областям, как борьба с терроризмом, организованной преступностью, наркоторговлей, коррупцией, контрабандой и т.д. Особо отметим принятое в Чили решение об официальном включении ЛАК в инициативу «Пояс и путь», к которой достаточно быстро присоединились 19 стран региона.

Третья министерская встреча прошла в декабре 2021 г. в онлайн-формате и завершилась принятием Плана совместных действий на

¹⁴ Plan de cooperación de los estados Latinoamericanos y Caribeños — China (2015–2019) // China-CELAC Forum. Available at: http://www.chinacelacforum.org/esp/zywj_4/201501/t20150123_6587582.htm (accessed: 25.12.2025).

¹⁵ China's policy paper on Latin America and the Caribbean // The State Council of the People's Republic of China. 24.11.2016. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/11/24/content_281475499069158.htm (accessed: 25.12.2025).

¹⁶ CELAC and China joint plan of action for cooperation on priority areas (2019–2021) // China-CELAC Forum. Available at: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/202503/P020250328560305151620.pdf (accessed: 25.12.2025).

2022–2024 гг.¹⁷ Его отличительной особенностью стало существенное расширение раздела по общественному здравоохранению, где Китай заявил о намерении оказывать членам СЕЛАК посильную помощь в борьбе с пандемией COVID-19. После встречи «Пояс и путь» пополнился двумя новыми участниками — Никарагуа и Аргентиной, которые присоединились в январе и феврале 2022 г. соответственно. В июне 2023 г. аналогичное решение принял Гондурас.

На четвертой встрече, прошедшей в мае 2025 г. в Пекине, участники обсуждали пути развития Глобального Юга в контексте торговых и тарифных войн США. Помимо министров иностранных дел и представителей СЕЛАК на встрече присутствовали президенты Бразилии, Чили и Колумбии. В своем выступлении председатель КНР заявил о начале новой главы в китайско-латиноамериканских отношениях, пообещав, в частности, усилить присутствие в регионе посредством кредитной линии в размере 66 млрд юаней (9,2 млрд долл.) и новых инвестиций в инфраструктуру. Ключевая часть касалась пятикомпонентного плана сотрудничества: 1) программа солидарности — усиление политической координации (выступление единым фронтом) по важным глобальным и региональным вопросам; 2) программа развития — координация стратегий развития, углубление сотрудничества в традиционных и инновационных областях; 3) цивилизационная программа — расширение диалога между цивилизациями; 4) программа мира — укрепление сотрудничества в области безопасности; 5) программа взаимодействий между людьми¹⁸. По итогам встречи был принят План сотрудничества на 2025–2027 гг.¹⁹, а также подписан меморандум о присоединении Колумбии к инициативе «Пояс и путь».

Оценки Форума разнятся. Так, исследователь Флоридского международного университета Л. Лазарус называет озвученный Си

¹⁷ Plan de acción conjunto de cooperación en áreas claves China–CELAC (2022–2024) // Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Popular China. 13.12.2021. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/esp/wjdt/gongbao/202112/t20211213_10467311.html (accessed: 25.12.2025).

¹⁸ President Xi's keynote speech at the opening ceremony of the fourth ministerial meeting of the China–CELAC Forum // The State Council of the People's Republic of China. 13.05.2025. Available at: https://english.www.gov.cn/news/202505/13/content_WS68234033c6d0868f4e8f2811.html (accessed: 25.12.2025).

¹⁹ Аргентина не участвовала в его утверждении в связи с отсутствием своей делегации на пленарном заседании.

Цзиньпином план дорожной картой по вовлечению Китая во все сферы жизнедеятельности стран ЛАК²⁰. П. д'Сола Альварадо, исполнительный директор базирующегося в Боготе Фонда Андреса Бейо, считает, что для Форума характерна скорее символическая риторика, а присоединение Колумбии к «Поясу и пути» связано в большей степени с перипетиями политической борьбы внутри страны. По мнению эксперта, в пятикомпонентном плане отсутствует конкретика, а озвученная сумма несущественна, особенно в сравнении с Форумом Китай–Африка (которой было обещано 50 млрд долл.). П. д'Сола Альварадо считает, что Пекин рассматривает СЕЛАК как слабую платформу, не способную обеспечить соблюдение достигнутых договоренностей²¹.

ЛАК действительно не является для КНР ключевым регионом, но едва ли уместно говорить, что Форум — лишь площадка для громких заявлений. Именно он с 2015 г. отвечает за разработку и реализацию планов совместных действий, имеющих практический уклон. Зафиксированные в документах ключевые приоритеты, очерчивая зоны взаимных интересов, направляют зарубежную активность национальных компаний, а во время «символических» мероприятий подписывается большое количество соглашений о взаимодействии в конкретных областях. Так, на четвертой министерской встрече стороны договорились о реализации свыше 100 проектов²².

Если оценивать китайско-латиноамериканские отношения в целом, то их динамика впечатляет. Перечислим некоторые результаты:

- сегодня Китай — второй по величине торговый партнер ЛАК и первый — Южной Америки, в том числе таких стран, как Бразилия, Перу, Чили. В 2024 г. общий товарооборот превысил 518 млрд долл.²³ Для сравнения: товарооборот с США составил

²⁰ Lazarus L. How China is seeking dominance in Latin America // *Americas Quarterly*. 10.06.2025. Available at: <https://americasquarterly.org/article/how-china-is-seeking-dominance-in-latin-america/> (accessed: 25.12.2025).

²¹ D'Sola Alvarado P. The China–CELAC Forum: All optics, no strategy // *Fundación Andrés Bello*. 26.05.2025. Available at: <https://fundacionandresbello.org/en/editorials/the-china-celac-forum-all-optics-no-strategy/> (accessed: 25.12.2025).

²² Zhou J. Joint declaration, action plan new milestones for ties // *China Daily*. 14.05.2025. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202505/14/WS6823d3aaa310a04af22bf1b0.html> (accessed: 25.12.2025).

²³ Ray R., Albright Z.C., Dussel Peters E. China–Latin America and the Caribbean economic bulletin, 2024 edition // *Global Development Policy Center*. 20.07.2024.

- 1,07 трлн долл. (около 70% приходится на Мексику); США остаются главным торговым партнером региона, однако в 2024 г. их доля в общем экспорте ЛАК снизилась по сравнению с 2000 г. с 56 до 44% (для большинства южноамериканских стран этот показатель не превышает 15%), доля в импорте — с 46 до 28%²⁴;
- пять государств (Чили, Перу, Коста-Рика, Эквадор, Никарагуа) подписали с Китаем соглашения о свободной торговле;
 - 23 страны ЛАК стали участниками китайской инициативы «Пояс и путь», причем Панама²⁵, Доминиканская Республика, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас предварительно разорвали дипломатические отношения с Тайванем. Бразилия, формально не присоединившаяся к «Поясу и пути», подписала «синергетическое соглашение», что подразумевает сопряжение национальной стратегии развития с данной инициативой;
 - укрепились политические связи: с 2013 г. Си Цзиньпин посетил 11 стран региона, в том числе дважды Аргентину и Перу, трижды — Бразилию. Китай установил всеобъемлющее стратегическое партнерство с Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Чили, Эквадором, Мексикой, Перу. С рядом государств подписаны договоры о стратегическом партнерстве;
 - в период пандемии COVID-19 Китай стал ведущим для региона поставщиком товаров медицинского назначения и вакцин [см. подробнее: Арсентьева, 2025].

По заявлениям Пекина, Форум Китай–СЕЛАК как образец международных отношений нового типа превратился за 10 лет в зрелый диалоговый механизм, гарантирующий взаимную выгоду его участникам. Однако китайско-латиноамериканские отношения сталкиваются с серьезными проблемами, которые требуют более детального рассмотрения.

Available at: <https://www.bu.edu/gdp/files/2024/07/GCI-China-LAC-Bulletin-2024-FIN.pdf> (accessed: 25.12.2025).

²⁴ International trade outlook for Latin America and the Caribbean, 2025: International trade in a new era of weaponized interdependence // The Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). 19.11.2025. Available at: <https://www.cepal.org/en/publications/type/international-trade-outlook-latin-america-and-caribbean> (accessed: 25.12.2025).

²⁵ В феврале 2025 г. Панама под давлением США сделала заявление, что не будет продлевать действие Меморандума о взаимопонимании в рамках «Пояса и пути».

Новый этап китайско-латиноамериканских отношений: вызовы и перспективы

Концепция SSC включает определенные принципы, среди которых важнейшую роль играет уважение национального суверенитета. Китай, позиционируя себя как крупнейшую развивающуюся страну, заявляет о намерении оказывать помощь другим государствам Глобального Юга в решении стоящих перед ними задач в области развития. При этом предоставление им финансовой помощи отличается от практики западных организаций, требующих от стран-заемщиков проведения неолиберальных реформ, изменения фискальной политики и т.д. Пекин постоянно подчеркивает свою приверженность политике невмешательства во внутренние дела государств и отсутствие стремления к смене политических режимов. Практически единственным явно выраженным условием (которое КНР не считает внутренним делом партнеров) является политика «одного Китая». Следует отметить, что именно в ЛАК долгое время было сосредоточено наибольшее количество стран, поддерживавших отношения с Тайванем, поэтому регион стал одним из ключевых плацдармов дипломатической изоляции Тайбэя. Китай существенно продвинулся в данном направлении, и в этом, на наш взгляд, важную роль играет сотрудничество с СЕЛАК, поскольку оно обеспечивает диалог даже с теми странами, с которыми у КНР пока нет дипломатических отношений. Кроме того, Форум смягчает негативное воздействие электоральных циклов в ЛАК, когда отношения КНР с отдельными странами ухудшаются вследствие прихода там к власти правоцентристских и ультраправых сил. И, несмотря на продолжающийся «правый поворот» региона, показатели его торговли с Китаем стабильно растут.

При анализе китайской модели SSC больше всего дискуссий вызывает соответствие ее принципам горизонтального обмена, особенно в экономической сфере. Так, в латиноамериканском экспорте более 70% приходится на минеральное сырье и сельскохозяйственную продукцию. Китай же поставляет в регион товары с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичные изделия (в том числе электромобили и фотоэлектрическое оборудование), обеспечивая своим производителям новые рынки. Существуют разные оценки такого взаимодействия. Одни авторы, хотя и признают наличие проблем, делают акцент на положительных аспектах для латиноаме-

риканских стран: дополнительные поступления в бюджет, рост инвестиций, создание новых рабочих мест, диверсификация торговых связей, снижение экономической зависимости от Севера и т.д. [см., например: Каткова, Еремин, 2022; Zottele E., Zottele A., 2020: 163–188]. Другие обращают внимание на усиление сырьевой специализации региона и его привязку к углеродоемким технологиям; растущую зависимость от Китая; риск дефолтов вследствие китайской «дипломатии долговых ловушек» и финансирования нерентабельных инфраструктурных проектов; закрытие местных предприятий из-за неспособности конкурировать с китайскими производителями²⁶; серьезный экологический ущерб²⁷ и т.д.

На наш взгляд, при оценке взаимодействия Китая со странами Глобального Юга не следует делать основной акцент на его соответствии принципам горизонтального обмена. Это едва ли возможно, поскольку одной из сторон является вторая (потенциально первая) экономика мира²⁸. Нужно в первую очередь оценивать взаимные выгоды. Китай (как и любая другая страна) преследует национальные интересы, но в то же время вносит существенный вклад в решение региональных проблем. Наглядный пример — инициатива «Пояс и путь», частью которой регион был объявлен на второй министерской встрече Форума Китай–СЕЛАК. Главной целью является создание глобальной инфраструктурной сети, обеспечивающей экспорт китайских товаров и импорт сырья. Однако реализация проектов — строительство и модернизация автомобильных и железных дорог, морских и воздушных портов, телекоммуникационных сетей, электростанций, мостов и т.д. — имеет большое значение для развития не только отдельных латиноамериканских стран, но и региона

²⁶ См., например: Hillman J., Sacks D., Schmemmann A. China's Belt and Road: Implications for the United States // Council on Foreign Relations. March 2021. Available at: <https://www.cfr.org/report/chinas-belt-and-road-implications-for-the-united-states/> (accessed: 25.12.2025).

²⁷ См., например: Koop F. ONGs plantean preocupación por inversiones chinas en América Latina // Dialogue Earth. 17.03.2023. Available at: <https://dialogue.earth/es/negocios/64274-ongs-latinoamericanas-plantean-preocupacion-por-inversiones-chinas-ante-la-onu/> (accessed: 25.12.2025).

²⁸ Однако ситуация в торговле стран региона с США во многом схожа: при исключении из статистики Мексики, которая глубоко интегрирована в производственный сектор Северной Америки (*Factory North America*), перечень экспортируемых товаров приобретает выраженный сырьевой профиль. См.: International trade outlook for Latin America and the Caribbean, 2025...

в целом, обеспечивая его связанность и содействуя образованию новых производственно-сбытовых цепочек, т.е. предоставляет потенциальную возможность для активизации внутрирегионального сотрудничества (и снижения посредством этого некоторых рисков взаимодействия с КНР).

В качестве примера приведем строительство глубоководных морских портов с высокой пропускной способностью, в частности флагманский проект «Пояса и пути» — мегапорт Чанкай в Перу, 60% акций которого в 2019 г. приобрела государственная корпорация «China COSCO Shipping»²⁹. Открытие первой очереди порта осенью 2024 г. сократило маршрут из Китая в Южную Америку («от Шанхая до Чанкай») до 23 дней вместо прежних полутора месяцев и снизило логистические расходы на 20%. По оценкам китайской стороны, Чанкай будет приносить Перу ежегодно 4,5 млрд долл. и создаст около 8 тыс. рабочих мест³⁰. В настоящее время изучается возможность строительства трансконтинентальной железной дороги, которая соединит Чанкай с атлантическим побережьем Бразилии³¹. По расчетам, это позволит существенно сократить доставку грузов по сравнению с маршрутами, проходящими сегодня через Атлантику и Панамский канал³².

²⁹ По оценкам американской стороны, Китай создает в ЛАК сеть морских портов, которые позволяют ему перекрывать жизненно важные морские артерии, тайно следить за США, а в случае необходимости наносить военные удары по их территории. Также Китай, получая возможность контролировать ключевые логистические узлы, расширяет свое экономическое и политическое присутствие в регионе. См., например: Ziemer H., Han J., Powers-Riggs A. No safe harbor: Evaluating the risk of China's port projects in Latin America and the Caribbean // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 26.06.2025. Available at: <https://features.csis.org/no-safe-harbor-china-ports/> (accessed: 25.12.2025).

³⁰ El barco de la amistad entre China y Perú: que zarpe hacia un futuro más brillante // El Peruano. 14.11.2024. Available at: <https://elperuano.pe/noticia/257693-el-barco-de-la-amistad-chino-peruana-que-zarpe-hacia-un-futuro-mas-brillante> (accessed: 25.12.2025).

³¹ Китай более 15 лет является крупнейшим торговым партнером Бразилии, она в свою очередь — главный торговый партнер КНР в ЛАК. Объем их торговли превышает 160 млрд долл., при этом основная доля взаиморасчетов производится в национальных валютах. См.: China, Brazil trade grows 9.9 pct in first 10 months of 2024 // The State Council of the People's Republic of China. 17.11.2024. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202411/17/content_WS6739ebacc6d0868f4e8ed161.html (accessed: 25.12.2025).

³² Zhao Y. China, Brazil sign MoU to conduct feasibility study for transcontinental railway project: Brazilian ministry // Global Times. 09.07.2025. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202507/1337961.shtml> (accessed: 25.12.2025).

Отметим также подписанные правительством Никарагуа соглашения о строительстве китайскими компаниями глубоководного порта «Блуфилдс» на карибском побережье и интеллектуального логистического центра «Коринто» на берегу Тихого океана³³. Это указывает на то, что Китай планирует возобновить «крупнейший проект гражданского строительства в истории человечества» — Никарагуанский канал как дублер Панамского. На первый взгляд, планы кажутся малоосуществимыми, но уместно процитировать британского синолога Дж. Салливана: «У Китая есть возможности, инженерные навыки, амбиции и деньги для достижения самых невероятных результатов»³⁴. И очевидно, что проекты в случае их реализации не только перестроят мировую логистику, но и повысят роль ЛАК в мировой торговле.

Однако при оценке китайско-латиноамериканских отношений и перспектив реализации многих проектов (в первую очередь стратегически важных, в том числе морских портов) необходимо учитывать специфику региона, который исторически был сферой влияния («задним двором») США, а карибские страны — еще и «мягким подбрюшьем». И если в XX столетии у Вашингтона практически не было причин для беспокойства, то с середины 2000-х годов в США началось обсуждение «агрессивной экспансии» Китая в Латинскую Америку³⁵. Однако в целом Белый дом не рассматривал его как серьезную угрозу, что доказывают, например, слова Ч. Шапино, первого заместителя помощника госсекретаря США по делам Западного полушария: «Отношения между США и КНР

³³ Соглашения Министерства транспорта и инфраструктуры Никарагуа с китайскими компаниями «CAMC Engineering» и «CCSI» были подписаны в ноябре 2024 г. во время проходившего в Манагуа XVII Делового саммита Китая и стран ЛАК. См.: Sandino N., Ortega Ramírez P. ¿Qué acuerdos y contratos firmó Nicaragua con empresas chinas durante la XVII Cumbre Empresarial? // El 19 Digital. 18.11.2024. Available at: <https://www.el19digital.com/articulos/ver/158375-que-acuerdos-y-contratos-firmo-nicaragua-con-empresas-chinas-durante-la-xvii-cumbre-empresarial> (accessed: 25.12.2025).

³⁴ Perryer S. How China uses infrastructure as a means of control // World Finance. Available at: <https://www.worldfinance.com/featured/how-china-uses-infrastructure-as-a-means-of-control> (accessed: 25.12.2025).

³⁵ China's influence in the Western hemisphere: Hearing before the subcommittee on the Western hemisphere of the Committee on International Relations House of Representatives, one hundred ninth congress, first session // U.S. Government Publishing Office. 06.04.2005. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-109hrg20404/pdf/CHRG-109hrg20404.pdf> (accessed: 25.12.2025).

важны для глобального мира, процветания и стабильности <...>. Мы поддерживаем участие Китая в регионе таким образом, чтобы оно способствовало процветанию и прозрачности, благому управлению и уважению прав человека»³⁶. Подобное мнение преобладало и в администрации Б. Обамы: госсекретарь Дж. Керри даже заявил о завершении эпохи доктрины Монро³⁷, давая тем самым понять, что США не будут препятствовать контактам региона с другими акторами, прежде всего с КНР.

Это можно объяснить стратегией Пекина, который сначала действовал осторожно, учитывая «деликатный характер своих углубляющихся связей с Латинской Америкой», и подчеркивал, что его растущее присутствие «никоим образом не должно интерпретироваться как вызов гегемонии США» [Jiang, 2008: 28]. Однако создание Форума Китай–СЕЛАК зафиксировало изменения в латиноамериканской стратегии КНР и продемонстрировало «смелость нового поколения китайских руководителей, которые не воздерживаются от действий только потому, что это может быть воспринято в США как угроза»³⁸. При этом Пекин с самого начала стремился стать рупором интересов объединенного под его руководством Юга. Об этом говорит заявление Си Цзиньпина перед запуском Форума: «Мы <...> посвятим себя совершенствованию системы глобального управления и будем активно добиваться расширения представительства развивающихся стран и права выступать от их имени в международных делах»³⁹.

³⁶ Challenge or opportunity? China's role in Latin America: Hearing before the subcommittee on Western hemisphere, peace corps and narcotics affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate, one hundred ninth congress, first session // U.S. Government Publishing Office. 20.09.2005. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-109shrg28258/html/CHRG-109shrg28258.htm> (accessed: 25.12.2025).

³⁷ Kerry J. Remarks on U.S. policy in the Western hemisphere // U.S. Department of State (2009–2017). 18.11.2013. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/11/217680.htm> (accessed: 25.12.2025).

³⁸ Ellis E. China's strategy in Latin America demonstrates boldness of President Xi // The Manzella Report. 19.02.2014. Available at: <http://www.manzellareport.com/index.php/world/814-china-s-strategy-in-latinamerica-demonstrates-boldness-of-president-xi> (accessed: 25.12.2025).

³⁹ China pushes for developing world's rights as BRICS Summit opens // Reuters. 16.07.2014. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-diplomacy/china-pushes-for-developing-worlds-rights-as-brics-summit-opens-idUSKBN0FK05T20140715/> (accessed: 25.12.2025).

По мере развития связей с ЛАК Китай включает в сотрудничество вопросы безопасности. Особо отметим Инициативу глобальной безопасности⁴⁰. Американский профессор Э. Эллис пишет, что документ дает «тревожащее представление» о планах Пекина. По его мнению, отсутствие упоминаний Организации американских государств и намерение поддерживать СЕЛАК в обеспечении мира и урегулировании региональных конфликтов (хотя Сообщество пока не располагает необходимыми институциональными механизмами) говорит о стремлении КНР не только к оборонному взаимодействию с ЛАК, но и к созданию новых структур по обеспечению региональной безопасности⁴¹.

На наш взгляд, именно Латиноамериканский регион наиболее наглядно демонстрирует геополитические сдвиги на мировой арене, что часто обозначают как властный транзит [см., например: Дегтерев и др., 2021]. Инициативы Пекина подрывают гегемонию Вашингтона, который вынужден реагировать на них, вместо того чтобы самому определять повестку дня. При этом некоторые решения администрации Д. Трампа, в том числе установление заградительных пошлин на импорт товаров почти из всех стран мира, включая ЛАК, открывают новые возможности для расширения китайского присутствия в регионе. В то же время необходимо учитывать, что многие латиноамериканские страны при наличии выбора предпочли бы сотрудничество со своим северным соседом, поэтому мы согласны с авторами [см., например: Maiza-Larrarte, Bustillo-Mesanza, 2025], которые подчеркивают, что властный транзит весьма далек от завершения. Проблема заключается в том, что США стремятся не наладить свои отношения со странами ЛАК, а внести раскол в их партнерство с Китаем. Так, Панама под давлением Д. Трампа отказалась от дальнейшего участия в инициативе «Пояс и путь»; Аргентина, которая при президенте Х. Милее явно ориентируется на Вашингтон, отправила на четвертую министерскую встречу де-

⁴⁰ The Global Security Initiative concept paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 21.02.2023. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367484.html (accessed: 25.12.2025).

⁴¹ Ellis E. What China's Global Security Initiative tells us about its strategic engagement with Latin America // The Diplomat. 04.04.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/04/what-chinas-global-security-initiative-tells-us-about-its-strategic-engagement-with-latin-america/> (accessed: 25.12.2025).

легацию «второго уровня» и отказалась участвовать в подписании принятых в Пекине документов.

Эта политика нашла отражение в Стратегии национальной безопасности США 2025 г. (СНБ-2025). Мы не будем останавливаться ни на стилистике этого документа, обнародованного 5 декабря, ни на изменениях во внешней политике Вашингтона при Д. Трампе в целом [см. подробнее: Смирнов, 2025], хотя и то и другое достаточно интересно. В контексте нашего исследования обратим внимание на то, что Западное полушарие объявлено важнейшим приоритетом («сосредоточиться и расставить приоритеты — значит сделать выбор, признать, что не всё имеет одинаковое значение для всех»). Для того чтобы «восстановить американское превосходство в Западном полушарии, защитить <...> родину и доступ к ключевым географическим точкам по всему региону»⁴², СНБ провозглашает возврат к доктрине Монро, причем с «поправкой Трампа» (*Trump Corollary*), что напрямую отсылает к «поправке Рузвельта» (*Roosevelt Corollary*), которая в начале XX в. дала расширительное толкование этой доктрины, заявив о праве США вторгаться в случае необходимости в Латинскую Америку. Сегодня Вашингтон вновь берет курс на вытеснение из ЛАК внерегиональных акторов (*non-hemispheric competitors*), что неизбежно приведет к усилению давления на страны, имеющие тесные связи с Китаем.

В этом контексте будет нелишним напомнить, что Д. Трамп ни в свой первый президентский срок, ни в 2025 г. так и не посетил регион с официальным визитом (не считая поездки в 2018 г. в Аргентину, где проходил саммит «G20»). К тому же такой расклад явно не устраивает Пекин, который спустя всего четыре дня после опубликования СНБ-2025 обнародовал новую Белую книгу по латиноамериканской политике⁴³. Документ, содержащий расширенный перечень областей сотрудничества, свидетельствует о качественном росте отношений с момента выпуска подобных документов в 2008 и 2016 гг.

⁴² National Security Strategy of the United States of America // The White House. November 2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/issues/national-security/> (accessed: 25.12.2025).

⁴³ China's policy paper on Latin America and the Caribbean // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 10.12.2025. Available at: http://english.scio.gov.cn/topnews/2025-12/10/content_118220674.html (accessed: 25.12.2025).

Белую книгу 2025 г. Э. Эллис назвал «самоуверенной, но дипломатичной»⁴⁴ (СНБ-2025 в таком случае «самоуверенная и недипломатичная», хотя и менее расплывчатая по сравнению с предыдущими вариантами), а испанский профессор Х. Риос — «самым амбициозным, самым детальным и самым политическим» документом, знаменующим переход от сотрудничества в сфере экономики и инфраструктуры к формированию альянса, интегрированного в глобальную стратегию КНР⁴⁵. Анализ текста позволяет сделать вывод о существенном усилении политического компонента SSC. Пекин, определяя регион ЛАК как важную часть Глобального Юга и необходимую силу в построении многополярного мира, называет международные структуры, в которых ожидает содействия (ООН, «G20», Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, БРИКС, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и др.). Очевидно, что эти планы, затрагивающие чувствительные для Вашингтона сферы, вполне способны вызвать серьезную эскалацию противостояния двух держав.

* * *

Китай стремится включить в зону своего влияния как можно большее число государств Глобального Юга, что продиктовано как экономическими мотивами, так и стремлением к реорганизации мирового порядка. Для этого Пекин активно использует риторику SSC и создает форумы с участием развивающихся стран в разных регионах мира, что позволяет ему оказывать влияние на международные отношения в региональном масштабе. Однако это также открывает перед ним возможности по созданию коалиций развивающихся стран в рамках глобальных международных организаций (неслучайно представители Китая или поддерживаемые им кандидатуры всё чаще возглавляют различные структуры ООН и ее специализированные учреждения), влияя тем самым на мировую политику и распределение власти между Севером и Югом.

⁴⁴ Ellis E. China's 2025 White Paper on Latin America sets the stage for renewed competition with the US // The Diplomat. 16.12.2025. Available at: <https://thediplomat.com/2025/12/chinas-2025-white-paper-on-latin-america-sets-the-stage-for-renewed-competition-with-the-us/> (accessed: 25.12.2025).

⁴⁵ Rios X. América Latina ante las estrategias divergentes de China y Estados Unidos // Descifrando la Guerra. 14.12.2025. Available at: <https://www.descifrandolaguerra.es/america-latina-estrategias-china-estados-unidos/> (accessed: 25.12.2025).

Форум Китай–СЕЛАК за 10 лет работы зарекомендовал себя как важный механизм SSC. Выработанные в его рамках решения институционализируют и расширяют китайское присутствие в ЛАК. Эта диалоговая платформа, с одной стороны, дополняет двусторонние связи с латиноамериканскими странами, с другой — дает возможность Китаю доносить свои инициативы до максимально возможного количества адресатов. Неслучайно в Белой книге 2025 г. Пекин подчеркивает заинтересованность в дальнейшей работе Форума и совершенствовании его механизмов. Со своей стороны государства ЛАК, выступая сообща, способны оказывать большее влияние на принимаемые в рамках Форума решения и приводить политику Китая в большее соответствие с собственными интересами.

Однако будущее Форума зависит не только от того, насколько успешно стороны будут решать поставленные задачи и преодолевать возникающие противоречия, но и от траектории развития противостояния США и КНР. Сегодняшние процессы и события в их взаимоотношениях так или иначе скажутся и на межамериканских связях, и на сотрудничестве КНР со странами ЛАК. Что касается последних, то наиболее оптимальным вариантом для них было бы избегание игры с нулевой суммой. Проблема заключается в том, что геополитическое противостояние США и КНР приобретает всё более бескомпромиссный характер, а это в свою очередь сужает пространство для маневров и реализации политики равноудаленности. В этой связи многократно возрастает важность выработки курса на «активное неприсоединение» и повышение субъектности стран ЛАК на мировой «шахматной доске», что предполагает расширение связей и внутри региона, и с другими акторами международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсентьева И.И. Китайский Шелковый путь здоровья // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69. № 1. С. 30–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-30-38.
2. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США–КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231.
3. Каткова Е.Ю., Еремин А.А. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе // *Вестник между-*

народных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 2. С. 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-07.

4. Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 89–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124.

5. Смирнов П.Е. Второе президентство Д. Трампа: национальный интерес или «порядок, основанный на правилах»? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 38–79. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-38-79.

6. Alden Ch., Alves A.C. China's regional forum diplomacy in the developing world: Socialisation and the 'sinosphere' // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 103. P. 151–165. DOI: 10.1080/10670564.2016.1206276.

7. Alden Ch., Morphet S., Vieira M.A. The South in world politics. London: Palgrave Macmillan, 2010.

8. Ayllón Pino B. El impulso a la cooperación Sur–Sur en América Latina: ¿Nuevas formas de cooperación regional? // Breviario en Relaciones Internacionales. 2010. Available at: <https://cea2.unc.edu.ar/boletin/n-antecedentes/016/articulo1.pdf> (accessed: 25.12.2025).

9. Berger T., Müller M.-M. South–South security cooperation and the (re) making of global security governance // European Journal of International Security. 2025. P. 1–20. DOI: 10.1017/eis.2025.11.

10. Freeman C.P. Introduction // Handbook on China and developing countries / Ed. by C.P. Freeman. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 1–18.

11. Gosovic B. On the eve of BAPA+40 — South–South cooperation in today's geopolitical context // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18. No. 3. P. 459–478. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-459-478.

12. Gosovic B. The resurgence of South–South cooperation // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. No. 4. P. 733–743. DOI: 10.1080/01436597.2015.1127155.

13. Gray K., Gills B.K. South–South cooperation and the rise of the Global South // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. No. 4. P. 557–574. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128817.

14. Harris R.L., Arias A.A. China's South–South cooperation with Latin America and the Caribbean // Journal of Developing Societies. 2016. Vol. 32. No. 4. P. 508–556. DOI: 10.1177/0169796X16674108.

15. Jakóbowski J. Chinese-led regional multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16+1, FOCAC, and CCF // Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27. No. 113. P. 659–673. DOI: 10.1080/10670564.2018.1458055.

16. Jiang M. Chinese relations with the Global South: Evidences from Latin America // IDEES. 2021. No. 52. Available at: <https://revistaidees.cat/en/chinese->

relations-with-the-global-south-evidences-from-latin-america/ (accessed: 25.12.2025).

17. Jiang Sh. The Chinese foreign policy perspective // China's expansion into the Western hemisphere: Implications for Latin America and the United States / Ed. by R. Roett, G. Paz. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008. P. 27–43.

18. Li J. China's identity positioning and diplomacy among developing countries // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. 2023. Vol. 32. P. 177–181. DOI: 10.54254/2753-7048/32/20230867.

19. Lopez Cabana S. Chronology and history of South-South cooperation: An Ibero-American contribution. Montevideo: Secretaría General Iberoamericana, 2014. Available at: <https://cooperacionsursur.org/wp-content/uploads/2020/05/18-DT05-Chrono-South-South2014.pdf> (accessed: 25.12.2025).

20. Maiza-Larrarte A., Bustillo-Mesanza R. The hegemonic transition in Latin America: To what extent is China challenging US's hegemony? // All Azimuth. 2025. Vol. 14. No. 2. P. 273–294. DOI: 10.20991/allazimuth.1644600.

21. Mosquera M., Morales Ruvalcaba D. La estrategia institucional de China hacia América Latina. Análisis comparado entre los foros Celac-China y Celac-Unión Europea // Oasis. 2018. No. 28. P. 123–149. DOI: 10.18601/16577558.n28.08.

22. Santander Campos G. La cooperación Sur-Sur en América Latina: Implicaciones para el sistema de ayuda // Actas del Congreso internacional 'América Latina: La autonomía de una región'. Madrid: Trama Editorial, 2012. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-00876619/document> (accessed: 25.12.2025).

23. Sheng L., Nascimento do D.F. The Belt and Road Initiative in South-South cooperation. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021.

24. South-South cooperation and Chinese foreign aid / Ed. by M. Huang, X. Xu, X. Mao. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019.

25. South-South cooperation beyond the myths: Rising donors, new aid practices? / Ed. by I. Bergamaschi, Ph. Moore, A.B. Tickner. London: Palgrave Macmillan, 2017.

26. Telias D. Los foros China-CELAC y China-CEEC (17+1): Una mirada desde las teorías del regionalismo // Revista Tempo do Mundo. 2020. No. 24. P. 225–250. DOI: 10.38116/rtm24art8.

27. Vadell J.A. China in Latin America: South-South cooperation with Chinese characteristics // Latin American Perspectives. 2019. Vol. 46. No. 2. P. 107–125. DOI: 10.1177/0094582X18815511.

28. Vadell J.A. El Foro China-CELAC y el nuevo regionalismo para un mundo multipolar: Desafíos para la cooperación 'Sur-Sur' // Carta Internacional. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 6–37. DOI: 10.21530/ci.v13n1.2018.733.

29. Vadell J.A., Ramos L., Neves P. The international implications of the Chinese model of development in the Global South: Asian consensus as a network

power // Revista Brasileira de Política Internacional. 2014. Vol. 57. P. 91–107. DOI: 10.1590/0034-7329201400206.

30. Warmerdam W., Haan de A. South–South cooperation with Chinese characteristics // Innovating South–South cooperation: Policies, challenges and prospects / Ed. by H.G. Besada, M.E. Tok, L.M. Polonenko. Ottawa: University of Ottawa Press, 2019. P. 141–172.

31. Zhao S. China's approaches toward regional cooperation in East Asia: Motivations and calculations // Journal of Contemporary China. 2011. Vol. 20. No. 68. P. 53–67. DOI: 10.1080/10670564.2011.520846.

32. Zottele E., Zottele A.C. Aproximaciones a la Franja y la Ruta. Mexico: Centro de Estudios China–Veracruz, 2020.

REFERENCES

1. Arsentyeva I.I. 2025. Kitaiskii Shelkovyi put' zdorov'ya [China's Health Silk Road]. *World Economy and International Relations*, vol. 69, no. 1, pp. 30–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-30-38. (In Russ.)

2. Degterev D.A., Ramich M.S., Tsyvk A.V. 2021. SShA–KNR: 'vlastnyi tranzit' i kontury 'konfliktnoi bipolyarnosti' [U.S.–China: 'Power transition' and the outlines of 'conflict bipolarity']. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 2, pp. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231. (In Russ.)

3. Katkova E., Eremin A. 2022. Otnosheniya KNR s regionom Latinskoi Ameriki i Karibskogo basseina na sovremennom etape [China's relations with Latin America and the Caribbean at the present stage]. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-07. (In Russ.)

4. Kuznetsov D.A., Dmitrieva V.A. 2024. Gumanitarnaya diplomatiya i strany Global'nogo Yuga: tendentsii i diskursy [Humanitarian diplomacy and the countries of the Global South: Trends and discourses]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 89–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124. (In Russ.)

5. Smirnov P.Ye. 2025. Vtoroe prezidentstvo D. Trampa: natsional'nyi interes ili 'poryadok, osnovannyi na pravilakh'? [Donald Trump's second presidency: National interest vs. 'rules-based order'?]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 38–79. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-38-79. (In Russ.)

6. Alden Ch., Alves C. 2017. China's regional forum diplomacy in the developing world: Socialisation and the 'sinosphere'. *Journal of Contemporary China*, vol. 26, no. 103, pp. 151–165. DOI: 10.1080/10670564.2016.1206276.

7. Alden Ch., Morphet S., Vieira M.A. 2010. *The South in world politics*. London, Palgrave Macmillan.

8. Ayllón Pino B. 2010. El impulso a la cooperación Sur–Sur en América Latina: ¿Nuevas formas de cooperación regional? *Breviario en Relaciones Inter-*

nacionales, no. 16. Available at: <https://cea2.unc.edu.ar/boletin/n-anteriores/016/articulo1.pdf> (accessed: 25.12.2025).

9. Berger T., Müller M.-M. 2025. South-South security cooperation and the (re)making of global security governance. *European Journal of International Security*, pp. 1–20. DOI: 10.1017/eis.2025.11.

10. Freeman C.P. 2015. Introduction. In: Freeman C.P. (ed.). *Handbook on China and developing countries*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 1–18.

11. Gosovic B. 2018. On the eve of BAPA+40 — South-South cooperation in today's geopolitical context. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no. 3, pp. 459–478. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-459-478.

12. Gosovic B. 2016. The resurgence of South-South cooperation. *Third World Quarterly*, vol. 37, no. 4, pp. 733–743. DOI: 10.1080/01436597.2015.1127155.

13. Gray K., Gills B. K. 2016. South-South cooperation and the rise of the Global South. *Third World Quarterly*, vol. 37, no. 4, pp. 557–574. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128817.

14. Harris R.L., Arias A.A. 2016. China's South-South cooperation with Latin America and the Caribbean. *Journal of Developing Societies*, vol. 32, no. 4, pp. 508–556. DOI: 10.1177/0169796X16674108.

15. Jakóbowski J. 2018. Chinese-led regional multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16+1, FOCAC, and CCF. *Journal of Contemporary China*, vol. 27, no. 113, pp. 659–673. DOI: 10.1080/10670564.2018.1458055.

16. Jiang M. 2021. Chinese relations with the Global South: Evidences from Latin America. *IDEES*, no. 52. Available at: <https://revistaidees.cat/en/chinese-relations-with-the-global-south-evidences-from-latin-america/> (accessed: 25.12.2025).

17. Jiang Sh. 2008. The Chinese foreign policy perspective. In: Roett R., Paz G. (eds.). *China's expansion into the Western hemisphere: Implications for Latin America and the United States*. Washington, D.C., Brookings Institution Press, pp. 27–43.

18. Li J. 2023. China's identity positioning and diplomacy among developing countries. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*, vol. 32, pp. 177–181. DOI: 10.54254/2753-7048/32/20230867.

19. Lopez Cabana S. 2014. *Chronology and history of South-South cooperation: An Ibero-American contribution*. Montevideo, Secretaría General Iberoamericana. Available at: <https://cooperacionsursur.org/wp-content/uploads/2020/05/18-DT05-Chrono-South-South2014.pdf> (accessed: 25.12.2025).

20. Maiza-Larrarte A., Bustillo-Mesanza R. 2025. The hegemonic transition in Latin America: To what extent is China challenging US's hegemony? *All Azimuth*, vol. 14, no. 2, pp. 273–294. DOI: 10.20991/allazimuth.1644600.

21. Mosquera M., Morales Ruvalcaba D. 2018. La estrategia institucional de China hacia América Latina. Análisis comparado entre los foros Celac-China

y Celac–Unión Europea. *Oasis*, no. 28, pp. 123–149. DOI: 10.18601/16577558.n28.08.

22. Santander Campos G. 2012. La cooperación Sur–Sur en America Latina: Implicaciones para el sistema de ayuda. In: *Actas del Congreso internacional 'América Latina: La autonomía de una región'*. Madrid, Trama Editorial. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-00876619/document> (accessed: 25.12.2025).

23. Sheng L., Nascimento do D.F. 2021. *The Belt and Road Initiative in South–South cooperation*. Singapore, Palgrave Macmillan.

24. Huang M., Xu X., Mao X. (eds.). 2019. *South–South cooperation and Chinese foreign aid*. Singapore, Palgrave Macmillan.

25. Bergamaschi I., Moore Ph., Tickner A.B. (eds.). 2017. *South–South cooperation beyond the myths. Rising donors, new aid practices?* London, Palgrave Macmillan.

26. Telias D. 2020. Los foros China–CELAC y China–CEEC (17+1): Una mirada desde las teorías del regionalismo. *Revista Tempo do Mundo*, no. 24, pp. 225–250. DOI: 10.38116/rtm24art8.

27. Vadell J.A. 2019. China in Latin America. South–South cooperation with Chinese characteristics. *Latin American Perspectives*, vol. 46, no. 2, pp. 107–125. DOI: 10.1177/0094582X18815511.

28. Vadell J.A. 2018. El Foro China–CELAC y el nuevo regionalismo para un mundo multipolar: Desafíos para la cooperación 'Sur–Sur'. *Carta Internacional*, vol. 13, no. 1, pp. 6–37. DOI: 10.21530/ci.v13n1.2018.733.

29. Vadell J.A., Ramos L., Neves P. 2014. The international implications of the Chinese model of development in the Global South: Asian consensus as a network power. *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 57, pp. 91–107. DOI: 10.1590/0034-7329201400206.

30. Warmerdam W., Haan de A. 2019. South–South cooperation with Chinese characteristics. In: Besada H.G., Tok M.E., Polonenko L.M. (eds.). *Innovating South–South cooperation: Policies, challenges and prospects*. Ottawa, University of Ottawa Press, pp. 141–172.

31. Zhao S. 2011. China's approaches toward regional cooperation in East Asia: Motivations and calculations. *Journal of Contemporary China*, vol. 20, no. 68, pp. 53–67.

32. Zottele E., Zottele A.C. 2020. *Aproximaciones a la Franja y la Ruta*. Mexico, Centro de Estudios China–Veracruz.

Статья поступила в редакцию 12.11.2025;
одобрена после рецензирования 22.12.2025;
принята к публикации 26.12.2025

The paper was submitted 12.11.2025;
approved after reviewing 22.12.2025;
accepted for publication 26.12.2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-187-216

Научная статья / Research paper

Ван Юйфэй*

ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В современном мирополитическом контексте резко возрастает стратегическая значимость различных форм межрегионального сотрудничества. Для их осмысления в исследованиях международных отношений часто используется теория интеррегионализма, которая, обладая значительным эпистемологическим потенциалом, в то же время отличается ярко выраженным европоцентризмом: ее концептуальное ядро и эмпирическая база основываются на анализе опыта взаимодействия ЕС или европейских стран с другими региональными организациями / группами государств. В этой связи естественным образом встает вопрос, в какой мере принципы и положения данной теории релевантны для изучения политики незападных акторов? Чтобы ответить на него, автор предлагает применить теорию интеррегионализма для анализа 25-летней истории экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии (ЦА). В первых разделах статьи прослеживается развитие теоретических исследований феномена интеррегионализма, выявляются его ключевые разновидности и функциональные аспекты. На этой основе далее автор обращается к рассмотрению эволюции китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества с начала XXI в. Показано, что с точки зрения теории интеррегионализма в истории этого сотрудничества можно выделить три этапа. В рамках первого этапа (2001–2012) Китай пытался формировать институциональные интеррегиональные экономические отношения на базе Шанхайской организации сотрудничества с участием не только стран ЦА, но и России. Иными словами, применительно к этому этапу речь должна идти не столько о китайско-центральноазиатском,

* Ван Юйфэй — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: wyfempire@gmail.com).

сколько о китайско-евразийском квазиинтеррегиональном взаимодействии. Второй этап (2013–2022) характеризовался усилиями КНР по выводу китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества на трансрегиональный уровень за счет прежде всего активного вовлечения стран ЦА в реализацию инициативы Экономического пояса Шелкового пути. Третий этап (2022 — н.в.) связан с началом специальной военной операции России на Украине, которая побудила КНР в целях митигации политических и экономических рисков вернуться в своей политике в отношении стран ЦА к принципам квазиинтеррегионализма, но уже без участия Москвы. Таким образом, проведенное исследование не только показало применимость положений теории интеррегионализма к изучению деятельности незападных акторов, но и позволило под новым углом взглянуть на конкретный кейс такого межрегионального взаимодействия — китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество. В то же время очевидна необходимость дальнейшего совершенствования методологии интеррегиональных исследований для их лучшей адаптации к различным незападным контекстам.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Россия, трансрегионализм, интеррегионализм, регионализм, региональная интеграция, региональное сотрудничество, «Пояс и путь», Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: Ван Юйфэй. Интеррегиональная политика КНР на примере китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 187–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-187-216.

Wang Yufei

**PRC'S INTERREGIONAL POLICY:
A CASE STUDY OF SINO-CENTRAL ASIAN
ECONOMIC COOPERATION**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Various forms of interregional cooperation are of increasing strategic importance in the contemporary global political context. To conceptualize them, IR scholars often employ the theory of interregionalism. While possessing significant epistemological potential, it is characterized by pronounced Eurocentrism. Its conceptual core and empirical foundation are based on the analysis of the interactions of the European Union or European countries with other regional

organizations/groups of states. This naturally raises the following question: to what extent are the principles and implications of this theory relevant for studying the policies of non-Western actors? To answer this question, the author applies the theory of interregionalism to an analysis of the 25-year history of China's economic cooperation with Central Asian (CA) countries. First, the author traces the development of theoretical research on the interregionalism phenomenon, identifying its key types and functional aspects. Building on this, the author examines the evolution of Sino-Central Asian economic cooperation since the early 21st century and distinguishes three stages in its development. The first stage (2001–2012) saw China attempt to form institutionalized interregional economic relations based on the Shanghai Cooperation Organization, involving not only CA countries but also Russia. In other words, for this stage, it is more accurate to speak of Sino-Eurasian quasi-interregional interaction rather than strictly Sino-Central Asian. The second stage (2013–2022) was characterized by China's efforts to elevate Sino-Central Asian economic cooperation to a transregional level, primarily through the active involvement of CA countries in the implementation of the Silk Road Economic Belt initiative. The third stage (2022–present) is associated with the beginning of Russia's special military operation in Ukraine, which prompted China to return to the principles of quasi-interregionalism in its policy toward CA countries, though now without Moscow's participation, in order to mitigate political and economic risks. Thus, this study not only demonstrates the applicability of the interregionalism theory to the study of non-Western actors but also provides a fresh perspective on a specific case of such interregional interaction — Sino-Central Asian economic cooperation. At the same time, there is a clear need to further refine the methodology of interregional research to better adapt it to various non-Western contexts.

Keywords: China, Central Asia, Russia, transregionalism, interregionalism, regionalism, regional integration, regional cooperation, Belt and Road Initiative, Shanghai Cooperation Organization

About the author: Wang Yufei — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: wyfempire@gmail.com).

For citation: Wang Yufei. 2025. PRC's interregional policy: A case study of Sino-Central Asian economic cooperation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 187–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-187-216. (In Russ.)

Межрегиональное сотрудничество — отнюдь не новый феномен в международных отношениях. Еще в июле 1963 г. Европейское экономическое сообщество заключило Яундскую конвенцию

с 8 африканскими государствами, направленную на содействие двусторонней торговле. Этот документ рассматривается как один из первых институциональных механизмов взаимодействия двух регионов. Однако систематическое изучение и теоретизация практики межрегионального сотрудничества начали привлекать внимание академического сообщества лишь на рубеже XX–XXI вв.

Некоторые исследователи полагают, что интеррегионализм (*interrregionalism*) способен выступить мостом для диалога между усиливающимися процессами глобализации и регионализации. Ф. Бэрт рассматривает интеррегионализм как «уникальную модель глобального управления, основанную на региональном принципе» [Intersecting interregionalism..., 2014: 181]; М. Райтерер акцентирует внимание на том, что интеррегионализм способствует решению проблем на региональном уровне и содействует региональному управлению [Reiterer, 2006: 240]. Ученые в целом оптимистично оценивают перспективы интеррегионализма как нового уровня и важной составляющей развивающейся системы глобального управления [Doidge, 2011: 16].

В данном контексте широкое освещение в академических кругах получили концепция, типология, функционал и перспективы интеррегионализма [Чжэн, 2014: 92]. Однако большинство эмпирических исследований в указанной сфере базируются на анализе взаимодействия ЕС или европейских стран с другими региональными организациями / группами государств. Например, в главе об интеррегионализме и трансрегионализме Оксфордского справочника по сравнительным региональным исследованиям около 80% цитируемой литературы непосредственно связано с Европой [см. подробнее: Ribeiro Hoffmann, 2016].

Данное обстоятельство отражает устойчивую европоцентричную ориентацию в исследовательском поле интеррегионализма, что закономерно побуждает поставить следующие вопросы:

- 1) каким образом неевропейские акторы международных отношений продвигают собственную практику интеррегионализма?
- 2) сохраняют ли основные функции интеррегионализма свою актуальность в интеррегиональных отношениях при исключении европейского участия?

Отсутствие эмпирических исследований на указанных направлениях ставит под сомнение универсальность существующих теоретических конструкторов интеррегионализма. Учитывая изложенное,

автор предпринимает попытку ответить на поставленные вопросы посредством анализа процесса экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии (ЦА) через призму теории интеррегионализма. Выбор китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества в качестве предмета исследования обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, Китай рассматривается как один из наиболее типичных и влиятельных незападных акторов международных отношений, одновременно являясь активным инициатором развития современных механизмов межрегионального сотрудничества. На сегодняшний день Пекин уже учредил формальные механизмы такого взаимодействия с государствами Африки, Океании, Ближнего Востока, Латинской Америки и Центрально-Восточной Европы. Таким образом, китайская политика и практика в сфере межрегионального сотрудничества могут служить репрезентативным кейсом для изучения того, как незападные акторы иницируют и возглавляют процессы интеррегионализма.

Во-вторых, в эмпирических исследованиях данной сферы ЦА и весь Евразийский регион остаются периферийными объектами научного внимания, что контрастирует с их возрастающей ролью в современном межрегиональном сотрудничестве. Помимо взаимодействия с Китаем страны ЦА недавно создали форматы «C5+1» с ЕС, США и Японией [Сюй, 2024: 123]. В данном контексте возникает необходимость системного анализа интеррегиональных практик с участием государств ЦА, что позволит восполнить существующий академический пробел.

Статья начинается с обсуждения теоретических основ интеррегионализма и его ключевых функций. Затем, опираясь на данный теоретический задел, автор анализирует историю развития экономического сотрудничества между Китаем и ЦА с начала XXI в., чтобы определить характерные особенности практик китайского интеррегионализма и верифицировать объяснительную способность теории интеррегионализма в отношении интеррегионального сотрудничества без участия Европы.

Интеррегионализм и трансрегионализм: концептуальные аспекты

Интеррегионализм как результат последних теоретических изысканий в области осмысления феномена регионализма до сих пор не

получил единого концептуального определения в академических кругах. Б. Хеттне одним из первых предложил дефиницию понятия «интеррегионализм». По мнению ученого, под этим феноменом следует понимать «институционализированные и формальные отношения между различными регионами или группами государств из разных регионов» [Hettne, 2003: 8]. При этом Б. Хеттне подчеркивал, что основным критерием для определения этого понятия является наличие у региона сильной политической активности. Другими словами, субъект интеррегионализма должен обладать постоянной структурой принятия решений и дееспособностью, или высокой акторностью (*actorness*)¹ [Hettne, 2004: 9]. С точки зрения данного определения Европейский союз, будучи наиболее развитым региональным интеграционным объединением в мире, можно рассматривать в качестве идеального субъекта для реализации практики интеррегионализма. Формальные отношения, установленные между ЕС и другими региональными объединениями с высокой степенью интеграции, такими как МЕРКОСУР² и АСЕАН³, представляют собой наиболее яркие примеры интеррегионализма в современной международной практике.

Однако необходимо отметить, что подобный подход к определению интеррегионализма имеет ярко выраженный европоцентричный характер, поскольку практически ни один регион, группа региональных государств или региональная интеграционная организация не обладает такой же степенью акторности и постоянной структурой

¹ Концепция региональности (*regioness*), впервые предложенная Б. Хеттне и Ф. Содербаумом, представляет собой аналитическую рамку и сравнительный инструмент для понимания процессов конструирования и консолидации регионов через призму региональной сплоченности и коммунитаризации. Данная концепция включает следующие таксоны: региональный социальный комплекс, региональное общество, региональное сообщество, институционализированная региональная политическая общность, региональная акторность. Под региональной акторностью (*regional actorness*) понимаются способность региона влиять на внешний мир и его роль в глобальных трансформациях [см. подробнее: Söderbaum, 2016].

² МЕРКОСУР (от исп. MERCOSUR — El Mercado Común del Sur) — крупнейшее интеграционное объединение в Южной Америке, включает Аргентину, Боливию, Бразилию, Венесуэлу (членство приостановлено в 2016 г.), Парагвай и Уругвай. — *Прим. ред.*

³ АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (от англ. ASEAN — Association of South East Asian Nations) — региональная межправительственная организация, включает 11 стран: Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. — *Прим. ред.*

принятия решений, как ЕС. В связи с этим межрегиональные отношения без участия Европы или Евросоюза были исключены из области исследований интеррегионализма, что значительно ограничило академическую ценность этого теоретического подхода.

Более того, такое определение с течением времени становилось всё менее релевантным для описания межрегиональных взаимодействий даже между ЕС и неевропейскими регионами. Например, в 1990-е годы Брюссель опубликовал новые азиатскую и китайскую стратегии⁴, пытаясь параллельно развивать сотрудничество как с конкретным регионом, так и с отдельными региональными державами. Таким образом, можно утверждать, что определение Б. Хеттне уже не в полной мере охватывает всё многообразие практических моделей межрегионального сотрудничества в международных отношениях. В этой связи исследователи регионализма предложили серию определений с более широким концептуальным охватом, в то время как дефиницию Б. Хеттне целесообразно рассматривать в качестве «идеального типа» теории интеррегионализма.

Более распространенное в настоящий момент определение межрегионального сотрудничества [Кузнецов, 2016: 15] было предложено Ф. Содербаумом и Л.В. Лангенхуве: «условие или процесс становления связей между двумя регионами» [Söderbaum, Langenhove, 2005: 251]. В свою очередь Х. Хэнгги трактует интеррегионализм в широком смысле как «институционализированные отношения между региональными организациями, государствами или группами государств из двух или более международных регионов» [Hänggi, 2006: 42]. Его позиция нашла поддержку у китайского ученого Чжэн Сянью, который определяет интеррегионализм как «практический процесс институционализированного сотрудничества между различными субъектами (государственными и негосударственными) из двух или более международных регионов» [Чжэн, 2015: 68]. Включив в аналитическую рамку негосударственных акторов, суверенные государства и более рыхлые группы стран в качестве потенциальных субъектов межрегионального взаимодействия, представлен-

⁴ Communication from the Commission — A long term policy for China-Europe relations // Publications Office of the European Union. 05.07.1995. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0bcb1c7-2c78-4bba-a027-f67035eeac4f> (accessed: 25.11.2025); Communication from the Commission to the Council towards a new Asia strategy // EUR-Lex. 13.07.1994. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A51994DC0314> (accessed: 25.11.2025).

ные дефиниции существенно расширили исследовательское поле интеррегионализма.

На основе широкого определения интеррегионализма Х. Хэнгги выделил следующие его подтипы [Hänggi, 2006: 40].

1. Чистый интеррегионализм — институционализированное взаимодействие между двумя четко идентифицируемыми регионами. В рамках чистого интеррегионализма выделяются следующие три модели.

А. Отношения между двумя региональными интеграционными структурами. Типичными моделями являются отношения ЕС–АСЕАН и ЕС–МЕРКОСУР. В рамках данной модели обе стороны обладают высокой акторностью и региональностью.

Б. Отношения между региональной организацией/форумом и региональной интеграционной группой. Ярким примером такого взаимодействия выступает механизм АСЕМ (Форум «Азия — Европа»; Asia-Europe Meeting, ASEM).

В. Отношения между группами государств из двух регионов, например Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ). Однако необходимо отметить, что такие объединения государств, как правило, не обладают общим директивным органом, координирующим действия своих членов, а это значит, что, являясь главными участниками данной модели межрегионального взаимодействия, они обладают ограниченной региональной акторностью.

2. Квазиинтеррегионализм — отношения между региональной интеграционной организацией / группой региональных государств и отдельной страной другого региона, например Форум «Китай–Африка», сотрудничество ЕС с рядом региональных держав (ЕС–США, ЕС–КНР, ЕС–Бразилия и т.д.). При этом ряд исследователей утверждают, что отношения между регионом и отдельной страной носят неоднозначный характер и при определенных условиях способны скорее препятствовать развитию интеррегионализма, чем содействовать ему [Rignér, Söderbaum, 2010: 2–3]. В то же время другие, особенно западные, ученые подчеркивают, что такая позиция игнорирует ключевую роль, которую отдельные державы играют в межрегиональных отношениях. Например, Чжэн Сяньбу подчеркивает, что некоторые мировые и даже региональные державы иногда могут занимать доминирующее положение в процессе определения

повестки дня для своего региона [Чжэн, 2021: 63]. Наконец, третьи отмечают, что сама дискуссия вокруг роли региональных держав обусловливается излишним вниманием мейнстримных исследований к региональным организациям, рассматриваемым в качестве главных формальных межгосударственных структур [Intersecting interregionalism..., 2014: 5].

3. Трансрегионализм/мегарегионализм⁵ — отношения между отдельными государствами из разных регионов мира, например, в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Эти акторы могут быть членами нескольких интеграционных организаций или групп региональных государств. В рамках трансрегионального сотрудничества акторы действуют скорее как самостоятельные субъекты, а не представители своего региона или определенной его части. Это означает, что по сравнению с моделью чистого интеррегионализма уровень институционализации в случае трансрегионализма будет ниже, а сотрудничество в рамках данной модели чаще всего будет сосредоточено на вопросах «низкой политики» (например, экономических).

Интеррегионализм: функциональные аспекты

Особое внимание следует уделить вопросу о том, какие цели преследуют акторы, обращаясь к инструментам интеррегионализма. На основе исследований Ю. Рюланда и Чжэня Сяньбу мы можем выделить следующие пять основных практик в рамках данного феномена [см. подробнее: Чжэн, 2014; Rüländ, 2006].

1. Баланс сил. Для реалистов и неореалистов военная мощь играет важнейшую роль в обеспечении баланса сил между государствами, однако разрушение биполярной системы серьезно ослабило значение этого фактора в данном процессе, в то время как распространение глобализации и популяризация концепции глобального управления заметно увеличили интерес международных акторов к обеспечению своего благоприятного положения в различных международных институтах. Постепенно институциональный баланс стал ключевым

⁵ В своей статье Х. Хэнги обозначает отношения между отдельными государствами из различных регионов мира термином «мегарегионализм», однако большинство исследователей предпочитают использовать для характеристики подобных взаимосвязей понятие «трансрегионализм» [Чжэн, 2021: 68; Rüländ, 2006: 296], что обуславливает их семантическую эквивалентность в академическом дискурсе.

компонентом концепции баланса сил. С этой точки зрения интеррегионализм предоставляет идеальный инструмент для достижения такого баланса. Например, АСЕАН в 1990-е годы использовала различные механизмы регионального диалога и сотрудничества, такие как АСЕМ и АТЭС, чтобы уравновесить отношения с Китаем, Японией, США и другими крупными странами.

2. Создание различных институтов. Как было отмечено, с традиционной точки зрения институциональность рассматривается как ключевая характеристика интеррегионализма: именно создание и укрепление институтов составляют его важнейшую функцию. Эти процессы чрезвычайно разнообразны и включают: различные формальные договорные системы, такие как соглашения о сотрудничестве и диалоге, соглашения о партнерстве; регулярные мероприятия — саммиты, министерские совещания, встречи высших должностных лиц и форумы гражданского общества, являющиеся «мягкими механизмами диалога»; новые механизмы принятия решений — региональные советы или комитеты и секретариаты, например секретариат АТЭС.

3. Формирование повестки дня. В рамках соответствующих организаций и институтов каждый актор стремится продвигать свои интересы и принижать значимость повестки своих конкурентов [Livingston, 1992: 313]. Неслучайно в современных условиях важность интеррегиональных механизмов для международных акторов резко возросла. Это объясняется тем, что по сравнению с институтами глобального управления (такими как ООН или Всемирная торговая организация) интеррегиональные форматы сотрудничества, предполагая участие ограниченного числа акторов и более высокий уровень их сплоченности, обеспечивают с большей вероятностью достижение договоренностей. Как отмечал М. Райтерер, интеррегиональные механизмы, функционирующие в таком формате, способны детально прорабатывать отдельные проблемные области, заключать межрегиональные соглашения и договоры, тем самым закладывая основу для более масштабных договоренностей и укрепляя систему глобального управления [см. подробнее: Reiterer, 2006: 230–240].

4. Координация интересов. По мнению Р. Кохейна, многосторонние институты могут формировать новые интересы для стран как на национальном, так и на международном уровнях [Keohane, 1984: 290–293]. В этом отношении механизмы интеррегионализма или

трансрегионализма открывают дополнительные возможности для координации политики, что в дальнейшем может привести к появлению общих интересов, отвечающих потребностям всех участников.

5. Формирование региональной идентичности. Конструктивисты подчеркивают, что самоидентификация и позиционирование государств базируются на структуро-акторных и межакторных взаимодействиях [см. подробнее: Wendt, 1999]. Регионализм не обязательно приводит к складыванию особой общности, однако он может вследствие позитивного или негативного взаимодействия между вне-региональными и внутрирегиональными акторами напрямую или косвенно укреплять существующую коллективную идентичность и даже стимулировать формирование новой. Например, в рамках АСЕМ для эффективного взаимодействия с Евросоюзом, обладающим высокой степенью акторности, азиатские государства-участники (в первую очередь страны АСЕАН) демонстрируют тенденцию к выработке совместных мер и инициатив. Данный процесс имплицитно усиливает существующую коллективную региональную идентичность, а в перспективе может стимулировать формирование новых форм коллективной самоидентификации. Х. Хэнгги назвал это «регионализмом через интеррегионализм» [Hänggi, 2003].

Эволюция китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества в контексте интеррегионализма

На основе приведенного обзора теоретических наработок в области исследований интеррегионализма представляется целесообразным обратиться к рассмотрению китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества. С точки зрения автора, экономическая политика КНР в отношении этого региона на протяжении последних 20 лет пережила три большие трансформации, каждая из которых заметно изменила характер и функции взаимодействия Пекина с ЦА в экономической сфере.

Сразу после распада СССР КНР начала активно продвигать экономическое сотрудничество с новыми независимыми республиками в Центрально-Азиатском регионе: только торговый оборот с 1992 до 2000 г. возрос на 400% [приводится по: Ван, 2023: 29–30]. Вместе с тем необходимо отметить, что в 1990-е годы Китай не проводил какую-то особую экономическую политику по отношению к региону в целом, экономические контакты базировались на отдельных до-

говорах о двусторонней торговле, главным образом с Казахстаном и Киргизией, а остальные три региональных государства играли минимальную роль в этом процессе.

В тот же период вслед за выходом на глобальный рынок Китай с большим энтузиазмом начал участвовать в ряде институтов межрегионального экономического сотрудничества и достиг значительного прогресса: в 1991 г. КНР стала полноценным членом АТЭС, а в 1994 г. участвовала в первом созыве Регионального форума АСЕАН. С начала XXI в. на фоне ускорения процесса экономической глобализации Пекин проявил еще больший интерес к межрегиональному экономическому сотрудничеству: он не только принимал активное участие в нем, но и попытался играть лидирующую роль в такого рода форматах. Так, в 2000 г. премьер-министр КНР Чжу Жунцзи предложил создать зону свободной торговли (ЗСТ) «Китай–АСЕАН» и получил положительный отклик от стран — членов объединения⁶. Данный пример межрегионального сотрудничества соответствует модели квазиинтеррегионализма.

Успехи на этом направлении побудили Пекин реплицировать данную модель взаимодействия в других регионах, и ЦА стала подходящим для этого «полигоном». КНР выбрала недавно созданную Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)⁷ в качестве институционального инструмента для продвижения экономического интеррегионализма. В декларации о создании ШОС 2001 г. было недвусмысленно сказано: «Будет запущен процесс переговоров по облегчению торговли и инвестиций в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также разработан долгосрочный многосторонний план экономического и торгового сотрудничества»⁸. Статья 3 Хартии ШОС, принятой в 2002 г., прямо предусматривает «содействие созданию благоприятных условий для торговли и ин-

⁶ Zhongguo-dongmeng hezuo shishiyushuju: 1991–2021 [Сотрудничество между КНР и АСЕАН: факты и данные, 1991–2021] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 07.01.2022. Доступ: https://new.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_new/202201/t20220113_10492205.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

⁷ Первоначально у формата ШОС были совсем иные цели: демаркация границы между КНР и Россией, защита китайско-центральноазиатской границы от традиционных и новых вызовов безопасности.

⁸ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 25.11.2025).

вестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий»⁹. В том же году был подписан «Протокол к Меморандуму между правительствами государств — участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций»¹⁰, который утвердил создание механизма встреч министров экономики и торговли государств — членов ШОС, что стало первым официальным институтом экономического сотрудничества между членами объединения [Абдулхалимович, 2014: 19–20]. В 2003 г. инициативы Хартии ШОС в экономической сфере были вновь подтверждены и детализированы в Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС¹¹. В том же году премьер-министр КНР Вэнь Цзябао предложил поэтапно создать ЗСТ в рамках ШОС¹². Другая концепция создания формального экономического института для государств — участников организации была воплощена в проекте Банка развития ШОС, впервые выдвинутом Пекином в 2010 г.¹³ Эти

⁹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/59971/ (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁰ Протокол к Меморандуму между правительствами государств — участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.05.2002. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/59971/ (дата обращения: 25.11.2025).

¹¹ Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС // Министерство экономического развития Российской Федерации. Доступ: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://economy.gov.ru/material/file/f2034a49ba5ab9869d83c5a4a6c5de07/programma_shos.DOCX&ved=2ahUKewi4sfvCg5eNAXU8HRAIHrvzFWIQFnoECACQAQ&usq=AOvVaw3PIgim7GRB6_slqg2zWsux (дата обращения: 25.11.2025).

¹² Wenjiabao zhubujianli shanghaihezuozuzhi zimaou [Вэнь Цзябао: постепенное создание Зоны свободной торговли Шанхайской организации сотрудничества] // Zhongqingbao. 24.09.2003. Доступ: http://zqb.cyol.com/content/2003-09/24/content_739079.htm (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

¹³ Wenjiabao zaicitiyi jianli shanghekaifayinhang [Вэнь Цзябао вновь предложил создать Банк развития ШОС] // Китайская экономическая сеть. 08.11.2011. Доступ: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/201111/08/t20111108_22821628.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

действия Китая наглядно иллюстрируют его стремление к установлению формальных межрегиональных экономических связей со странами — членами ШОС.

Кроме усилий, предпринятых на межправительственном уровне, Пекин также поощрял в тот период участие негосударственных акторов в своей практике экономического сотрудничества в регионе ЦА: в 2005 г. было создано Межбанковское объединение ШОС с привлечением ряда крупных банков, расположенных в странах — членах организации, включая Государственный банк развития Китая, Банк развития Казахстана, Национальный банк Республики Таджикистан и Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистана; в 2006 г. был учрежден Деловой совет ШОС, который объединил авторитетных представителей делового сообщества стран-членов в целях расширения экономического сотрудничества в рамках ШОС и установления прямых связей и диалога между предпринимательским и финансовым сообществами государств-участников.

С точки зрения теории интеррегионализма действия КНР в тот период можно было бы трактовать как попытку сформировать в рамках ШОС институт межрегионального экономического партнерства в духе квазиинтеррегионализма. Однако, поскольку в объединении также участвует Россия, которая не является центральноазиатским государством, возникает определенная терминологическая коллизия.

На протяжении длительного времени Китай использовал термин «西域» (Сиюй, Западный край) для обозначения обширного региона, который включал нынешнюю ЦА и Синьцзян. Однако конкретные границы этого региона, равно как и фактическая власть центрального правительства Поднебесной над ним, всегда оставались неясными и неопределенными. Завоевание Казахстана и Средней Азии (т.е. западной части Сиюй) Российской империей и последующая демаркация границы между Китаем и царской Россией разделили Западный край на две части: китайскую территорию (Синьцзян) и российскую (ЦА). Как следствие, западная часть Сиюй (т.е. Центрально-Азиатский регион) стала восприниматься китайскими властями как самостоятельное политическое пространство. Иными словами, регион с тех пор больше не рассматривался как часть сферы китайского культурного влияния, а скорее как территория Российской империи, т.е. как часть чужого, неазиатского мира. Более того,

дальнейшие конфликты внутри Китая, а также китайско-советский раскол в середине XX в. еще глубже укрепили восприятие Пекином региона ЦА как чужого, российского и неазиатского.

Даже после распада Советского Союза это восприятие осталось неизменным: с 1992 г. Департамент по делам СССР и стран Восточной Европы МИД КНР был переименован в Департамент стран Восточной Европы и Центральной Азии. При этом дипломатическое взаимодействие с новыми независимыми государствами ЦА не находилось в ведении Департамента Азии китайского внешнеполитического ведомства, из чего можно сделать вывод, что и тогда правительство КНР не считало регион ЦА типично азиатским. В 2004 г. дипломатическая работа со всеми странами Восточной Европы (за исключением Молдовы) и тремя государствами Прибалтики была переведена в Департамент Европы МИД КНР, в то время как Департамент стран Восточной Европы и Центральной Азии был переименован в Департамент Европы и Центральной Азии. Таким образом, Китай по-прежнему рассматривал ЦА как часть более широкого, евразийского, а не типично азиатского региона. В этой связи представляется, что более корректно было бы изучать китайскую инициативу по созданию межрегионального экономического сотрудничества в рамках ШОС скорее в контексте китайско-евразийских, а не чисто китайско-центральноазиатских отношений.

Это взаимодействие было направлено главным образом на создание институтов, поддержание баланса сил и формирование повестки дня.

В области создания институтов КНР в целом достигла частичного успеха. С одной стороны, Китай успешно содействовал учреждению в рамках ШОС ряда формальных и неформальных механизмов межрегионального экономического сотрудничества: стали проводиться регулярные встречи министров экономики и торговли государств — членов ШОС, а также заседания межправительственных рабочих групп по таможенным, транспортным, финансовым и другим вопросам [Янь, 2021: 87]. Что касается «мягких» институтов, то с 2005 г. в китайском городе Сиане каждые два года проходит Евразийский экономический форум. С другой стороны, ключевая китайская инициатива в области межрегионального экономического сотрудничества — создание ЗСТ ШОС — не была реализована.

Попытка обеспечить баланс сил между региональными и вне-региональными акторами является еще одним важным мотивом продвижения Китаем модели экономического интеррегионализма в отношении Евразии. После андижанских событий 2005 г. США пересмотрели свою центральноазиатскую доктрину: в новом стратегическом видении в отношении ЦА, известном как «Большая Центральная Азия», акценты с вопросов безопасности и распространения демократии были смещены в сторону поддержки региональной экономической интеграции и продвижения межрегионального экономического [Дэ, Цзян, 2013: 78]. В то же время ЕС стал уделять большее внимание энергетическим ресурсам данного региона. Так, в 2006 г., совершив визит в Казахстан, европейский комиссар по вопросам энергетики выразил свою поддержку проекту строительства Транскаспийского трубопровода [см. подробнее: Бальдони, 2019: 1356–1358]. В сложившейся обстановке межрегиональное энергетическое и экономическое сотрудничество в рамках ШОС можно было рассматривать как совместную реакцию КНР и РФ на расширение влияния в ЦА внешних (западных) акторов в целях обеспечения институционального и силового баланса.

Последняя основная функция китайско-евразийского интеррегионализма в рассматриваемый период заключалась в формировании повестки дня. Как показывает анализ, Пекин с момента основания ШОС неизменно акцентировал ее экономическую функцию и активно продвигал создание в ее рамках формальных механизмов и институтов экономического сотрудничества. Это свидетельствует о попытках Китая использовать ШОС как инструмент интеррегионализма для продвижения собственной стратегической линии. Объективно эта задача не была решена в полной мере (проекты создания ЗСТ ШОС и Банка развития ШОС до сих пор остаются нереализованными), однако накопленный опыт помог дальнейшему развитию китайского экономического интеррегионализма. С середины 2000-х годов Китай последовательно формирует механизмы межрегионального экономического сотрудничества с Африкой, арабскими странами, Латинской Америкой, Центральной и Восточной Европой и тихоокеанскими островными государствами. При этом инициатива КНР по созданию Банка развития ШОС в итоге материализовалась в форме Азиатского банка инфраструктурных

инвестиций (АБИИ) — характерного примера трансрегионального финансового института.

В целом в стремлении выйти за рамки традиционных двусторонних экономических взаимодействий в 2001–2012 гг. Пекин попытался создать в рамках ШОС интеррегиональные экономические институты с участием и стран ЦА, и России. Конечной целью этих усилий было формирование ЗСТ с участием всех членов ШОС, т.е. китайско-евразийской ЗСТ. Однако пассивность участников объединения, в особенности РФ, по отношению к этой масштабной инициативе нарушила расчеты Пекина. Вот почему в дальнейшем ему пришлось скорректировать свою стратегию межрегионального сотрудничества.

Китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество в 2013–2022 гг.: переход к трансрегионализму

В конце 2012 г. после смены своего руководства Китай значительно усилил активность в международных делах. В 2013 г. новый председатель КНР Си Цзиньпин представил в Казахстане крупномасштабную инициативу экономического сотрудничества — ЭПШП, в рамках которой региону ЦА отводилась ключевая роль. По мнению китайских ученых, эта инициатива имеет трансрегиональный характер [Ван, 2021: 149–151]. В пользу подобной оценки говорят несколько фактов. Во-первых, к 2023 г. в рамках ЭПШП Китай заключил соглашения о сотрудничестве со 152 странами, представляющими все регионы мира¹⁴, что выходит за рамки чистого интеррегионализма, который обычно ограничивается участием акторов из двух конкретных регионов. Во-вторых, существенно отличаясь от более ранних проектов китайского квазиинтеррегионализма, например ЗСТ ШОС и ЗСТ «Китай–АСЕАН», ЭПШП не направлена на создание механизмов с обязательным характером для участвующих стран. В этом контексте можно заключить, что китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество на платформе ЭПШП действительно

¹⁴ Guojizuzhicanyu yidaiyiluchangyi de zhongdajingzhan yu zhongyaoyiyi [Значительный прогресс и роль международных организаций, участвующих в инициативе «Пояс и путь»] // Zhongguowang. 25.10.2023. Доступ: http://www.china.com.cn/opinion2020/2023-10/25/content_116773056.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

выходит за рамки «Китай–Евразия», активно укрепляя связи ЦА с другими регионами мира.

В руководящем документе ЭППП, опубликованном в 2015 г., заявлено, что Китай собирается продвигать строительство шести основных экономических коридоров, два из которых должны пролегать непосредственно через ЦА¹⁵. Неудивительно в этой связи, что после запуска проекта ЭППП Пекин оперативно сменил инвестиционные приоритеты в регионе. Если в прошлые десятилетия большая часть китайских инвестиций концентрировалась в энергетическом секторе, то теперь на первое место вышла транспортная инфраструктура. Например, в 2012 г. около 85% китайских инвестиций в Казахстане были направлены в энергетический сектор [Поштитч, 2015: 91]. Однако к 2020 г. этот показатель резко снизился до 50%, а инвестиции в сферу транспорта значительно выросли, заняв второе место среди всех китайских инвестиций в этой стране [см. подробнее: Семёнова, Аристова, 2022: 523]. Помимо смены приоритетов наблюдается изменение географии китайских инвестиционных потоков в ЦА. Раньше наибольший интерес у китайских инвесторов вызывал Казахстан из-за его богатых углеводородных запасов, но в связи с укреплением позиций транспортного сектора в структуре экономического сотрудничества по линии «Китай–ЦА» другие страны региона, обладающие геостратегическим значением с точки зрения реализации трансрегиональной инициативы «Пояс и путь», хоть и лишенные внушительных запасов энергетических ресурсов, привлекают не меньше китайских инвестиций.

Приток капитала и технологий из КНР в страны ЦА позволил реализовать ряд важных транспортных проектов в регионе, таких как автодорога «Север–Юг» в Киргизии (2014), железнодорожный участок Вахдат–Яван в Таджикистане (2015) и железнодорожная линия «Ангрен–Пап» в Узбекистане (2016). Эти транспортные и инфраструктурные объекты способствуют развитию новых трансрегиональных торговых маршрутов, проходящих через ЦА, которые были упомянуты в руководящем документе ЭППП 2015 г. Они дали местному бизнесу возможности для более активного экономического сотрудничества со странами Персидского залива и АСЕАН. Напри-

¹⁵ What are six economic corridors under Belt and Road Initiative? // The State Council Information Office. 04.08.2020. Available at: http://english.scio.gov.cn/beltandroad/2020-08/04/content_76345602.htm (дата обращения: 25.11.2025).

мер, производители из Казахстана, используя новый евразийский сухопутный мост, теперь могут отправлять пшеницу по железной дороге в порт Ляньюньган в Китае, а затем доставлять ее во Вьетнам морским путем [см. подробнее: Paradorn, 2022: 94–95]. Реализация этих проектов еще более ярко подсветила новый, трансрегиональный по своей природе характер китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества в рассматриваемый период.

Стоит подчеркнуть: развитие этого сотрудничества вовсе не означало, что Китай отказался от традиционной квазиинтеррегиональной инициативы с участием стран ЦА и России. В 2015 г. было подписано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути»¹⁶. Его основные положения включали: расширение торгово-инвестиционного взаимодействия, развитие производственной кооперации, реализацию крупных совместных проектов и укрепление логистической взаимосвязанности.

Документ также зафиксировал долгосрочную цель — создание ЗСТ между ЕАЭС и Китаем. Примечательно, что задачи, поставленные в совместном заявлении, почти полностью повторяют положения Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС 2003 г. Еще более показательно, что после 2015 г. дискуссии о ЗСТ в рамках ШОС в китайских академических и политических кругах практически исчезли. Это позволяет предположить, что в определенной степени идея сопряжения ЕАЭС и ЭПШП стала продолжением и заменой инициативы ЗСТ ШОС.

В 2018 г. эта идея была частично реализована: Китай и ЕАЭС заключили Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве¹⁷. Несмотря на то что документ не является соглашением о преференциальной торговле и не снижает таможенные тарифы между

¹⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁷ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. Доступ: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

сторонами, он предусматривает сокращение нетарифных барьеров. Данное соглашение ознаменовало прорыв в институциональном строительстве: согласно документу стороны обязались создать Совместный комитет в составе члена Коллегии Евразийской экономической комиссии и китайских представителей на уровне министра или уполномоченных лиц. В функции комитета входят рассмотрение вопросов, регулируемых Соглашением, и изучение возможностей для углубления торгового сотрудничества. Это первый в истории случай установления Китаем формальных институциональных связей с региональной интеграционной организацией в Евразии.

По мере того как трансрегионалистская модель постепенно становится основной парадигмой экономического сотрудничества Китая и ЦА, ее функционал с точки зрения теории интеррегионализма также претерпевает существенные изменения. Самое главное отличие состоит в том, что важность функции силового балансирования значительно уменьшилась. Это было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, после вывода американского контингента из Киргизии в 2014 г. США значительно ограничили свое военное присутствие в ЦА, что считалось потенциальным вызовом для безопасности северо-западных районов Китая. На фоне обновления своих стратегических приоритетов администрация Б. Обамы также стала уделять меньше внимания проекту «Большой Центральной Азии». Во-вторых, падение цен на нефть и газ с 2008 г., а также развитие Трансанатолийского газопровода привели к снижению интереса ЕС к созданию Транскаспийского газопровода. В этих условиях Пекин перестал рассматривать обеспечение баланса сил как центральный элемент стратегии трансрегионализма в ЦА.

Кроме того, в этот период также наблюдался процесс переопределения стратегических политических и экономических приоритетов самих стран региона. Примером этого является запуск в 2014 г. проекта «Нұрлы Жол» («Светлый путь») в Казахстане — вскоре после представления Китаем инициативы ЭПШП. В рамках реализации указанного проекта Казахстан обязался вложить 30 млрд долл. в транспортную инфраструктуру в течение 10 лет с целью превратить страну в ключевой транспортно-транзитный узел, соединяющий Китай, Европу и Ближний Восток [Семёнова, Аристова, 2022: 525; Янь, Бельгибаев, 2016: 37]. Следует подчеркнуть, что цели плана «Нұрлы Жол» вполне соответствуют роли, отведенной странам ЦА в рамках

осуществления китайской инициативы ЭПШП. При этом остальные региональные игроки также представили собственные проекты в области модернизации национальной транспортной инфраструктуры. Таким образом, через совместное участие в механизмах трансрегионального экономического сотрудничества ЭПШП Китай и страны ЦА формируют новые общие экономические интересы.

**Китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество
после начала СВО:
возвращение к интеррегионализму**

Вооруженный конфликт между Украиной и Россией среди прочего оказал негативное влияние на китайскую трансрегиональную инициативу ЭПШП, причем ее флагманская программа в области грузовых перевозок по маршруту «Китай–Европа» понесла наибольшие убытки. В 2022 г. объем грузовых перевозок между Китаем и Европой уменьшился на 33,59% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 410 520 ДФЭ¹⁸, а более 90% грузовых рейсов проходят через территорию Казахстана¹⁹. Падение объема грузооборота на этом направлении также привело к снижению энтузиазма стран ЦА по созданию нового глобального логистического центра. Кроме того, угроза вторичных санкций против государств региона, который тесно связан с РФ, также возрастает²⁰. На этом фоне для КНР и стран ЦА митигация политических рисков в контексте интеррегионального экономического сотрудничества приобрела новую актуальность.

С момента начала конфликта на Украине были активизированы поиски альтернативного сухопутного транспортного маршрута (в обход России). Так, внимание заинтересованных сторон сразу же

¹⁸ Bachmann J. ERAI data shows decline in rail freight between China and Europe in 2022 // New Silkroad Discovery. 16.02.2023. Available at: <https://www.newsilkroaddiscovery.com/erai-data-shows-decline-in-rail-freight-between-china-and-europe-in-2022/> (accessed: 25.11.2025).

¹⁹ Guojing hasakesitan de zhonggoubanlie kaixingshulian zhujianzengjia, xianluzhujianzengduo [Количество грузовых поездов, следующих по маршруту «Китай—Европа» транзитом через Казахстан, увеличивается из года в год, и данный маршрут постепенно расширяется] // Pishuwang. 17.07.2023. Доступ: <https://www.pishu.cn/psgd/595548.shtml> (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

²⁰ Huang H. Central Asia facing uncertainty of trading with Moscow // Modern Diplomacy. 31.10.2023. Available at: <https://moderndiplomacy.eu/2023/10/31/central-asia-facing-uncertainty-of-trading-with-moscow/> (accessed: 25.11.2025).

привлек Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) — коридор, соединяющий Китай и европейские страны через Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан и Грузию. Стоит отметить, что изначально Китай проявлял минимальный интерес к этому коридору: ТМТМ был официально открыт в 2017 г., первые китайские грузы достигли Европы по этому пути только в 2020 г.²¹, а грузооборот этого транспортного маршрута оказался несопоставим с Китайско-европейским железнодорожным экспресом, проходящим через Россию. Согласно статистическим данным за 2022 г. объем грузоперевозок по ТМТМ увеличился в 2,5 раза по сравнению с 2021 г. и достиг 1,5 млн тонн, при этом тенденция к росту сохранилась и в 2023 г.²²

Не меньший интерес вызывает и то обстоятельство, что в последнее время Китай начал проводить новую квазиинтеррегиональную политику по отношению к центральноазиатским государствам, но без России. Так, в мае 2023 г. в китайском городе Сиане состоялся первый саммит в формате «Китай–ЦА» с участием глав всех стран региона. По итогам мероприятия были достигнуты конкретные результаты. Например, участники согласились содействовать реализации проекта создания транспортного коридора «Китай–ЦА», активизировать работы по строительству железнодорожного маршрута «Китай — Киргизия — Узбекистан»²³ и проводить регулярные встречи между представителями КНР и стран ЦА на уровне профильных министров²⁴.

²¹ Kualihaiguojiyunshuzoulang jizhuangxiangbanlie zhengshiyunxing [Официально запущена линия регулярных контейнерных перевозок по Транскаспийскому международному транспортному коридору] // Казахстанское международное информационное агентство. 15.04.2020. Доступ: https://cn.inform.kz/news/article_a3638580/ (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

²² Резкий рост. Казахстан заявляет, что объем грузоперевозок на ТМТМ вырос на 86 процентов // Trans.info. 07.09.2023. Доступ: <https://trans.info/ru/rezkiy-rost-kazahstan-zayavlyayet-cto-obem-gruzoperevozok-na-tmtm-vyros-na-86-protsentov-362361> (дата обращения: 25.11.2025).

²³ Данный проект был предложен еще в 1997 г., но в течение более двух десятилетий оставался на бумаге. Китайские исследователи едины во мнении, что одним из ключевых препятствий было противодействие со стороны России. После 2022 г. проект неожиданно получил новый импульс и вступил в фазу строительства в 2024 г.

²⁴ Zhongguo — zhongyafenghui xianxuanyan [Сианьская декларация на саммите «Китай — Центральная Азия»] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 19.05.2023. Доступ: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

При этом Россия, которая раньше всегда считалась неотъемлемым элементом китайско-центральноазиатского межрегионального сотрудничества, в контексте запуска и реализации перечисленных проектов упомянута не была. Вместе с тем игнорирование российского фактора в рамках китайско-центральноазиатского экономического взаимодействия совсем не означает, что КНР и региональные игроки взяли курс на сворачивание экономических контактов с РФ. Наоборот, с 2022 г. объем их совокупного торгового оборота с Россией значительно вырос: товарооборот между ней и странами ЦА в 2022 г. увеличился на 15% по сравнению с предыдущим годом, а взаимный товарооборот в том же году — на 29,3%²⁵. В целом на современном этапе Пекин предпочитает параллельно укреплять экономические связи с регионом ЦА и с РФ, не сводя их к сотрудничеству в китайско-евразийском формате, как это было на первых двух этапах развития политики интеррегионализма КНР. Таким образом, сущностью китайско-центральноазиатского экономического взаимодействия в последнее время является квазиинтеррегиональное сотрудничество по линии «КНР–ЦА».

С точки зрения функциональных аспектов на первый план в современном китайско-центральноазиатском интеррегиональном экономическом сотрудничестве вышли вопросы развития центральноазиатской региональной идентичности. Это объясняется тем, что в рамках новых квазиинтеррегиональных механизмов (в первую очередь саммита «Китай–ЦА») страны региона могут выступать как самостоятельный актор международных отношений во взаимодействии с Китаем, а не как совокупность отдельных государств. Другими словами, центральноазиатские страны в этом контексте рассматриваются Китаем как независимый международный регион со своей субъектностью, а не просто как составная часть Евразийского региона.

Если китайско-центральноазиатское межрегиональное экономическое сотрудничество будет и далее приносить выгоды обеим сторонам, можно предположить, что центральноазиатская региональная идентичность может быть интериоризирована элитами

²⁵ Ткачёв И. Торговля России с Китаем достигла рекорда // РБК. 13.01.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2023/63c0ffb79a79474aaf45862d> (дата обращения: 18.11.2025); Товарооборот России и стран Центральной Азии вырос в 2022 году на 15% // ТАСС. 25.04.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/17600953> (дата обращения: 18.11.2025).

стран — участниц данной рамки сотрудничества. Это в свою очередь создаст предпосылки для дальнейшей диффузии центральноазиатской региональной идентичности внутри национальных политических систем государств региона.

* * *

Проведенное исследование показывает, что в течение последних 25 лет Китай активно пытался создать механизмы интеррегионального экономического сотрудничества с центральноазиатскими государствами, выходящего за рамки традиционного уровня двусторонних отношений. При этом предлагаемые Китаем модели претерпели существенную эволюцию: в начале XXI столетия КНР предприняла попытку сформировать в рамках ШОС квазиинтеррегиональный экономический механизм с участием стран ЦА и России (в формате «Китай–Евразия») — его ядром должны были стать формальные институты экономического сотрудничества, такие как ЗСТ и Банк развития в рамках ШОС. Однако отсутствие значительного прогресса в реализации этих инициатив привело к смене стратегии: с 2013 г. Китай стал рассматривать регион ЦА как компонент реализации трансрегиональной инициативы ЭПШП. В новой парадигме акцент сместился с создания жестких институтов (например, ЗСТ) на повышение региональной связанности ЦА, ее подключение к глобальному рынку, а не только к китайскому. Обострение российско-украинского конфликта в 2022 г. и сопутствующие геополитические риски открыли новые возможности для китайско-центральноазиатского сотрудничества. Своеобразной реакцией на эти вызовы стало учреждение эксклюзивного квазиинтеррегионального формата «Саммит Китай — Центральная Азия» (C5+1) без участия третьих сторон. Данный механизм стал ключевым инструментом консолидации региональной идентичности стран ЦА и укрепления акторности региона в международных отношениях.

Колебания Китая между различными субтипами интеррегионализма отражают важную характеристику его интеррегиональной политики, а именно — гибкость. В рамках почти 25-летней практики межрегионального экономического взаимодействия со странами ЦА Пекин не продемонстрировал выраженных предпочтений в отношении какой-либо конкретной модели интеррегионализма. Когда китайская инициатива по созданию интеррегиональной ЗСТ с обязательным правовым статусом не получила поддержки, Пекин

отказался от настойчивого ее продвижения, выбрав вместо этого модель трансрегионального сотрудничества, отличающуюся меньшей степенью институционализации и менее жесткими обязательствами.

В ходе исследования не было также зафиксировано попыток выдвигания китайской стороной в рамках развития интеррегионального экономического сотрудничества со странами ЦА предварительных условий политического или идеологического характера, таких как соблюдение законности, защита прав человека, укрепление демократических институтов, эффективное управление. Данные условия являются отличительной чертой интеррегионального взаимодействия ЕС с группами развивающихся стран [Чжэн, 2015: 190–191].

Указанные особенности китайской практики служат убедительным доказательством рационалистического характера китайского интеррегионализма, ориентированного на национальные интересы. Это полностью соответствует стратегии прагматизма, последовательно реализуемой Китаем на международной арене с момента провозглашения «политики реформ и открытости».

Наконец, проведенное исследование показывает, что все основные функциональные аспекты, постулируемые теорией интеррегионализма (баланс сил, создание институтов, формулирование повестки дня, координация интересов и формирование региональной идентичности), нашли отражение на различных этапах китайско-центральноазиатского интеррегионального экономического сотрудничества под эгидой КНР. Это свидетельствует о сохраняющейся объяснительной силе теоретической рамки интеррегионализма и при анализе внеевропейских межрегиональных взаимодействий. Однако, учитывая растущую активность неевропейских акторов в продвижении собственных интеррегиональных повесток, дальнейшая верификация теоретической конструкции интеррегионализма требует расширения эмпирической исследовательской базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулхалимович А.М. Экономические институты ШОС // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 2 (40). С. 19–24.
2. Бальдони М. Транскаспийский газопровод — реальные возможности или бесконечные обещания? // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1355–1363.
3. Ван Х. Чжунго юй чжунъягоця цзинмао хэцзо саньшинянь чэнцзю юй цяньцзин [30 лет экономического сотрудничества между КНР и стра-

нами Центральной Азии: достижения и перспектива] // Оуяцзинцзи. 2023. № 4. С. 26–53. (На кит. яз.)

4. Ван Ч. Чжиду юй гуйфань бицзяо шие ся чжунъя цюй юй итихуа яньцзю [Региональная интеграция в Центральной Азии с точки зрения сравнительного регионализма]. Пекин: Шэхуэйкэсюэвэньсянь чубаньшэ, 2021. (На кит. яз.)

5. Дэ Ц., Цзян Ш. Мэй го да чжунъя ань цюань чжань люэ гуй хуа пин си [Анализ американской стратегии по обеспечению безопасности в «Большой Центральной Азии»] // Элосыдунъюучжунъя Яньцзю. 2013. № 1. С. 76–83. (На кит. яз.)

6. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 2. С. 14–26.

7. Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 3. С. 85–103. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-85-103.

8. Семёнова Н.К., Аристова Л.Б. Анализ степени интегрированности китайских компаний в транспортный сектор государств Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 523–529.

9. Сюй Ц. Формат сотрудничества C5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 123–132. DOI: 10.17223/19988613/89/15.

10. Чжэн С. Цюйюй цзянь чжилимоши [Модель регионального управления]. Пекин: Шэхуэйкэсюэвэньсянь чубаньшэ, 2015. (На кит. яз.)

11. Чжэн С. Цюйюй цзянь чжилимошилуньси [Исследование о интеррегиональном управлении] // Шицзеци зиюйчжэнчжи. 2014. № 11. С. 91–120. (На кит. яз.)

12. Чжэн С. Цюйюйчжили юй цюаньцючжили худунчжундэдагоцзюэсэ [Роль великих держав в региональном и глобальном управлении] // Таньсоуйчжэнмин. 2021. № 11. С. 57–69. (На кит. яз.)

13. Янь Д. Шанхайхэцзоцзучжицзинцихэцзо чэнцзю циши юй цяньцзин [Экономическое сотрудничество ШОС: достижения, вдохновения и перспективы] // Гоцзивэньти яньцзю. 2021. № 3. С. 85–106. (На кит. яз.)

14. Янь Ш., Бельгибаев М. Чжунго идайиюй хэ хасакэсытань гуанминчжилу дуйцзехэцзо дэ яньцзю [Исследование по сопряжению ЭПШП и Нурлы Жол] // Гоцзицинцихэцзо. 2016. № 6. С. 36–40. (На кит. яз.)

15. Doidge M. The European Union and interregionalism: Patterns of engagement. London: Routledge, 2011.

16. Цзян Н. Interregionalism as a multifaceted phenomenon: In search of a typology // Interregionalism and international relations / Ed. by H. Hänggi, R. Roloff, J. Rüländ. Abingdon: Routledge, 2006. P. 31–62.

17. Hänggi H. Regionalism through interregionalism: East Asia and ASEM // *Regionalism in East Asia: Paradigm shifting?* / Ed. by Fu-kuo Liu, Ph. Régnier. London: Routledge, 2003. P. 197–219.
18. Hettne B. Interregionalism and world order / Fifth Pan-European International Relations Conference, Netherlands Congress Centre, the Hague, September 9–11, 2004.
19. Hettne B. Regionalism, interregionalism and world order: The European challenge to Pax Americana: Working paper № 3. American University Council on Comparative Studies, 2003.
20. *Intersecting interregionalism: Regions, global governance and the EU* / Ed. by F. Baert, T. Scaramagli, F. Söderbaum. Dordrecht: Springer, 2014.
21. Keohane R.O. *After hegemony: Cooperation and discord in world political economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984.
22. Livingston S.G. The politics of international agenda-setting: Reagan and North-South relations // *International Studies Quarterly*. 1992. Vol. 36. No. 3. P. 313–329. DOI: 10.2307/2600775.
23. Paradorn R. *Central Asia and Southeast Asia exploring the dynamics of greater engagement*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
24. Reiterer M. Interregionalism as a new diplomatic tool: The EU and East Asia // *European Foreign Affairs Review*. 2006. Vol. 11. P. 223–243. DOI: 10.54648/EERR2006018.
25. Ribeiro Hoffmann A. Inter- and transregionalism // *The Oxford handbook of comparative regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 223–243.
26. Rignér H., Söderbaum F. Mapping interregionalism: Working paper № 4. Bruges: UNU-CRIS, 2010. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%204.pdf> (accessed: 25.11.2025).
27. Rüländ J. Interregionalism: An unfinished agenda // *Interregionalism and international relations* / Ed. by H. Hänggi, R. Roloff, J. Rüländ. Abingdon: Routledge, 2006. P. 295–313.
28. Söderbaum F. *Rethinking regionalism*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
29. Söderbaum F., Langenhove L.V. Introduction: The EU as a global actor and the role of interregionalism // *Journal of European Integration*. 2005. Vol. 27. No. 3. P. 249–262. DOI: 10.1080/07036330500190073.
30. Wendt A. *Social theory of international politics*. New York: Cambridge University Press, 1999.

REFERENCES

1. Abdulkhalimovich A.M. 2014. Ekonomicheskie instituty ShOS [Economic institutes of SCO]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, no. 2 (40), pp. 19–24. (In Russ.)
2. Bal'doni M. 2019. Transkaspiskii gazoprovod — real'nye vozmozhnosti ili beskonechnye obeshchaniya? [Transcaspian Gas Pipeline — Real opportunities or endless promises?]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no. 6, pp. 1355–1363. (In Russ.)
3. Van Kh. 2023. Chzhungo yui chzhun'yagotszya tszinmao khehtso san'shinyan' chehtszyu yui tsyan'tszin [30 years of economic cooperation between China and Central Asian countries: Achievements and prospects]. *Ouyatsintsi*, no. 4, pp. 26–53. (In Chinese)
4. Van Ch. 2021. Chzhidu yui guifan' bitszyao shie sya chzhun'ya tsyui yui itikhua yan'tszyu [Regional integration in Central Asia through the lens of comparative regionalism]. Pekin, Shehkhuehikehsyuehvehn'syan' chuban'sheh Publ. (In Chinese)
5. Deh Ts., Tszyan Sh. 2013. Mehi go da chzhun'ya an' tsyuan' chzhan' lyueh gui khua pin si [An analysis of the American strategy for ensuring security in 'Greater Central Asia']. *Ehlosydun'ouchzhun'ya Yan'tszyu*, no. 1, pp. 76–83. (In Chinese)
6. Kuznetsov D.A. 2016. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii [Transregionalism: Problems of terminology and conceptualization]. *Comparative Politics Russia*, vol. 7, no. 2, pp. 14–26. (In Russ.)
7. Poshtich M. 2015. Sravnitel'nyi analiz energeticheskoi strategii KNR v otnoshenii stran Tsentral'noi Azii [Comparative analysis of China's energy strategy in Central Asian states]. *Comparative Politics Russia*, vol. 6, no. 3, pp. 85–103. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-85-103. (In Russ.)
8. Semenova N.K., Aristova L.B. 2022. Analiz stepeni integrirovannosti kitaiskikh kompanii v transportnyi sektor gosudarstv Tsentral'noi Azii [Analysis of the degree of integration of Chinese companies into the transport sector of Central Asian states]. In: Gerasimov V.I. (ed.). *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., pp. 523–529. (In Russ.)
9. Syui Ts. 2024. Format sotrudnichestva C5+1: osnovnye uchastniki, tseli i mekhanizmy vzaimodeistviya [C5+1 cooperation format: Main participants, goals and mechanisms of interaction]. *Tomsk State University Journal of History*, no. 89, pp. 123–132. DOI: 10.17223/19988613/89/15. (In Russ.)
10. Chzhehn S. 2015. Tsyuiyui tszyan' chzhilimoshi [Model of regional governance]. Pekin, Shehkhuehikehsyuehvehn'syan' chuban'sheh Publ. (In Chinese)

11. Chzhehn S. 2014. Tsyuiyui tszyan' chzhilimoshilun'si [Research on interregional governance]. *Shitszetszi ziyuichzhennchzhi*, no. 11, pp. 91–120. (In Chinese)
12. Chzhehn S. 2021. Tsyuiyuchzhili yui tsyuan'tsyuchzhili khudunchzhun-dehdagotszyuehseh [The role of great powers in regional and global governance]. *Tan'soyuichzhennmin*, no. 11, pp. 57–69. (In Chinese)
13. Yan' D. 2021. Shankhaikhehtszotszuchzhitszintzikhehtszo chehntszyu tsishi yui tsyan'tszin [SCO economic cooperation: Achievements, inspirations and prospects]. *Gotszivehn'ti yan'tszyu*, no. 3, pp. 85–106. (In Chinese)
14. Yan' Sh., Bel'gibaev M. 2016. Chzhungo idaiiyui kkeh khasakehsytan' guanminchzhilu duitszekhehtszo deh yan'tszyu [A study on the conjugation of the Belt and Road Initiative and Nurlu Zholl]. *Gotszitszintzikhehtszo*, no. 6, pp. 36–40. (In Chinese)
15. Doidge M. 2011. *The European Union and interregionalism: Patterns of engagement*. London, Routledge.
16. Hänggi H. 2006. Interregionalism as a multifaceted phenomenon: In search of a typology. In: Hänggi H., Roloff R., Rüländ J. (eds.). *Interregionalism and international relations*. Abingdon, Routledge, pp. 31–62.
17. Hänggi H. 2003. Regionalism through interregionalism: East Asia and ASEM. In: Liu Fu-kuo, Régnier Ph. (eds.). *Regionalism in East Asia: Paradigm shifting?* London, Routledge, pp. 197–219.
18. Hettne B. 2004. Interregionalism and world order. In: *Fifth Pan-European International Relations Conference, Netherlands Congress Centre, the Hague, September 9–11*.
19. Hettne B. 2003. *Regionalism, interregionalism and world order: The European challenge to Pax Americana: Working paper no. 3*. American University Council on Comparative Studies.
20. Baert F., Scaramagli T., Söderbaum F. (eds.). 2014. *Intersecting interregionalism: Regions, global governance and the EU*. Dordrecht, Springer.
21. Keohane R.O. 1984. *After hegemony: Cooperation and discord in world political economy*. Princeton, Princeton University Press.
22. Livingston S.G. 1992. The politics of international agenda-setting: Reagan and North-South relations. *International Studies Quarterly*, vol. 36, no. 3, pp. 313–329. DOI: 10.2307/2600775.
23. Paradorn R. 2022. *Central Asia and Southeast Asia exploring the dynamics of greater engagement*. Cham, Palgrave Macmillan.
24. Reiterer M. 2006. Interregionalism as a new diplomatic tool: The EU and East Asia. *European Foreign Affairs Review*, vol. 11, pp. 223–243. DOI: 10.54648/EERR2006018.
25. Ribeiro Hoffmann A. 2016. Inter- and transregionalism. In: Börzel T.A., Risse T. (eds.). *The Oxford handbook of comparative regionalism*. Oxford, Oxford University Press, pp. 223–243.

26. Rignér H., Söderbaum F. 2010. *Mapping interregionalism: Working paper no. 4*. Bruges, UNU-CRIS. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%204.pdf> (accessed: 25.11.2025).

27. Rüländ J. 2006. Interregionalism: An unfinished agenda. In: Hänggi H., Roloff R., Rüländ J. (eds.). *Interregionalism and international relations*. Abingdon, Routledge, pp. 295–313.

28. Söderbaum F. *Rethinking regionalism*. London, Palgrave Macmillan, 2016.

29. Söderbaum F., Langenhove L.V. 2005. Introduction: The EU as a global actor and the role of interregionalism. *Journal of European Integration*, vol. 27, no. 3, pp. 249–262. DOI: 10.1080/07036330500190073.

30. Wendt A. 1999. *Social theory of international politics*. New York, Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.11.2025;
принята к публикации 17.12.2025

The paper was submitted 20.02.2025;
approved after reviewing 12.11.2025;
accepted for publication 17.12.2025

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СТРАН СНГ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243

Научная статья / Research paper

М.Р. Зайцев*

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях беспрецедентного санкционного давления внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации сталкивается с целым рядом принципиально новых вызовов. В данной статье автор анализирует особенности адаптации к ним российской системы экономической дипломатии, ключевыми направлениями которой стали структурное реформирование торговых потоков и диверсификация экспортных направлений, развитие параллельного импорта и новых логистических маршрутов, а также поиск новых партнеров по всему миру. В первом разделе статьи показано, как за последние годы трансформировалась деятельность основных государственных ведомств и учреждений, с помощью которых Российская Федерация осуществляет свою внешнеэкономическую политику, включая Министерство экономического развития, Министерство иностранных дел, Министерство промышленности и торговли. Особое внимание уделено работе сети российских зарубежных представительств, в которую входят торговые миссии, посольства и консульства. Во втором разделе проанализирована деятельность государственных корпораций РФ как акторов экономической дипломатии. Отдельно рассмотрены проекты, реализуемые Российским экспортным центром (РЭЦ), ВЭБ.РФ, ПАО «Газпром» и корпорацией «Ростех». Автор заключает, что в современных условиях эффективность внешнеэкономической деятельности Российской Федерации определяется не только масштабом государственной

* Зайцев Михаил Русланович — старший преподаватель кафедры международной безопасности, ученый секретарь, факультет мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mz@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0004-8467-3778).

поддержки (компенсациями затрат, расширением несырьевого экспорта, развитием особых экономических зон (ОЭЗ), программами ВЭБ.РФ и РЭЦ), но и степенью институциональной сопряженности всех ключевых субъектов российской экономической дипломатии. Именно за счет такой сопряженности Россия смогла, несмотря на санкционное давление, успешно продвигать преференциальные режимы ОЭЗ, обеспечивать международным инвесторам гарантии политической и правовой поддержки, создавать переговорные позиции для заключения соглашений о поставках промышленной продукции.

Ключевые слова: Российская Федерация, экономическая дипломатия, внешнеэкономическая политика, санкции, торговые представительства, экономическая безопасность, особые экономические зоны, Российский экспортный центр

Для цитирования: Зайцев М.Р. Ключевые направления трансформации системы экономической дипломатии Российской Федерации после 24 февраля 2022 г. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 217–243. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243.

Mikhail R. Zaytsev

RUSSIA'S ECONOMIC DIPLOMACY SYSTEM: KEY TRANSFORMATIONS AFTER FEBRUARY 24, 2022

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Under unprecedented sanctions pressure, the Russian Federation's foreign economic activity is facing a number of fundamentally new challenges. This article examines how Russia's economic diplomacy system is adapting to these challenges. The key strategies of this adaptation encompass the reconfiguration of trade flows and the diversification of export destinations, the development of parallel imports and new logistics routes, and the search for new foreign partners. The first section of the article examines the recent changes in the activities of key state departments and institutions responsible for Russia's foreign economic policy. These include the Ministry of Economic Development, the Ministry of Foreign Affairs, and the Ministry of Industry and Trade. The network of Russian foreign missions, including trade missions, embassies, and consulates, receives special attention. The second section analyzes the activities of Russian state corporations as actors of economic diplomacy. In particular, the author examines the projects implemented by the Russian Export Center,

VEB.RF, Public Joint Stock Company 'Gazprom', and the State Corporation 'Rostec'. The author concludes that, under current conditions, the effectiveness of the Russian Federation's foreign economic activity is determined not only by the scale of state support (recovery of costs, expanded measures for non-resource exports, development of special economic zones, programs by VEB.RF and the Russian Export Center) but also by the degree of institutional coherence among all key actors of Russia's economic diplomacy. It is due to this coherence that the Russian Federation has managed, despite sanctions pressure, to promote preferential regimes of special economic zones, provide international investors with guarantees of political and legal support, and build negotiating positions for concluding industrial supply agreements.

Keywords: Russian Federation, economic diplomacy, foreign economic policy, sanctions, trade missions, economic security, special economic zones, Russian Export Center

About the author: *Mikhail R. Zaytsev* — Senior Lecturer at the Chair of International Security, Academic Secretary of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mz@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0004-8467-3778).

For citation: Zaytsev M.R. 2025. Russia's economic diplomacy system: Key transformations after February 24, 2022. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 217–243. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243. (In Russ.)

В современных условиях нестабильности и усиления геополитических разногласий экономическая дипломатия остается одним из ключевых инструментов обеспечения национальных интересов. После 2022 г. Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением со стороны западных стран, что существенно изменило контекст ее внешнеэкономической деятельности.

Известно, что санкции представляют собой один из наиболее популярных методов политического давления [см. подробнее: Дробот, Ивко, 2018]. В случае России искусственные лимиты и намеренные ограничения на закупки иностранными государствами ее энергопродуктов обуславливаются тем, что именно на эти товары приходится большая часть российского экспорта, а санкции направлены на нанесение российской экономике максимального вреда в рамках современного гибридного конфликта [см. подробнее: Головкина и др., 2017]. В этих условиях российская система экономической дипломатии сталкивается с целым рядом принципиально новых

вызовов. С точки зрения их преодоления особое значение приобретает деятельность зарубежных представительств, включая торговые миссии, посольства и консульства: эти институты выступают важнейшими структурными элементами в реализации стратегий экономической дипломатии, направленных на поиск новых рынков, укрепление международного сотрудничества и минимизацию негативных последствий санкционного давления.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, санкции, введенные против России после 2022 г., затронули ключевые секторы экономики, включая финансовую систему, энергетику, технологии¹. Это потребовало пересмотра традиционных подходов к внешнеэкономической деятельности и поиска новых механизмов взаимодействия с потенциальными партнерами в условиях перманентного информационного давления западной пропаганды. Во-вторых, в условиях ограниченного доступа к рынкам и технологиям Российская Федерация активизировала сотрудничество с государствами Азии, Африки и Латинской Америки, что повысило объемы и значимость работы зарубежных представительств в этих регионах. В-третьих, экономическая дипломатия становится значимым инструментом формирования позитивного имиджа страны за рубежом, что особенно важно в условиях информационной войны и попыток политической изоляции России.

Неудивительно, что в последние годы отечественные исследователи уделяют пристальное внимание изучению различных аспектов переориентации РФ на новых партнеров, а также вопросам, связанным с экономической дипломатией Москвы в условиях санкций. Так, некоторые исследователи анализируют тренд на активизацию внешнеэкономического сотрудничества России со странами Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки после 2022 г. [см. подробнее: The Routledge handbook..., 2023]. А.С. Куреневский с коллегами исследуют механизмы привлечения инвестиций из дружественных стран, таких как Индия и Турция, а также роль зарубежных представительств в продвижении российского экспорта [Куреневский и др., 2020]. Работа Я.А. Анисимовой и В.А. Плотникова посвящена системообразующей роли Минпромторга как агента внешней по-

¹Россия возглавила рейтинг стран с самым большим количеством санкций // РИА Новости. 08.03.2022. Доступ: <https://ria.ru/20220308/sanktsii-1777111282.html> (дата обращения: 20.12.2025).

литики в координации мер поддержки экспорта, что было вызвано необходимостью переориентации торговых потоков в условиях санкций [Анисимова, Плотников, 2023]. Д.С. Столков в своих исследованиях подчеркивает, что экосистема Российского экспортного центра (РЭЦ) стала альтернативой классической дипломатии в условиях разрыва связей с Западом, а также выделяет Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) и Восточный экономический форум (ВЭФ) как площадки для заключения соглашений с партнерами из Азии и Африки [Столков, 2024].

Существенный пласт отечественной литературы посвящен экономическим проблемам, с которыми сталкивается Россия в настоящий момент, прежде всего санкционной войне, развязанной странами Запада [Болдырев, Чихладзе, 2022; Долгов и др., 2022; Казанцев, 2022; Любовцева, Гордеева, 2022; Кувалин, Щербанин, 2023; Соболев, Шарай, 2023; Vaganova, 2022]. Отдельную группу литературы образуют работы, сосредоточенные на энергосырьевом экспорте Российской Федерации в новых условиях [Матвеев, Уянаев, 2022; Корсаков, 2023; Юсупов, 2023].

На этом фоне вопросы, связанные с тем, как государственные органы РФ реагируют на вызовы и координируют свою политику перед лицом санкционного давления, выглядят несколько менее изученными: в статье М.Ф. Магадиева [Магадиев, 2022] выявлены отдельные аспекты государственного управления в новых условиях; в работе Е.Я. Араповой [Арапова, 2024] рассмотрен российский подход к формированию режима контрсанкций, в том числе на уровне правовых, экономических и дипломатических составляющих.

Можно заключить, что в настоящий момент основное внимание академических исследователей сосредоточено на экономических и финансовых последствиях ограничительных мер, включая их влияние на макроэкономическую стабильность России, товарооборот, рынки энергоносителей и финансовую систему. В то же время дипломатический инструментарий и институциональные практики, используемые Российской Федерацией для противодействия санкциям, остаются недостаточно изученными. Именно на этих аспектах рассматриваемой проблематики и будет сфокусирована данная статья.

Ключевые акторы внешнеэкономической политики России

В Российской Федерации согласно Указу Президента «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской

Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» главным органом исполнительной власти в сфере отношений с иностранными государствами и международными организациями является Министерство иностранных дел².

Основными средствами, с помощью которых Москва осуществляет свою внешнеэкономическую политику, служат внешнеторговая политика (включающая экспортную и импортную политику), политика стимулирования экспорта, политика в области привлечения иностранных инвестиций и регулирования национальных капиталовложений за рубежом, а также валютная политика [см. подробнее: Раджабова и др., 2023].

В России существует большое количество ведомств, учреждений и компаний, которые занимаются внешнеэкономической деятельностью и, таким образом, являются акторами экономической дипломатии. К числу ее участников можно отнести: Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, РЭЦ, экспортное агентство по страхованию вкладов, кредитно-финансовые организации (ВЭБ. РФ, РОСЭКСИМБАНК) и торговые представительства России за рубежом [см. подробнее: Горенко, 2010], а также Россотрудничество.

Российская Федерация имеет обширную сеть учреждений за рубежом, в которую входят посольства, консульские учреждения, торговые представительства, а также представительства регионов России и крупных государственных компаний. Основная цель этих учреждений заключается в налаживании внешних связей, в том числе торговых, которые несут экономическую выгоду для России³. Кроме того, важным аспектом их деятельности является обеспечение экономической безопасности Российской Федерации посредством расширения рынков сбыта.

Трансформация российской экономической дипломатии в санкционный период проявляется в качественных изменениях в инсти-

² Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34205/page/1> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Внешнеэкономическая деятельность // Министерство экономического развития Российской Федерации. Доступ: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/ (дата обращения: 20.12.2025).

туциональной структуре и приоритетах деятельности заграничных представительств. Центральным направлением политики стало формирование новой географической и институциональной логики дипломатического присутствия. Согласно официальным отчетам МИД РФ за 2023–2024 гг.⁴ приоритетным направлением внешнеполитической активности стало укрепление контактов с государствами Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки — так называемым Глобальным Югом. Расширение дипломатических связей в указанных регионах проявилось в создании новых посольств (в частности, в странах Африки к югу от Сахары: после 30-летнего перерыва возобновили деятельность посольства в Буркина-Фасо⁵, Нигере⁶, Сьерра-Леоне⁷), открытии генеральных консульств (в частности, генконсульства в Египте⁸) и торговых представительств, а также в активизации межправительственных комиссий и деловых советов, направленных на продвижение российских товаров и инвестиций⁹. Эти шаги, по мнению зарубежных экспертов, отражают стратегическую линию Москвы на формирование альтернативных

⁴ Press release on Russia's main foreign policy results in 2023 // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 30.12.2023. Available at: https://mid.ru/en/maps/sd/1923985/?lang=en&COUNTRY_CODE=sd (accessed: 20.12.2025); Main foreign policy results in 2024 // Ibidem. 27.12.2024. Available at: https://mid.ru/en/maps/ye/1989553/?lang=en&COUNTRY_CODE=ye (accessed: 20.12.2025).

⁵ Russian embassy resumes activities in Burkina Faso's capital after 31-Year hiatus // Sputnik Africa. 29.12.2023. Available at: <https://en.sputniknews.africa/20231228/russian-embassy-reopens-in-burkina-fasos-capital-after-31-year-hiatus-1064354030.html> (accessed: 20.12.2025).

⁶ Russia is working to return its embassy to Niger's capital, Russian FM states // Sputnik Africa. 11.11.2024. Available at: <https://en.sputniknews.africa/20241110/russia-is-working-to-return-its-embassy-to-nigers-capital-russian-fm-states-1069150688.html?com> (accessed: 20.12.2025).

⁷ Teslova E. Lavrov says Russia plans to open embassy in Sierra Leone by end of year // Anadolu Ajansı. 07.05.2024. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/lavrov-says-russia-plans-to-open-embassy-in-sierra-leone-by-end-of-year/3212844> (accessed: 20.12.2025).

⁸ Emam A. With plans for a new consulate in Sharm el-Sheikh, Russia widens diplomatic reach in Egypt // The New Arab. 30.05.2025. Available at: <https://www.newarab.com/news/russia-widens-diplomatic-reach-egypt-new-sharm-consulate> (accessed: 20.12.2025).

⁹ Klyszcz I.U. Russia-Africa 2024 in review: Opportunities, drivers and limits for Moscow's continental expansion // Riddle Russia. 16.12.2024. Available at: <https://ridl.io/russia-africa-2024-in-review-opportunities-drivers-and-limits-for-moscow-s-continental-expansion/> (accessed: 20.12.2025).

экономических пространств и снижение зависимости от западных рынков и финансовых инструментов [Fasola, Averde, 2024: 11].

МИД РФ после 2022 г. последовательно переориентировал дипломатические усилия на публичную дипломатию и укрепление связей с дружественными странами. Так, в 2023 г. российские посольства и консульства организовали 120 бизнес-миссий в Китай, Турцию и ОАЭ, что способствовало росту экспорта¹⁰. Российское внешнеполитическое ведомство также курирует работу региональных форумов, таких как ВЭФ, где в 2024 г. было заключено 57 соглашений на сумму 3,8 трлн руб. [приводится по: Столков, 2024].

Российская экономическая дипломатия стала одним из ключевых каналов реализации «поворота на Восток», акцент сместился с классического продвижения экспорта к созданию долгосрочных партнерских проектов в инфраструктуре, энергетике, цифровизации.

Важную роль во внешнеэкономической деятельности Москвы играют и торговые представительства (торгпредства) страны за рубежом¹¹. Руководство их деятельностью согласно Указу Президента¹² с 2018 г. осуществляет Министерство промышленности и торговли РФ.

Торгпредства Российской Федерации в иностранных государствах являются частью дипломатической миссии России и действуют под политическим руководством посла РФ в стране пребывания. Согласно Положению о Торговом представительстве Российской Федерации в иностранном государстве¹³ торгпредства обеспечивают реализацию политики Москвы в сфере внешней торговли, содействуют развитию внешнеторговых связей России со страной пребывания и увеличению доли экспортеров, которые являются представителями

¹⁰ Мишин М. Как экспорт продуктов и технологий помогает слезть с «нефтяной иглы» // РБК. 17.12.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/industries/news/676047749a79478b0b2c7f5e> (дата обращения: 20.12.2025).

¹¹ Страны мира и торговые представительства // Минпромторг России. Доступ: https://minpromtorg.gov.ru/ministry/trade_mission/world_countries_and_trade_missions/ (дата обращения: 20.12.2025).

¹² Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 г. № 215 (ред. от 14.11.2024 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // КонсультантПлюс. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297953/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 20.12.2025).

¹³ Положение о Торговом представительстве Российской Федерации в иностранном государстве (утв. постановлением Правительства РФ от 27.06.2005 г. № 401) // Гарант. Доступ: <https://base.garant.ru/12140752/> (дата обращения: 20.12.2025).

малого и среднего бизнеса, в общем объеме экспорта РФ в страну пребывания [см. подробнее: Апанович, Тетерюк, 2019].

После массированного введения санкций в 2022 г. российские торговые представительства существенно расширили свой функционал, в том числе за счет организации бизнес-миссий, содействия выходу на локальные электронные торговые площадки и координации сертификации продукции для новых рынков. Торговые представительства при посольствах также активно вовлечены в поиск новых рынков сбыта и укрепление там российских позиций, что проявилось, в частности, в организации деловых миссий и бизнес-выставок в странах Азии, Африки и Ближнего Востока¹⁴ [Корчагина, Егерев, 2021]. Так, торгпредство России в ОАЭ систематически иницирует инвестиционные и технологические форумы, включая отбор российских компаний в сфере информационных технологий (ИТ) для участия в выставке GITEX¹⁵, выполняя роль координатора по сопровождению российского бизнеса за рубежом и оказывая ему маркетинговую поддержку¹⁶. Аналогичным образом торговое представительство в Алжире стало платформой для проведения деловых миссий и отраслевых встреч, направленных на расширение деловых контактов: 11–12 ноября 2025 г. прошла бизнес-миссия российских компаний, организованная при содействии торгпредства, в мероприятии участвовали около 20 российских производителей ИТ-решений, медицинского оборудования, удобрений, продукции агропромышленного комплекса, строительной и нефтегазовой отраслей. Миссию посетили представители ведущих государственных и частных объединений и компаний Алжира, включая государственные корпорации «Sonatrach», «Sonelgaz», «Algérie Télécom», строительную компанию «Cosider», производителя трамваев «Cital»,

¹⁴ Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в I полугодии 2022 г. // Торгпредство РФ в КНР (г. Пекин). Доступ: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ch-ru-cooperation/Торговля%20России%20и%20Китая%20в%20I%20полугод%202022%20г..pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁵ Перспективы внедрения передовых технологий на рынке ОАЭ: возможности и стратегии для российских ИТ-компаний // Timepad. 2023. Доступ: <https://digitaluae.timepad.ru/event/2578952/> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁶ Россия и ОАЭ укрепляют партнерство в области стандартизации и технологического развития энергетического сектора // Торговое представительство Российской Федерации в ОАЭ. 05.11.2025. Доступ: <https://are.minpromtorg.gov.ru/news?id=bc539d08-2426-49af-b191-9f6eb4d0b635> (дата обращения: 20.12.2025).

а также бизнес-объединения «CREA», «CAP», «CGEA»¹⁷. В некоторых странах Африки торгпредства смогли установить каналы взаимодействия для создания торговых домов и логистических баз¹⁸.

Торговые представительства Российской Федерации продолжают помогать отечественному бизнесу выходить на новые рынки. По данным Федеральной таможенной службы, за январь–август 2024 г. экспорт в страны Азии вырос на 7,6% (до 209 млрд долл.), в страны Африки — на 22,4% (до 16,4 млрд долл.)¹⁹, что стало возможным в том числе благодаря активной работе представительств, которые помогают производителям и поставщикам искать иностранных клиентов, анализировать спрос на продукцию и оценивать требования зарубежного законодательства²⁰.

Одновременно была развернута активная работа по локализации процедур выхода на рынки, в том числе посредством содействия сертификации, поиску дистрибьютеров и других мер, а представительства в ключевых региональных хабах (ОАЭ, Турция, Малайзия и др.) выступали оперативными центрами для осуществления транзитных и перераспределительных операций, обеспечивая поддержку экономическим акторам в поиске альтернативных маршрутов в условиях ограниченного доступа к мировым логистическим цепочкам.

При этом работа представительств оказалась осложнена значительными системными барьерами, включая ограничения на доступ к высокотехнологичным компонентам, страхованию экспортных рисков и платежным каналам. Кроме того, в ряде прозападно настроенных стран торговые представительства столкнулись с операционными рисками безопасности и политическими инцидента-

¹⁷ Бизнес-миссия российских компаний в Алжире // Торговое представительство Российской Федерации в Алжирской Народной Демократической Республике. 12.11.2025. Доступ: <https://dz.minpromtorg.gov.ru/news?id=d77c6994-ccdd-4b91-a763-d275a60af785> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁸ Russia-Kenya 2024 bilateral & trade relations: Update // Russia's Pivot to Asia. 10.12.2024. Available at: <https://russiaspivottoasia.com/russia-kenya-2024-bilateral-trade-relations-update/?com> (accessed: 20.12.2025).

¹⁹ Кузнецова Е. Новые рынки станут ближе: как правительство поддерживает российских экспортеров при освоении рынков Азии и Африки // Коммерсантъ. 06.11.2024. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7249820> (дата обращения: 20.12.2025).

²⁰ Trade between Russia and Africa grows 37% in 2023 // Ecofin Agency. 18.11.2024. Available at: <https://www.ecofinagency.com/public-management/1811-46145-trade-between-russia-and-africa-grows-37-in-2023?.com> (accessed: 20.12.2025).

ми, что сказалось на публичной деятельности и потребовало мер корректировки формата взаимодействия с бизнес-сообществами, а также повышения мер защиты²¹. Тем не менее еще летом 2022 г. министр промышленности и торговли Д.В. Мантуров заявил, что Россия не собирается закрывать представительства Российской Федерации в недружественных странах²². На сегодняшний день согласно перечню правительства РФ торговые представительства работают в 64 государствах²³, что на 7 больше, чем было во время заявления Д.В. Мантурова (включая и страны Запада, такие как Австрия, Великобритания, Дания, Испания, Польша, США, Швеция и др.).

В целом за 2022–2025 гг. торгпредства РФ продемонстрировали способность быстро перенастраивать операционные практики, что обеспечило с их стороны успешное выполнение задач по диверсификации экспортных каналов, но при этом обозначились и пределы эффективности подобных мер без параллельного решения финансово-технических и институциональных проблем. Так или иначе, несмотря на понижение уровня дипломатического присутствия в недружественных странах, торговое сотрудничество с ними продолжается. События 2022 г., в том числе введение множества санкций в отношении России, позволили стране переориентироваться на новые рынки сбыта. С того времени новые торгпредства РФ были открыты в Эфиопии, Филиппинах, Мьянме, Нигерии и Мексике. И в долгосрочной перспективе развитие новых рынков сбыта должно стать одной из ключевых задач экономической дипломатии Москвы²⁴.

²¹ Здание торгпредства РФ в Швеции вновь подверглось атаке дрона с краской // Известия. 08.11.2025. Доступ: <https://iz.ru/1986866/2025-11-08/zdanie-torgpredstva-rf-v-shvetsii-vnov-podvergl-os-atake-drona-s-kraskoi> (дата обращения: 20.12.2025).

²² Минпромторг не будет закрывать торгпредства в недружественных странах // Известия. 15.07.2022. Доступ: <https://iz.ru/1365292/2022-07-15/minpromtorg-ne-budet-zakryvat-torgpredstva-v-nedruzhestvennykh-stranakh> (дата обращения: 20.12.2025).

²³ Постановление Правительства Российской Федерации от 04.11.2023 г. № 1864 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 401» // Официальное опубликование правовых актов. 08.11.2023. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311080029?ysclid=loqz4j7my175046295> (дата обращения: 20.12.2025).

²⁴ Правительство утвердило перечень стран, где учреждены торгпредства России // Прайм. 08.11.2023. Доступ: <https://1prime.ru/20231108/842208699.html?ysclid=lub3pipeev57120176> (дата обращения: 20.12.2025).

На решение этой задачи направлена также деятельность Минэкономразвития России, которое в условиях беспрецедентного экономического давления после 2022 г. активизировало работу по диверсификации внешнеэкономических связей, сместив фокус на страны БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Африки и Латинской Америки²⁵. К 2024 г. ведомство разработало Стратегию пространственного развития до 2036 г., направленную на сокращение межрегиональных разрывов и интеграцию в новые рынки через создание особых экономических зон (ОЭЗ)²⁶. Уже в том же году в Новосибирской, Вологодской и Московской областях были созданы три ОЭЗ, что позволило привлечь 170 млрд руб. инвестиций²⁷.

Создание и масштабирование таких проектов следует рассматривать не только как элемент внутренней пространственной политики, но и как инструмент внешнеэкономической стратегии, поскольку ОЭЗ формируют инвестиционную и экспортную инфраструктуру, которая предназначена для привлечения иностранного капитала и международных резидентов, а следовательно, требует активного продвижения за рубежом, что традиционно входит в круг задач торговых представительств и иных институтов экономической дипломатии. Создание ОЭЗ предполагает целый спектр внешних коммуникаций, включая формулирование преференций, переговоры об анкорных инвесторах, организацию международных форумов и т.д., а сами ОЭЗ в свою очередь выступают как опорные экономические точки и индустриальные кластеры с задачами интеграции в новые международные рынки.

²⁵ Максим Решетников: рост экономики в 2024 году продолжится // Министерство экономического развития Российской Федерации. 11.09.2023. Доступ: https://www.economy.gov.ru/material/press/official_position/maksim_reshetnikov_rost_ekonomiki_v_2024_godu_prodolzhitsya.html (дата обращения: 20.12.2025).

²⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р) // Правительство Российской Федерации. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PN7bmTrRgcUPwoIQA8SYR91B.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

²⁷ На коллегии Минэкономразвития подвели итоги работы за 2024 год и обозначили задачи на перспективу // Министерство экономического развития Российской Федерации. 17.02.2025. Доступ: https://www.economy.gov.ru/material/about/collegium/na_kollegii_minekonomrazvitiya_podveli_itogi_raboty_za_2024_god_i_oboznachili_zadachi_na_perspektivu.html (дата обращения: 20.12.2025).

Торговые представительства и посольства в данном случае выполняют функции промоагентов ОЭЗ, собирают и передают зарубежные запросы и контакты в регионы, организуют деловые миссии и «роуд-шоу», помогают иностранным инвесторам ориентироваться в преференциях и процедурах вхождения, содействуют в переговорах по вопросам локализации и таможенного режима, способствуют поиску зарубежных поставщиков технологий и компонентов для резидентов.

В рамках международного сотрудничества Минэкономразвития курирует переговоры по созданию зоны свободной торговли с Египтом, Индией и ОАЭ [см. подробнее: Карамышева, 2023]. В 2024 г. начались аналогичные переговоры с Индонезией, что расширяет доступ российских товаров на рынки Юго-Восточной Азии²⁸. Одними из ключевых достижений ведомства стали быстрое переориентирование прогнозно-программной деятельности и публикация регулярных сценариев социально-экономического развития, что позволило правительству выстраивать бюджетно-фискальные меры с учетом санкционных рисков²⁹. Министерство публично подчеркивало важность диверсификации экспортных коридоров и сотрудничества с дружественными юрисдикциями, что сопровождалось совместными инициативами с другими министерствами и зарубежными представительствами по продвижению российских товаров и инвестпроектов в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке³⁰. В результате своей деятельности Минэкономразвития создало важные форматы для поддержки экспорта и импортозамещения, а в апреле 2023 г. приняло на себя координацию развития цифровой платформы «Мой экспорт». Через нее российский бизнес получил доступ к государственным мерам поддержки и онлайн-инструментам

²⁸ Соглашение с ОАЭ о зоне свободной торговли подпишут в середине 2025 года // РИА Новости. 17.02.2025. Доступ: <https://ria.ru/20250217/soglashenie-1999827432.html> (дата обращения: 20.12.2025).

²⁹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации. Сентябрь 2025 г. Доступ: https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

³⁰ Департамент развития и регулирования внешнеэкономической деятельности // Министерство экономического развития Российской Федерации. Доступ: <https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/> (дата обращения: 20.12.2025).

сопровождения поставок, что существенно снизило административные барьеры при выходе на зарубежные рынки.

Что касается Министерства промышленности и торговли, то после перехода системы торговых представительств в его ведение можно наблюдать качественные изменения в сфере оказания ими услуг и в целом их преобразование в более эффективные внешнеэкономические органы. Это проявляется, в частности, в изменении кадровой политики в отношении руководителей структур — включении в их состав большего числа лиц, имеющих опыт работы в бизнесе или в институтах развития [см. подробнее: Тетерюк, Бондарев, 2022]. Помимо этого были усилены PR- и информационные практики. Наконец, благодаря Министерству промышленности и торговли в работе самих представительств усилился акцент на конкретных услугах для бизнеса, таких как сопровождение сделок, поиск дистрибьютеров, консультирование по сертификации, организация отраслевых миссий и выставок. Принятые ведомством меры (нормативные, институциональные, кадровые и коммуникационные) обеспечили трансформацию торгпредств в более бизнес-ориентированные внешнеэкономические органы.

Минпромторг провел значительную нормативно-регуляторную работу по формированию списка экспортных ограничений и пошлин, а также по введению временных запретов на вывоз ряда технологий и оборудования. В сфере прямого содействия внешнеторговой активности ведомство совместно с РЭЦ и региональными центрами поддержки экспортеров систематизировало кредитные и субсидиарные программы для экспортеров, запустило конкурсы на компенсацию затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и омологацию продукции, что помогло частично сохранить экспортные цепочки средних и малых предприятий³¹. Кроме того, Минпромторг активизировал работу по цифровизации внешнеэкономических процедур, внедряя платформы для оперативного информирования и подачи заявок на меры поддержки, что позволило снизить транзакционные издержки и ускорить выход компаний на альтернативные рынки. Важной

³¹ РЭЦ и Минпромторг с 25 января начнут прием заявок на компенсацию затрат на НИОКР и омологацию продукции для внешних рынков // Российский экспортный центр. 20.01.2022. Доступ: https://www.exportcenter.ru/press_center/rets-i-minpromtorg-s-25-yanvary-a-nachnut-priem-zayavok-na-kompensatsiyu-zatrat-na-niokr-i-omologatsiy/ (дата обращения: 20.12.2025).

задачей стала координация переориентации логистики и торговых коридоров, в частности развития проекта «Север–Юг» и других маршрутов. Так, Министерство промышленности и торговли РФ в 2025 г. утвердило компенсацию до 60% затрат на транспортировку промышленной продукции для экспортеров, для чего было выделено около 6 млрд руб.³² Объем несырьевого неэнергетического экспорта в 2024 г. составил 155 млрд долл., что было на 5% выше показателей предыдущего года, притом доля малого и среднего бизнеса в нем составила 88,4%³³. В условиях санкций и роста логистических рисков такие компенсации становятся критически важными, так как позволяют смягчить дополнительные издержки, связанные с удлиненными маршрутами, пересортировкой грузов и повышенными тарифами. Это в свою очередь делает экспорт экономически более устойчивым и надежным, что эффективно поддерживает дипломатию через бизнес.

Деятельность государственных корпораций РФ как акторов экономической дипломатии

Особое значение в области внешнеэкономической деятельности РФ сохраняет РЭЦ, который принимал активное участие в формировании новой, ориентированной на потребности отечественного бизнеса, системы зарубежных представительств. В 2015 г. РЭЦ начал создание новых торговых домов на базе торговых представительств. Их основной целью стала помощь российским экспортерам в продвижении своих товаров на зарубежных рынках, проведении переговоров с потенциальными партнерами и инвесторами, заключении сделок. В конце 2015 г. было открыто 10 торговых домов: в Австрии, Аргентине, Вьетнаме, Индии, Иране, Казахстане, Китае, Таджикистане, Франции и ЮАР. Тем самым Россия продолжает укреплять связи с теми странами, с кем уже состоит в стабильном партнерстве.

В 2019 г. Министерство промышленности и торговли совместно с РЭЦ разработало новую модель функционирования торгпредств и представительств РЭЦ (торговых домов), а также иных участников государственной системы поддержки экспорта. Эту модель протек-

³² Минпромторг утвердил компенсации экспортерам за транспортировку продукции // РИА Новости. 13.01.2025. Доступ: <https://ria.ru/20250113/minpromtorg-1993497655.html> (дата обращения: 20.12.2025).

³³ Мишин М. Указ. соч.

стировали на семи торгпредствах в следующих странах-партнерах: Китае, Вьетнаме, Сингапуре, Индии, Узбекистане, Германии и Турции [см. подробнее: Андропова, 2022]. Основная цель данных нововведений — формирование единой структуры продвижения экспорта и внедрение новой модернизированной системы управления³⁴.

Зарубежные представительства РЭЦ призваны оказывать содействие российским экспортерам в заключении и реализации экспортных контрактов. Специалисты зарубежных представительств центра занимаются поиском поставщиков российской продукции по запросу иностранных покупателей, готовых вступить с ними в предметные переговоры³⁵. Таким образом, РЭЦ является специально созданным институтом содействия экспорту, не будучи дипломатическим представительством. После 2016 г. государство начало сопряжение деятельности торгпредств и РЭЦ в рамках единой системы поддержки экспорта. В некоторых странах (Аргентина, Вьетнам, Казахстан) были созданы совместные точки присутствия РЭЦ на базе торговых представительств при посольствах.

В 2022–2025 гг., в условиях беспрецедентного санкционного давления, РЭЦ продемонстрировал ряд институциональных и операционных достижений. Во-первых, центр расширил свою сеть зарубежного представительства: в последние годы были открыты офисы в нескольких государствах постсоветского пространства и за его пределами, в том числе в Армении³⁶, Индонезии³⁷, а также в Саудовской Аравии, Египте, Таиланде и Бразилии³⁸. Во-вторых, РЭЦ

³⁴ Черненко Е. Торгпредоносцы: у России новые идеи насчет продвижения экспорта и привлечения инвестиций // Коммерсантъ. 15.11.2019. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4157789> (дата обращения: 20.12.2025).

³⁵ Зарубежные представительства // Российский экспортный центр. Доступ: <https://www.exportcenter.ru/contacts/world/> (дата обращения: 20.12.2025).

³⁶ Russian Export Centre representative office opens in Yerevan // Caliber. 15.12.2023. Available at: <https://caliber.az/en/post/russian-export-centre-representative-office-opens-in-yerevan> (accessed: 20.12.2025).

³⁷ РЭЦ объявляет отбор оператора для национального павильона «Сделано в России» в Индонезии // Российский экспортный центр. 08.10.2025. Доступ: https://www.exportcenter.ru/press_center/rets-obyavlyayet-otbor-operatora-dlya-natsionalnogo-pavilona-sdelano-v-rossii-v-indonezii/?ysclid=mhxm4er24895916818 (дата обращения: 20.12.2025).

³⁸ РЭЦ планирует открыть пять представительств за рубежом до конца 2024 года // Интерфакс. 05.09.2024. Доступ: <https://www.interfax.ru/business/979713> (дата обращения: 20.12.2025).

существенно масштабировал прямую клиентскую поддержку: за два года деятельности он оказал услуги более чем 40 тыс. уникальных экспортирующих компаний, что свидетельствует о расширении охвата малых и средних предприятий [Камнева, 2025: 98]. Среди самых востребованных мер поддержки значатся страхование внешнеторговых сделок, помощь в участии в международных тендерах, содействие в поиске иностранных контрагентов, консультации по вопросам таможенного оформления товаров, кредитно-гарантийная поддержка бизнеса. С 2025 г. частью обновленного национального проекта «Международная кооперация и экспорт» стала программа продвижения «Сделано в России». Генеральный директор РЭЦ В.О. Никишина отмечает, что данная программа направлена на демонстрацию мировому сообществу лучших достижений российской экономики и культуры, на укрепление и развитие торгово-экономических отношений с дружественными странами. Речь идет о формировании «зонтичного бренда» для всего российского экспорта. На данный момент в программе сертификации участвует более 8 тыс. товаров несырьевого неэнергетического экспорта [Камнева, 2025: 99]. Наконец, институциональные инициативы РЭЦ (например, запуск всероссийских конкурсов «Экспортер года»³⁹ и кластерных образовательных программ⁴⁰) способствовали созданию репертуара инструментов быстрого реагирования и локальной поддержки.

РЭЦ входит в группу корпорации ВЭБ.РФ, которая является правопреемницей созданного в 1922 г. Внешторгбанка СССР, преобразованного позднее во Внешэкономбанк. С 2018 г. он функционирует в форме государственной корпорации в соответствии с Федеральным законом № 82-ФЗ «О банке развития ВЭБ.РФ»⁴¹. Исторически задачей данного экономического института было обеспечение внешнеторговых расчетов, кредитование экспортных операций и поддержка государственной внешнеэкономической политики. Однако после реформ 2000–2010-х годов его полномочия

³⁹ Всероссийская премия в области международной кооперации и экспорта «Экспортер года» // Российский экспортный центр. Доступ: <https://www.exportcenter.ru/awards> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴⁰ Основные перспективные ниши для выхода на вьетнамский рынок // Российский экспортный центр. Доступ: <https://www.exportcenter.ru/events/786137/> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴¹ О нас // ВЭБ.РФ. Доступ: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/o-banke/> (дата обращения: 20.12.2025).

существенно расширились: ВЭБ.РФ стал ключевым банком развития Российской Федерации, ориентированным на финансирование долгосрочных инфраструктурных, промышленных и инновационных проектов, которые не могут быть реализованы исключительно рыночными инструментами из-за масштаба, сроков окупаемости и высокой публичной значимости. В частности, стратегической целью ВЭБ.РФ является поддержка экспорта и российского предпринимательства⁴².

В ответ на санкционное давление корпорация переориентировалась на новую операционную модель, усилив акцент на проектах как с участием частного капитала, так и с привлечением финансирования из дружественных юрисдикций вместо традиционных западных рынков⁴³. В практическом плане одним из достижений ВЭБ.РФ стало финансирование ряда крупных транспортно-логистических и промышленных проектов, направленных на развитие коридоров «Север–Юг» и углубление внутренней индустриализации, что расширило пространство для внешнеэкономических связей с Азией, Латинской Америкой, странами БРИКС и ШОС⁴⁴. Как и вся российская экономика, ВЭБ.РФ столкнулся с существенными ограничениями, связанными с прямыми и вторичными санкциями. В частности, отключение от SWIFT серьезно осложнило международные расчеты и доступ к иностранному финансированию. Это вынудило госкорпорацию искать новых партнеров, что привело к появлению механизмов замещения, например, в виде создания не прямых схем финансирования и поддержки проектов через партнерские структуры⁴⁵. Финансовые документы демонстрируют, что организация продолжала публиковать консолидированные отчеты и поддерживать прозрачность ключевых проектов. Это помогло сохранить доверие частных и государственных инвесторов как внутри РФ, так и за рубежом⁴⁶.

⁴² Стратегия развития // ВЭБ.РФ. Доступ: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/o-banke/strategiya-razvitiya/> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Beizsley D. Emerging Russian firm takes place of sanctioned lender in Central Asia // The Diplomat. 21.12.2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/12/emerging-russian-firm-takes-place-of-sanctioned-lender-in-central-asia/> (accessed: 20.12.2025).

⁴⁶ Годовой отчет 2024 // ВЭБ.РФ. Доступ: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/investoram/otchetnost/godovoy-otchyet-2024/> (дата обращения: 20.12.2025).

Стоит отметить, что большинство государственных компаний и корпораций также имеют собственные представительства в иностранных государствах. Например, речь идет о Сбербанке и ВТБ⁴⁷. Основные их цели — налаживание торговых связей компании со страной пребывания, продвижение собственной продукции, а также увеличение российского экспорта. Государственные компании имеют обширную сеть активов за границей.

ПАО «Газпром» (далее — Газпром) занимает уникальное положение в системе внешнеэкономических институтов РФ, являясь крупнейшей энергетической госкорпорацией страны, а также одним из ключевых инструментов реализации экономической дипломатии. Формально Газпром не имеет статуса дипломатического или торгового представительства, однако его деятельность напрямую сфокусирована на реализации внешнеполитических приоритетов России и координируется государственными органами, в первую очередь Министерством энергетики и Министерством иностранных дел. Согласно Федеральному закону № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (в частности, ст. 4, 5, 10, 20)⁴⁸ и собственному Уставу (п. 3.2, 3.3)⁴⁹ корпорация выполняет стратегические задачи обеспечения энергетической безопасности, устойчивого экспорта и укрепления позиций России на мировом энергетическом рынке, что придает ей полуофициальный дипломатический статус в соответствующей сфере.

За рассматриваемый период стоит отметить ряд достижений компании. Во-первых, заметно вырос экспорт газа по Восточному маршруту. Так, только за 2022 г. объем поставок через газопровод «Сила Сибири» увеличился почти на 50% по сравнению с предыдущим годом⁵⁰, что свидетельствует о переориентации корпорации на

⁴⁷ Что есть у России за рубежом: вычислительный центр // Коммерсантъ. 19.06.2015. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/2749665> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴⁸ Федеральный закон от 31.03.1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22576/ (дата обращения: 20.12.2025).

⁴⁹ Устав публичного акционерного общества «Газпром» (утв. решением Общего собрания акционеров ПАО «Газпром», Протокол № 1, составлен 27 июня 2025 г.) // Газпром. Доступ: <https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/gazprom-articles-2025-06-27-ru.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵⁰ Международная деятельность // ПАО «Газпром». Доступ: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2022/about-gazprom/international-activity/> (дата обращения: 20.12.2025).

азиатские рынки в условиях сокращения европейского спроса. Во-вторых, корпорацией была инициирована цифровизация торговых механизмов. Так, в 2023 г. продолжились поставки природного газа через Электронную торговую платформу ООО «Газпром экспорт» (ЭТП) и в рамках ЕФЕТ-соглашений. Суммарно через данные каналы продаж было поставлено 737,5 млн куб. м газа, а также реализована новая функциональность Системы сопровождения торговой деятельности в части автоматизированной обработки данных по показателям энергетических рынков и результатам торгов газом⁵¹, что в совокупности улучшило рыночную гибкость экспортных операций. Согласно отчетам корпорации⁵² в 2023 г. объем товарной добычи газа превысил 150 млрд куб. м, при этом около трети его поставляется на экспорт. В 2023 г. было продолжено активное взаимодействие с рядом африканских стран в отношении потенциального сотрудничества в области газомоторного топлива (ГМТ). В частности, были реализованы совместные проекты по развитию рынка ГМТ в Танзании. Помимо этого в том же году представители организаций Группы Газпром приняли участие в работе Глобального газового центра (ГГЦ), Боаского азиатского форума, Африканской энергетической палаты, Международного делового конгресса (МДК), Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ), Российско-китайского энергетического бизнес-форума. Мероприятия указанных международных энергетических организаций были посвящены широкому кругу вопросов развития газовой отрасли.

Подобно Газпрому, Ростех также является специфическим инструментом государственной внешнеэкономической политики⁵³, объединяющим сотни предприятий, работающих в высокотехнологичных отраслях, включая авиастроение, радиоэлектронику, машиностроение и т.д. С момента создания корпорация также выполняет не только производственно-коммерческие, но и внешнеэкономические функции, выступая проводником российских интересов

⁵¹ Внешнеэкономическая деятельность // ПАО «Газпром». Доступ: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2023/about-gazprom/foreign-trade/> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵² Там же.

⁵³ Федеральный закон от 23.11.2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // КонсультантПлюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72710/ (дата обращения: 20.12.2025).

в международных технологических, оборонных альянсах. Среди конкретных достижений корпорации за рассматриваемый период стоит отметить проекты по локализации производства за рубежом. Например, совместное изготовление бронебойных снарядов в Индии усиливает интеграцию с зарубежными партнерами⁵⁴. В 2024 г. дочерняя компания Ростеха «Рособоронэкспорт» представила российскую продукцию на выставке «Africa Aerospace & Defence 2024», на которой было продемонстрировано более 250 образцов военного, двойного и гражданского назначения⁵⁵. Свидетельством заграничной активности компании стало приобретение 25,5% акций ПАО «Астраханский порт» для развития экспорта по международному транспортному коридору «Север–Юг» в Индию и Иран. Тем не менее зарубежная деятельность сталкивается с определенными ограничениями, так как большая часть производственных мощностей переключена на выполнение задач внутреннего рынка и оборонного сектора, что ограничивает экспортный потенциал.

* * *

Необходимость структурного переформатирования торговых потоков и диверсификации экспортных направлений, развития параллельного импорта и новых логистических маршрутов, а также поиск новых партнеров по всему миру, обусловленные беспрецедентным санкционным давлением, с которым столкнулась Российская Федерация в последние годы, поставили перед всей российской системой экономической дипломатии качественно новые вызовы. В этих условиях эффективность внешнеэкономической деятельности России определяется не только масштабом государственной поддержки (компенсациями затрат, расширением мер для сырьевого экспорта, развитием ОЭЗ, программами ВЭБ.РФ и РЭЦ), но и степенью институциональной сопряженности всех ключевых субъектов российской экономической дипломатии. Именно за счет такой сопряженности РФ смогла продвигать преференциальные ре-

⁵⁴ Russian armour-piercing tank rounds to be made in India // Reuters. 04.07.2024. Available at: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/russian-armour-piercing-tank-rounds-be-made-india-rostec-says-2024-07-04/> (accessed: 20.12.2025).

⁵⁵ «Рособоронэкспорт» представит российскую продукцию на выставке Africa Aerospace&Defence 2024 // Ростех. 16.09.2024. Доступ: <https://rostec.ru/media/news/rosoboronekspport-predstavit-rossiyskuyu-produktsiyu-na-vystavke-africa-aerospace-defence-2024/> (дата обращения: 20.12.2025).

жимы ОЭЗ, демонстрировать международным инвесторам гарантии политической и правовой поддержки, обеспечивать переговорные позиции для заключения поставок промышленной продукции, решать вопросы сертификации, логистики и расчетов.

В этом контексте особое значение приобрела деятельность различных дипломатических миссий (посольств, торговых представительств), превратившихся в ключевых акторов экономической дипломатии Российской Федерации. В рассматриваемый период дипломатические миссии выполняли двойную задачу: во-первых, они обеспечивали непрерывность внешнеэкономических связей посредством защиты интересов российских предпринимателей за рубежом, содействия в заключении контрактов и адаптации к новым правовым режимам; во-вторых, они выступали механизмами оперативной передачи информации российским профильным министерствам и институтам развития о состоянии зарубежных рынков, рисках, логистических барьерах, возможностях локализации, что сделало их ключевым элементом обратной связи между внешней средой и внутренними органами, формирующими меры поддержки экспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андропова Н.Э. Роль России в формировании новой трансрегиональной финансовой архитектуры в условиях деглобализации и новой санкционной парадигмы. М.: Директ-Медиа, 2022.
2. Анисимова Я.А., Плотников В.А. Экономическая безопасность, санкции и переориентация российских внешнеторговых потоков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13. № 2. С. 10-23. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-2-10-23.
3. Апанович М.Ю., Тетерюк А.С. «Бизнес-дипломатия» как инструмент реализации внешнеэкономических интересов отечественных компаний на современном этапе: проблемы и перспективы // Теории и проблемы политических исследований. 2019. № 2. С. 176-194.
4. Арапова Е.Я. Санкционная дипломатия: практика российских ответных мер. М.: МГИМО-Университет, 2024.
5. Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т. Экономический суверенитет государства: ценность, вызовы, правовые механизмы защиты // Антиномии. 2022. Т. 22. № 4. С. 110-127. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_4_110.
6. Головкина С.И., Лепская А.П., Мизина А.П. Внешняя торговля углеводородами России: современные тенденции и проблемы // Инновационная

экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 3 (21). С. 16–23.

7. Горенко О.А. Совершенствование механизма обеспечения внешнеэкономической безопасности Российской Федерации: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2010.

8. Долгов С.И., Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. Возможности противодействия санкциям в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 36–54. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-4-36-54.

9. Дробот Е.В., Ивко Е.С. Исследование тенденций и частоты использования нетарифных мер во внешнеэкономической деятельности на примере технических барьеров во внешней торговле // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 5. С. 1357–1376. DOI: 10.18334/rp.19.5.39094.

10. Казанцев С.В. Жизнь под санкциями // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 2. С. 371–386. DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114789.

11. Камнева К. Сделано в России: как развивается сырьевой экспорт в стране // Вольная экономика. 2025. № 33. С. 94–101.

12. Карамышева А.К. Экономическая дипломатия в современной системе международных отношений // Экономические исследования и разработки. 2023. № 1. С. 74–79. DOI: 10.54092/25420208_2023_1_74.

13. Корсаков Г.О. Актуальные проблемы нефтегазовых комплексов в современной России // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 494–496.

14. Корчагина Е.В., Егерева Ю.Б. Анализ торговых связей между Россией и ЮАР // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2021. № 2. С. 32–35. DOI: 10.26163/RAEN.2021.67.98.004.

15. Кувалин Д.Б., Щербанин Ю.А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 4. С. 62–78. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-4.

16. Курневский А.С., Суворкин А.С., Суворкина Ж.А. Российская Федерация в международных экономических отношениях // Исследования молодых ученых: Материалы VI Международной научной конференции (г. Казань, январь 2020 г.) / Отв. ред. Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. [Казань]: Молодой ученый, 2020. С. 25–27.

17. Любовцева Е.Г., Гордеева И.А. Влияние санкций на развитие экономики России: возможности и ограничения // Oeconomia et Jus. 2022. № 3. С. 8–14. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-3-8-14.

18. Магадиев М.Ф. Актуальные аспекты государственного управления в Российской Федерации в условиях экономических санкций западных государств // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 1 (27). С. 48–55.

19. Матвеев В.А., Уянаев С.В. Углеводородная отрасль РФ в условиях санкций: возможности компенсации за счет сотрудничества с КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. С. 56–70. DOI: 10.48647/IFES.2022.86.63.028.

20. Раджабова З.К., Хидирова С.З., Гюльмагомедова Г.А. Внешнеэкономическая политика России и основные этапы ее развития // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 138–141. DOI: 10.34823/SGZ.2023.3.52993.

21. Соболев Т.С., Шарай А.И. Современное состояние экономики России в условиях санкций и перспективы ее развития // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2023. № 1 (44). С. 7–15. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-1-7-15.

22. Столков Д.С. Новые тенденции в российской дипломатии после 24 февраля 2022 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 1. С. 27–42. DOI: 10.21638/spbu06.2024.102.

23. Тетерюк А.С., Бондарев М.Д. Институт торговых представительств Российской Федерации на современном этапе: оценка промежуточных итогов его реформирования // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14. № 2. С. 202–232. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-202-232.

24. Юсупов П.Т. Трансформация мирового рынка нефти под влиянием западных санкций // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. С. 57–61.

25. Fasola N., Averde D. Russia, the Global South and global governance: Russia's geostrategic reorientation and its implications for the G7: Policy brief // Global Solutions Initiative. May 2024. Available at: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2025/03/T7it_tf1_pb02.pdf (accessed: 20.12.2025).

26. The Routledge handbook of Russian international relations studies / Ed. by M. Lagutina, N. Tsvetkova, A. Sergunin. London: Routledge, 2023.

27. Vaganova O.V. Russia and sanctions // Research Result. Economic Research. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 4–11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1.

REFERENCES

1. Andronova N.E. 2022. *Rol' Rossii v formirovanii novoi transregional'noi finansovoi arkhitektury v usloviyakh deglobalizatsii i novoi sanktsionnoi paradigm* [Russia's role in shaping a new trans-regional financial architecture in the context of deglobalization and a new sanctions paradigm]. Moscow, Direkt-Media Publ. (In Russ.)

2. Anisimova Ya.A., Plotnikov V.A. 2023. *Ekonomicheskaya bezopasnost', sanktsii i pereorientatsiya rossiiskikh vneshnetorgovykh potokov* [Economic security, sanctions and reorientation of Russian foreign trade flows]. *Proceed-*

ings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management, vol. 13, no. 2, pp. 10–23. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-2-10-23. (In Russ.)

3. Apanovich M.Yu., Teteryuk A.S. 2019. 'Biznes-diplomatiya' kak instrument realizatsii vneshneekonomicheskikh interesov otechestvennykh kompanii na sovremennom etape: problemy i perspektivy ['Business diplomacy' as a tool for realization of economic interests of domestic companies at the present stage: Problems and prospects]. *PolitBook*, no. 2, pp. 176–194. (In Russ.)

4. Arapova E.Ya. 2024. *Sanktsionnaya diplomatiya: praktika rossiiskikh otvetnykh mer* [Sanctions diplomacy: Russian retaliatory measures]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

5. Boldyrev O.Yu., Chikhladze L.T. 2022. Ekonomicheskii suverenitet gosudarstva: tsennost', vyzovy, pravovye mekhanizmy zashchity [Economic sovereignty of a state: Value, challenges, legal mechanisms for protection]. *Antinomies*, vol. 22, no. 4, pp. 110–127. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_4_110. (In Russ.)

6. Golovkina S.I., Lepskaya A.P., Mizina A.P. 2017. Vneshnyaya trgovlya uglevodorodami Rossii: sovremennye tendentsii i problemy [Foreign trade in hydrocarbons of Russia: Contemporary trends and problems]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, no. 3 (21), pp. 16–23. (In Russ.)

7. Gorenko O.A. 2010. *Sovershenstvovanie mekhanizma obespecheniya vneshneekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Improving the mechanism of ensuring the foreign economic security of the Russian Federation]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

8. Dolgov S.I., Savinov Yu.A., Kirillov V.N., Taranovskaya E.V. 2022. Vozможности protivodeistviya sanktsiyam v mezhdunarodnoi trgovle [Russia's potential to confront sanctions in international trade]. *Russian Foreign Economic Journal*, no. 4, pp. 36–54. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-4-36-54. (In Russ.)

9. Drobot E.V., Ivko E.S. 2018. Issledovanie tendentsii i chastoty ispol'zovaniya netarifnykh mer vo vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti na primere tekhnicheskikh bar'erov vo vneshnei trgovle [The research of trends and frequency of non-tariff measures in foreign economic activity on the example of technical barriers in foreign trade]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, vol. 19, no. 5, pp. 1357–1376. DOI: 10.18334/rp.19.5.39094. (In Russ.)

10. Kazantsev S.V. 2022. Zhizn' pod sanktsiyami [Life under sanctions]. *Economic Security*, vol. 5, no. 2, pp. 371–386. DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114789. (In Russ.)

11. Kamneva K. 2025. Sdelano v Rossii: kak razvivaetsya nesyr'evoi eksport v strane [Made in Russia: How non-resource exports are developing in the country]. *Free Economy*, no. 33, pp. 94–101. (In Russ.)

12. Karamysheva A.K. 2023. Ekonomicheskaya diplomatiya v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [Economic diplomacy in the contempo-

rary system of international relations]. *Economic Development Research Journal*, no. 1, pp. 74–79. DOI: 10.54092/25420208_2023_1_74. (In Russ.)

13. Korsakov G.O. 2023. Aktual'nye problemy neftegazovykh kompleksov v sovremennoi Rossii [Actual problems of oil and gas companies in modern Russia]. *Innovation & Investment*, no. 5, pp. 494–496. (In Russ.)

14. Korchagina E.V., Egereva Yu.B. 2021. Analiz torgovykh svyazei mezhdu Rossiei i YuAR [Analysis of trade links between Russia and Republic of South Africa]. *Herald of Education and Science Development of Russian Academy of Natural Sciences*, no. 2, pp. 32–35. DOI: 10.26163/RAEN.2021.67.98.004. (In Russ.)

15. Kuvalin D.B., Shcherbanin Yu.A. 2023. Adaptatsiya ekonomiki rossiiskikh regionov k razryvu otnoshenii s Evropoi (na primere portov Baltiiskogo morya) [The adaptation of Russian regions' economies to the rupture of relations with Europe: The case of Baltic Sea ports]. *Baltic Region*, vol. 15, no. 4, pp. 62–78. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-4. (In Russ.)

16. Kurenevskii A.S., Suvorkin A.S., Suvorkina Zh.A. 2020. Rossiiskaya Federatsiya v mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnosheniyakh [The Russian Federation in foreign economic relations]. In: Kainova G.A., Osyanina E.I. (eds.). *Issledovaniya molodykh uchenykh: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', yanvar' 2020 g.)* [Youth research: Proceedings of the 6th International Scientific Conference (Kazan, January 2020)]. [Kazan'], Molodoi uchenyi Publ., pp. 25–27. (In Russ.)

17. Lyubovtseva E.G., Gordeeva I.A. 2022. Vliyanie sanktsii na razvitie ekonomiki Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [The impact of sanctions on the development of Russian economy: Opportunities and restrictions]. *Oeconomia et Jus*, no. 3, pp. 8–14. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-3-8-14. (In Russ.)

18. Magadiev M.F. 2022. Aktual'nye aspekty gosudarstvennogo upravleniya v Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsii zapadnykh gosudarstv [Actual aspects of public administration in the Russian Federation in the context of economic sanctions of Western states]. *Regional'noe i munitsipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava*, vol. 9, no. 1 (27), pp. 48–55. (In Russ.)

19. Matveev V.A., Uyanaev S.V. 2022. Uglevodorodnaya otrasl' RF v usloviyakh sanktsii: vozmozhnosti kompensatsii za schet sotrudnichestva s KNR [The hydrocarbon industry of the Russian Federation under sanctions: The possibility of compensation through cooperation with China]. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 27, no. 27, pp. 56–70. DOI: 10.48647/IFES.2022.86.63.028. (In Russ.)

20. Radzhabova Z.K., Khidirova S.Z., Gyl'magomedova G.A. 2023. Vneshneekonomicheskaya politika Rossii i osnovnye etapy ee razvitiya [Foreign economic policy of Russia and the main stages of its development]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 3, pp. 138–141. DOI: 10.34823/SGZ.2023.3.52993. (In Russ.)

21. Sobol' T.S., Sharai A.I. 2023. Sovremennoe sostoyanie ekonomiki Rossii v usloviyakh sanktsii i perspektivy ee razvitiya [The current state of the Russian economy under the conditions of sanctions and prospects for its development]. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, no. 1 (44), pp. 7–15. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-1-7-15. (In Russ.)
22. Stolkov D.S. 2024. Novye tendentsii v rossiiskoi diplomatii posle 24 fevralya 2022 goda [New trends in Russian diplomacy after February 24, 2022]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 27–42. DOI: 10.21638/spbu06.2024.102. (In Russ.)
23. Teteryuk A.S., Bondarev M.D. 2022. Institut torgovykh predstavitel'stv Rossiiskoi federatsii na sovremennom etape: otsenka promezhutochnykh itogov ego reformirovaniya [Trade missions of the Russian Federation at the current stage: Assessing the interim results of their reform]. *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 2, pp. 202–232. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-202-232. (In Russ.)
24. Yusupov P.T. 2023. Transformatsiya mirovogo rynka nefti pod vliyaniem zapadnykh sanktsii [Transformation of the global oil market under the influence of Western sanctions]. *Innovation & Investment*, no. 6, pp. 57–61. (In Russ.)
25. Fasola N., Averre D. 2024. *Russia, the Global South and global governance: Russia's geostrategic reorientation and its implications for the G7: Policy brief*. Global Solutions Initiative. Available at: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2025/03/T7it_tf1_pb02.pdf (accessed: 20.12.2025).
26. Lagutina M., Tsvetkova N., Sergunin A. (eds.). 2023. *The Routledge handbook of Russian international relations studies*. London, Routledge.
27. Vaganova O.V. 2022. Russia and sanctions. *Research Result. Economic Research*, vol. 8, no. 1, pp. 4–11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 15.12.2025;
принята к публикации 22.12.2025

The paper was submitted 26.03.2025;
approved after reviewing 15.12.2025;
accepted for publication 22.12.2025

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-244-250

Рецензия / Book review

А.В. Сидорович*

РОЛЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

***Рецензия на книгу Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова,
В.И. Мунтияна «Россия и евразийская интеграция
в многополярном мире»***

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В центре внимания данной рецензии находится новая монография Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова, В.И. Мунтияна «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире», увидевшая свет в 2025 г. Рецензент отмечает, что авторы, сами принимающие непосредственное участие в выработке практических мер, направленных на развитие евразийской интеграции, представили по-настоящему комплексное исследование, охватывающее широкий спектр направлений и форм интеграционных процессов в Евразии, с особым акцентом на роли в них Российской Федерации. Особого внимания, по мнению рецензента, заслуживает то обстоятельство, что рассматриваемая работа содержит подробный анализ институциональной структуры евразийской интеграции. Такой анализ позволил авторам аргументированно вывести и обосновать свои рекомендации относительно приоритетных направлений дальнейшего развития интеграционных процессов на пространстве Евразии, включая дополнение их полноценным

* Сидорович Александр Владимирович — доктор экономических наук, почетный профессор МГУ, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; директор Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: avsidorovich42@mail.ru).

** Слуцкий Л.Э., Кротов М.И., Мунтиян В.И. Россия и евразийская интеграция в многополярном мире. М.: Издательство Московского университета, 2025.

«парламентским измерением», а также углубление взаимодействия всех организаций евразийского пространства (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ШОС). Говоря о проблемах и вызовах, стоящих на пути евразийской интеграции, авторы справедливо отмечают деструктивную роль стран коллективного Запада, которые пытаются активно противодействовать любым формам интеграционных процессов в Евразии, особенно тех, в которых лидирующую роль играет Россия. В то же время авторы констатируют недостаточное использование самой Россией методов денежно-кредитной политики и формулируют предложения в пользу усиления роли стратегического государственного управления, которое должно обеспечить возможность устойчивого развития всего региона. Это развитие, как отмечают авторы, неизбежно связано с процессом углубления сотрудничества с Китаем и Индией, которое должно быть дополнено новыми совместными международными форматами.

Ключевые слова: евразийская интеграция, внешняя политика России, Евразийский экономический союз, Большое евразийское партнерство, СНГ, ОДКБ, ШОС

Для цитирования: Сидорович А.В. Роль России в современной евразийской интеграции в условиях геополитических изменений. Рецензия на книгу Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова, В.И. Мунтияна «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 244–250. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-244-250.

Alexander V. Sidorovich

RUSSIA'S ROLE IN CONTEMPORARY EURASIAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHANGES

Book review of 'Russia and Eurasian integration in a multipolar world' by L.E. Slutsky, M.I. Krotov, and V.I. Muntian

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The book under review is a new monograph 'Russia and Eurasian integration in a multipolar world' by L.E. Slutsky, M.I. Krotov, and V.I. Muntian, published in 2025. The reviewer notes that the authors, who are directly involved in developing practical measures aimed at advancing Eurasian integration, have presented a truly comprehensive study. This study covers a wide range of inte-

gration processes in Eurasia, with a special emphasis on the role of the Russian Federation. The reviewer emphasizes that the authors provide a detailed analysis of the institutional structure of Eurasian integration. Such an analysis allowed them to convincingly substantiate their recommendations regarding priority areas for the further development of integration processes in Eurasia, i.e., adding a full-fledged parliamentary dimension, as well as deepening interaction among all organizations of the Eurasian space (CIS, CSTO, EAEU, and SCO). As for the challenges facing Eurasian integration, the authors rightly note the destructive role of Western countries, which actively attempt to hinder any forms of integration processes in Eurasia, especially those where Russia plays a leading role. At the same time, the authors note that Russia does not exploit the full potential of its monetary policy tools. In this regard, they stress the need to strengthen the role of strategic state management to ensure the possibility of sustainable development for the entire region. This development is inextricably intertwined with the process of deepening cooperation with China and India, which should be complemented by new joint international formats.

Keywords: Eurasian integration, Russia's foreign policy, Eurasian Economic Union, Greater Eurasian Partnership, Commonwealth of Independent States, Collective Security Treaty Organization, Shanghai Cooperation Organization

About the author: *Alexander V. Sidorovich* — Doctor of Sciences (Economics), Honored Professor, Professor at the Chair of Public Policy, School of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Director of the Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (e-mail: avsidorovich42@mail.ru).

For citation: Sidorovich A.V. 2025. Russia's role in contemporary Eurasian integration in the context of geopolitical changes. Book review of 'Russia and Eurasian integration in a multipolar world' by L.E. Slutsky, M.I. Krotov, and V.I. Muntiyar. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 244–250. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-244-250. (In Russ.)

Выход в свет рецензируемой монографии — значительное событие. В исследованиях становления и развития евразийской интеграции, на наш взгляд, еще не уделяется достаточного внимания анализу всесторонней деятельности России как экономического, политического и институционального драйвера этого процесса.

Исследование, проведенное авторами, которые принимают непосредственное участие в выработке практических мер, направленных на развитие евразийской интеграции, представляет большой интерес и имеет несколько особенностей, которые отличают его от

других работ по данной теме. К ним прежде всего следует отнести широкий политико-экономический подход к исследованию интеграции. Это выражается в том, что интеграция изучается в единстве политических, институциональных и экономических процессов на постсоветском пространстве и в связи с международными и глобальными изменениями. Другими словами, данный труд — это пример системного анализа всего комплекса проблем реального развития евразийской интеграции. Такой анализ неотделим от исторического подхода к интеграционному процессу. Этим обусловлено и особое внимание, которое авторы уделяют становлению и эволюции современного облика евразийской интеграции, что позволяет посмотреть на нее как на объективно развивающийся противоречивый процесс.

Еще одна важная особенность работы — специальный акцент на анализе институциональной структуры евразийской интеграции. Институциональный аспект, т.е. деятельность институтов, которые формируются в ходе сложных интеграционных процессов, не только мало изучен, но и слабо известен научной общественности. Преобладающим трендом рассмотрения интеграции является обособленный анализ различных экономических аспектов в сочетании с политическими процессами¹.

Данная монография в значительной мере восполняет этот пробел в евразийских исследованиях. В ней убедительно показано, что анализ интеграции нельзя сводить только к экономическим показателям — необходимо тщательное изучение развития институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Авторы рассматривают не только деятельность его ключевых органов, но и всю совокупность сформированных институтов, в которых отражены интеграционные процессы, а также ряд принятых органами Союза документов. В работе показано, что уже произошло формирование сложной институциональной структуры ЕАЭС, которая включает целую систему организаций. В финансовой сфере это Евразийский банк развития (ЕАБР), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), Евразийская перестраховочная компания (ЕПК). Наряду с данными организациями функционируют Фонд технического содействия (ФТС), Евразийское рейтинговое агентство и др. Важные

¹ Газизуллин Н.Ф., Сидорович А.В. Направления и принципы развития Евразийского экономического союза и евразийской интеграции. (Проблемный обзор публикаций в журнале «Проблемы современной экономики» за 2023 и 2024 гг.) // Проблемы современной экономики. 2025. № 1 (93). С. 27–30.

ориентиры современных институтов связаны с развитием кооперации в производственной сфере. Утверждены «Дорожная карта индустриализации», «Карта развития агроиндустрии» и т.д. Именно процесс институционализации интеграции позволяет добиваться значительного ее углубления в рамках Союза. На наш взгляд, это должно стать одним из главных направлений деятельности Евразийской экономической комиссии.

В современных условиях, когда накоплен значительный опыт практического сотрудничества в торгово-экономической сфере и резко возросла степень взаимозависимости стран, особенно важной становится задача создания и развития межгосударственных политических институтов. Принципиальная позиция авторов состоит в том, что развитие ЕАЭС неизбежно требует «евразийского парламентского измерения» интеграции (с. 139). Тем самым будет создана еще одна сфера согласования интересов стран, которая поможет решению сложных вопросов, хотя и в определенной мере усложнит принятие практических мер необходимостью парламентского обсуждения. На наш взгляд, парламентские формы интеграции на данном этапе могут быть введены не обязательно по всему спектру правовых проблем, а только по ключевым направлениям развития интеграции, в частности по социально-экономическим вопросам. Как мы отмечали ранее, настало время Союзу выдвигать общесоциальные цели, которые отражают стремление народов к равному доступу к социальным благам².

Авторы также справедливо обращают внимание на то, что институционализация деятельности ЕАЭС должна быть реализована не только с опорой на его собственные институты, но и через переход к новому этапу взаимосвязи всех организаций евразийского пространства. В этом контексте заслугой авторов является то, что они рассматривают интеграционную роль России через призму повышения ее вклада в развитие всей системы форм региональной межгосударственной интеграции, а именно СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ШОС. Авторы справедливо отмечают, что эти международные организации охватывают «различные сферы и уровни евразийской интеграции, образуя взаимодополняемую систему институтов сотрудничества» (с. 96). Каждая из них имеет свою институциональную структуру,

²Сидорович А.В. Евразийский экономический союз на новом этапе: совершенствование и развитие // Проблемы современной экономики. 2024. № 3. С. 6–14.

в результате чего образуется сеть институтов, охватывающая большое евразийское пространство. Это может служить мощным фактором его развития и создания Большого евразийского партнерства. Как представляется, такой подход существенно развивает обычное представление о путях формирования большой евразийской интеграции. В этой связи следует особо отметить проведенный авторами анализ деятельности ОДКБ как особого института интеграционных процессов, включающего парламентское измерение, и Союзного государства как «локомотива евразийской интеграции», который показывает, что такой ее уровень не только имеет большой потенциал развития, но и интересен для других стран продвинутыми формами многоуровневой межгосударственной интеграции.

Кризис современного мироустройства и формирование многополярности неизбежно меняют роль России на мировой арене и повышают ее ответственность за выбор адекватных новым условиям направлений евразийской интеграции. В то же время необходимо учитывать те ограничения, которые связаны с агрессивной политикой Запада в отношении России, что особенно проявилось в невиданном санкционном давлении на нашу страну. В работе показано, что коллективный Запад в принципе борется с «любими формами евразийской интеграции во всех сферах: экономике, политике, культуре» (с. 90). Это требует безусловной консолидации усилий всех стран ЕАЭС и основанных ими межгосударственных институтов. Активное противодействие развитию Союза связано и с тем, что европейская интеграция стран Запада противоположна по своему типу евразийской интеграции в силу различия природы ЕС и ЕАЭС. Они воплощают разные формы политико-экономического устройства и отношений между странами. Первый ориентирован на подчинение стран-участниц целям коллективного Запада. Другой же развивается на основе принципа реального равенства государств Союза при принятии любого решения, что открывает возможность гибко управлять процессами интеграции, решая общими усилиями все возникающие проблемы и противоречия. В сохранении этого принципа особая роль принадлежит России как крупнейшему государству Союза и правопреемнице СССР.

Залогом успешной деятельности России в области евразийской интеграции является устойчивое положение ее собственной национальной экономики. Неслучайно в работе выделен особый раздел, в котором анализируются вопросы экономической политики

России, включая структурные диспропорции развития отдельных регионов. Этот анализ позволяет обратить внимание на процессы, которые важны для всех стран ЕАЭС: авторы критически оценивают опыт использования методов денежно-кредитной политики России и формулируют предложения в пользу усиления роли стратегического государственного управления, которое должно обеспечить возможность устойчивого развития. Оно неизбежно связано, как отмечают авторы, с процессом углубления сотрудничества с Китаем и Индией, которое должно быть дополнено совместными международными форматами (с. 227).

Можно заключить, что данная работа Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова и В.И. Мунтияна является важным вкладом в развитие исследований евразийской интеграции, экономической и внешней политики России и других государств, образующих фундамент Большого евразийского партнерства.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025;
одобрена после рецензирования 24.12.2025;
принята к публикации 30.12.2025

The paper was submitted 24.11.2025;
approved after reviewing 24.12.2025;
accepted for publication 30.12.2025

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 25: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В 2025 Г.

Статьи	№	С.
На заре Pax Americana		
Минкова К.В. Проблема ратификации Устава Международной торговой организации во внутривополитическом дискурсе США 1948–1950 гг.	1	14–53
Лекаренко О.Г. Подходы США к экономическому развитию Западной Европы в 1940–1950-е годы	1	54–88
Магадеев И.Э. Контуры послевоенной системы безопасности в Европе во французских стратегических и дипломатических оценках (1943–1949)	1	89–140
Нестеров Д.А. Будущее колониальной системы в оценках экспертов Совета по международным отношениям во время Второй мировой войны	1	141–161
Сидоров А.А. «Тихоокеанская пактомания»: у истоков Сан-Франциско-ской системы	1	162–202
Садаков Д.А. Фактор США в эволюции региональной биполярной системы на Корейском полуострове в 1940–1970-е годы	1	203–237
Тема в фокусе: новая администрация Д. Трампа		
Александрия О.М., Савельев А.Г. Новая администрация Д. Трампа и проблемы преемственности стратегического планирования США	2	48–86
Батюк В.И. Вступая в 2025 г.: перспективы российско-американских отношений в оценках и прогнозах американских экспертов ...	2	87–112
Мировой порядок в XXI веке		
Бобров А.К. «Доктрина Киссинджера»: трансформация стратегического треугольника «Россия — Китай — США» в 1970–2020-е годы	3	12–37
Смирнов П.Е. Второе президентство Д. Трампа: национальный интерес или «порядок, основанный на правилах»?	3	38–79

Статьи	№	С.
Арктика — зона конфликта?		
Конышев В.Н., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Международное арктическое сотрудничество в эпоху глобальной нестабильности: проблемы и перспективы	2	113–144
Внешняя политика и научная дипломатия		
Фененко А.В. Римский клуб и генезис «нового политического мышления»	4	9–54
Сулейманов И.Т. Советский опыт научной дипломатии: становление Объединенного института ядерных исследований	4	55–88
Международная безопасность		
Шестакова С.С. Переговоры по иранской ядерной программе: феномен СВПП, современное состояние и перспективы развития ...	2	145–176
Энергетический переход и экономическая дипломатия		
Алиев Р.А. Политика энергетической справедливости: теория, практика и опыт Прикаспийского региона	4	89–129
Проблемы глобального управления		
Гришин Н.В. Рекомендации международных наблюдателей на выборах: принуждение или авторитет?	4	130–158
Теория международных отношений		
Веселов Ю.А. Особенности осмысления концепции «порядка, основанного на правилах», в западной академической литературе ..	3	80–103
Гайдаев О.С. К новой этике международной безопасности: о социально-политической миссии и нормативных подходах в теории секьюритизации	3	104–138
Абрамова Е.А. Связка «безопасность — развитие» во французском научном дискурсе: осмысляя политику Франции в странах зоны Сахеля	3	139–178
Космос в мировой политике		
Кошкин П.Г. Преемственность и изменчивость в подходах США к освоению космоса (2017–2025)	3	179–212

Статьи	№	С.
«Мягкая сила» в мировой политике		
Марчуков А.Н. Публичная дипломатия России в Латинской Америке в условиях геополитической напряженности: ключевые акторы, возможности и препятствия	3	213–239
Региональные проблемы мировой политики		
Арсентьева И.И. «Сотрудничество Юг–Юг с китайской спецификой»: к 10-летию Форума Китай–СЕЛАК	4	159–186
Ван Юйфэй. Интеррегиональная политика КНР на примере китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества	4	187–216
Иностранная помощь		
Мендагазиев А.Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков	2	177–207
Внешняя политика России и стран СНГ		
Зайцев М.Р. Ключевые направления трансформации системы экономической дипломатии Российской Федерации после 24 февраля 2022 г.	4	217–243
Научные обзоры и рецензии		
Вершинин А.А. Внешняя политика на сломе эпох. <i>Размышления на полях книги О.Р. Айрапетова «История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы»</i>	1	238–256
Белинский А.В. Вглядываясь в бездну. <i>Рецензия на монографию Р. Овери «Почему война?»</i>	2	208–216
Улунян А.А. Сохранить империю в неприкосновенности. <i>Рецензия на монографию С.Г. Малкина «Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума»</i>	3	240–248
Сидорович А.В. Роль России в современной евразийской интеграции в условиях геополитических изменений. <i>Рецензия на книгу Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова, В.И. Мунтияна «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире»</i>	4	244–250

COMPLETE LIST OF PAPERS PUBLISHED IN 'LOMONOSOV WORLD POLITICS JOURNAL' IN 2025

Papers	№	P.
At the Dawn of Pax Americana		
Minkova K.V. Ratification of the ITO Charter in the U.S. Domestic Political Discourse, 1948–1950	1	14–53
Lekarenko O.G. U.S. Approaches to Economic Development of Western Europe in the 1940s–1950s	1	54–88
Magadeev I.E. Contours of the Post-War Security System in Europe in French Strategic and Diplomatic Assessments (1943–1949)	1	89–140
Nesterov D.A. The Future of the Colonial System as Assessed by Experts of the Council on Foreign Relations during the Second World War ..	1	141–161
Sidorov A.A. The Pacific Pactomania: At the Origins of the San Francisco System	1	162–202
Sadakov D.A. The U.S. Factor in the Evolution of the Regional Bipolar System on the Korean Peninsula in the 1940s–1970s	1	203–237
Focal Point: A New Trump Administration		
Aleksandriya O.M., Savelyev A.G. Donald Trump's New Administration and Continuity in U.S. Strategic Planning	2	48–86
Batyuk V.I. Entering 2025: U.S.–Russian Relations in the Estimates and Forecasts of American Experts	2	87–112
World Order in the 21st Century		
Bobrov A.K. Kissinger Doctrine: The Transformation of Russia-China-U.S. Strategic Triangle from the 1970s to the 2020s	3	12–37
Smirnov P.Ye. Donald Trump's Second Presidency: National Interest vs. 'Rules-Based Order'?	3	38–79
The Arctic — A Zone of Conflict?		
Konyshhev V.N., Lagutina M.L., Sergunin A.A. International Arctic Cooperation in the Era of Global Instability: Challenges and Prospects ..	2	113–144
Foreign Policy and Science Diplomacy		
Fenenko A.V. The Club of Rome and the Genesis of 'New Political Thinking'	4	8–54

Papers	№	P.
Suleymanov I.T. Soviet Experience of Science Diplomacy: Establishment of the Joint Institute for Nuclear Research	4	55–88
International Security		
Shestakova S.S. Negotiations on the Iranian Nuclear Program: Phenomenon of the JCPOA, Current Status, and Prospects	2	145–176
Energy Transition and Economic Diplomacy		
Aliyev R.A. Energy Justice Policy: Theory, Practice and Experience of the Caspian Region	4	89–129
Issues of Global Governance		
Grishin N.V. International Election Observer Recommendations: Coercion or Authority?	4	130–158
Theory of International Relations		
Veselov Yu.A. 'Rules-Based International Order' in Western Academic Literature	3	80–103
Gaidaev O.S. Towards a New Ethics of International Security: On Socio-Political Mission and Normative Approaches in Securitization Theory	3	104–138
Abramova E.A. 'Security — Development' Nexus in French Academic Discourse: On France's Policy in the Sahel	3	139–178
Outer Space in World Politics		
Koshkin P.G. Continuity and Change in U.S. Space Exploration Approaches (2017–2025)	3	179–212
'Soft Power' in World Politics		
Marchukov A.N. Russia's Public Diplomacy in Latin America Amid Rising Geopolitical Tensions: Key Actors, Obstacles, and Opportunities . . .	3	213–239
Regional Issues of World Politics		
Arsent'yeva I.I. 'South–South Cooperation with Chinese Characteristics': On the 10 th Anniversary of the China–CELAC Forum	4	159–186
Wang Yufei. PRC's Interregional Policy: A Case Study of Sino-Central Asian Economic Cooperation	4	187–216

Papers	№	P.
Foreign Assistance		
Mendagaziev A.E. Leading Western Countries as Investment and Development Assistance Providers in Central Asia: Logic of Risk Perception and Mitigation	2	177–207
Foreign Policy of Russia and the CIS Countries		
Zaytsev M.R. Russia's Economic Diplomacy System: Key Transformations after February 24, 2022	4	217–243
Review Essays and Book Reviews		
Vershinin A.A. Foreign Policy at the Turn of the Epochs. <i>Book review of 'History of the Soviet foreign policy in 1918–1941' by O.R. Airapetov</i>	1	238–256
Belinsky A.V. Peering into the Abyss. <i>Book Review of 'Why War?' by R. Overy</i>	2	208–216
Ulunyan A.A. Safeguarding the Empire. <i>Book Review of 'Policing Empire: Colonial Control and the British Military Thought during the Interbellum' by S.G. Malkin</i>	3	240–248
Sidorovich A.V. Russia's Role in Contemporary Eurasian Integration in the Context of Geopolitical Changes. <i>Book Review of 'Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World' by L.E. Slutsky, M.I. Krotov, and V.I. Muntiyany</i>	4	244–250